

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Уполномоченный по правам человека в Свердловской области

Публицистический проект

«Если бы не 1917-й...»

Если бы не 1937-й»

Екатеринбург, 2017

Публицистический проект «Если бы не 1917-ый... Если бы не 1937-ой...»: сборник материалов по итогам проекта /
Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Т.Г. Мостон. – Екатеринбург, 2017. – 144 с.

В сборнике представлены материалы публицистического проекта «Если бы не 1917-ый... Если бы не 1937-ой...», проведенного в 2017 году Управлением стратегии и информационной политики совместно с объединённым советом обучающихся и историческим факультетом УрГПУ. Партнером проекта выступил аппарат уполномоченного по правам человека в Свердловской области. В проекте приняли участие старшеклассники и студенты, учителя истории и обществознания, литературы и русского языка учебных заведений Екатеринбурга и Свердловской области, ученые, публицисты и преподаватели высших учебных заведений.

Сборник будет интересен специалистам, преподавателям, а также широкому кругу читателей.

«Наступающий 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революции. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков и ученых – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий. К сожалению, в истории России было очень много тяжелых и кровавых событий, но это то, через что мы прошли и что мы обязаны знать».

Владимир Путин

Уважаемые читатели!

Ежегодно Уполномоченный по правам человека в Свердловской области готовит специальные доклады по самым актуальным темам. В 2017 году специальный доклад посвящен 80-летию «Большого террора», одной из самых трагических страниц в истории нашей страны.

Центральная тема доклада – право на память, которая, в том числе, рассматривает одну из главных проблем современности: как донести знания о трагическом прошлом до восприятия и понимания молодежи. В течение последних двадцати лет аппарат уполномоченного по правам человека в Свердловской области неоднократно инициировал проекты, акции и конкурсы, в рамках которых школьники и молодежь под руководством педагогов-наставников рассматривали политические репрессии и их последствия с правовой точки зрения, таким образом принимая участие в увековечивании памяти жертв политических репрессий.

Конкурс эссе и исследовательских работ, проведенный в рамках публицистического проекта «Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й...», организованный управлением стратегии и информационной политики и объединенным советом обучающихся УрГПУ, вносит свою лепту в коммеморацию – публичную реабилитацию жертв политических репрессий.

Проект, способствующий повышению интереса к истории родной семьи, региона, страны; углублению знаний у обучающихся средних и высших образовательных организаций по истории революции 1917 года и «Большого террора» в СССР вызвал неподдельную волну откликов. География участников конкурса выходит за рамки Свердловской области и Российской Федерации.

Представители Латвии, Новосибирской области, Алтайского края, Ханты-Мансийского автономного округа и городов Свердловской области в своих работах – будь они исследовательской или публицистической направленности – обсуждают проблемы коллективизации и раскулачивания, особенности спецпоселений и национальной репрессивной политики. И все это сквозь призму человеческих судеб, целых семей, когда было поправлено право на защиту чести и достоинства, поправлено само право на жизнь человека. И что остается тогда в наследство? Только – право на память.

Весь этот сборник представляет собой собранную память тех, кто безвинно пострадал в годы репрессий.

*Уполномоченный по правам человека
в Свердловской области
Мерзлякова Т.Г.*

О проекте

Управление стратегии и информационной политики совместно с объединённым советом обучающихся и историческим факультетом УрГПУ подводит итоги проведенного в 2017 году публицистического PR-проект «Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й».

Актуальность проекта заключается в том, что 2017-й год является знаковым для истории России. В этом году мы вспоминаем две даты: 100-летие социалистической революции и 80-летие большого террора. Два события, повлиявшие на ход истории страны, осмысление которых в период новейшей истории (1990-2000 гг.) вызвало много споров и дискуссий в обществе о значении каждого из них. А в какой-то мере даже раскололо общество на приверженцев и противников большевизма, на сторонников и противников сталинизма. 2017 год призван не только наиболее достоверно рассказать об этих событиях, но и показать их историческое место в развитии государства.

В ходе реализации проекта:

- были организованы панельные дискуссии, круглые столы и парламентские дебаты по теме проекта;
- активизирована поисковая и исследовательская деятельность;
- организован сбор материалов, посвященных 100-летию социалистической революции в России и 80-летию «Большого террора» в СССР.

Проект был призван способствовать:

- формированию исторической грамотности молодежи, их активной гражданской позиции, а также стремлению к пониманию и осмыслению неоднозначных событий в истории Российского государства и СССР;
- повышению интереса к истории родной семьи, региона, страны;
- углублению знаний у обучающихся средних и высших образовательных организаций по истории социалистической революции и «Большого террора» в СССР посредством самостоятельной работы;
- повышению творческого потенциала молодого поколения;
- углублению чувства патриотизма.

Участники

В проекте приняли участие старшеклассники и студенты, учителя истории и обществознания, литературы и русского языка учебных заведений Екатеринбурга и Свердловской области, ученые, публицисты и преподаватели высших учебных заведений.

Автор и руководитель проекта:

Паэгле Наталья Михайловна, начальник управления стратегии и информационной политики УрГПУ, член Союза журналистов России, неоднократный победитель грантовых конкурсов, посвященных проблемам формирования гражданского общества, автор трехтомника «За колючей проволокой Урала», посвященного жертвам политических репрессий (т. р. +7 (343) 235 76 99, paegle@uspu.me).

Партнер проекта – Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Татьяна Георгиевна Мерзлякова.

Соруководитель:

Островкин Денис Леонидович, советник ректора по молодежной политике УрГПУ, председатель объединенного совета обучающихся УрГПУ, автор и организатор патриотического проекта «У Победы наши лица», социальных проектов в области инклюзивного образования «Мир без границ», «Шаг навстречу» (т. +7 (343) 336 15 84, ostovkin.denis@yandex.ru).

Электронную площадку проекту предоставил сайт живаяистория-ургу.рф

Предисловие

Откуда в современном обществе возникает потребность в Сталине? Почему порой даже молодежь желает видеть в нем кумира? Почему набирают силу тенденции к одобрению авторитаризма, «сильной руки», повиновению одним другим, пересмотру истории в «нужном» русле, отсутствию аналитического и критического взгляда на происходящие процессы? Что было неизбежным и чего можно было избежать? Есть ли взаимосвязь между этими годами? Каковы последствия и возможные сценарии развития?

Возможно, попытаться дать ответы на эти вопросы призван 2017-й год, в ходе которого необходимо не только достоверно рассказать о событиях 1917-го и 1937-го, но и показать их историческое место в развитии государства. Особенно в том случае, когда это касается работы с молодежью.

Если учесть, что молодежь, не имея сформированного мировоззрения и жизненного опыта, а также достаточных знаний в разных областях, легко поддается влиянию, то очень важно, кто и каким образом будет оказывать влияние на молодые умы. Как правило, молодежи не свойственны аналитический подход к осмыслению исторических событий, сопоставление прошлого и настоящего, наблюдение причинно-следственных взаимосвязей и исторических последствий.

Поэтому нам представлялось важным начать проект с организации панельных дискуссий, круглых столов и парламентских дебатов по теме проекта. Мы начали с анализа событий с февральской революции 1917 года: была ли с приходом к власти Временного правительства достигнута истинная свобода или создана только ее иллюзия? И был ли дальнейший выбор у России?

Мы не случайно определили проект как публицистический, предоставив студентам возможность свободы поиска, анализа и осмысления происшедших событий, написания своей альтернативной истории.

Было очень важно в процессе обсуждений показать молодежи взаимосвязь революционных и послереволюционных событий с 1937-м годом. В том, что эта взаимосвязь существовала, сегодня уже мало кого надо убеждать. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, прошедший Соловецкий лагерь, человек, которого называли совестью нации, в своих тетрадях писал: «Это теперь отмечают как «особые» 1936 и 1937 годы. Массовые аресты начались с объявлением в 1918 году красного террора, а потом, как бы пульсируя, усиливались-усиливались в 1928-м, 1930-м, 1934-м и т.д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы города».

Проблематика проекта «Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й», на наш взгляд, лежит не только в плоскости доведения определенной информации до молодежи. Родившиеся в конце XX – начале XXI века сегодняшние юноши и девушки не испытывают того пиетета к вождям революции, который насаждался в советские времена. И они примут предложенные им версии без психологического сопротивления. Другое дело – носители информации, то есть преподаватели, и те, кто работает с молодежью в этой сфере. Сможем ли мы изжить из себя навязанные образы вождей, пафос революционных событий и отдать должное подлинным фактам и архивным документам?

С этой целью и был задуман в Уральском государственном педагогическом университете публицистический проект «Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й».

Вы держите в руках сборник статей, написанных по итогам проекта. Некоторые созданы на основе мини-исследований по истории своей семьи, своего города, края, страны, что предполагает работу с архивами, в том числе и семейными, изучение первоисточников, запись устной истории, знакомство с фондами и экспозициями музеев.

Наталья Паэгле

Часть I

События проекта

**8 февраля 2017 г. в музее истории УрГПУ
прошла литературная гостиная, посвященная
100-летию Октябрьской и Февральской революций 1917 года**

Раскол вызвал революцию или революция – раскол?

Татьяна Мостон

Название проекта «Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й» странно переплослось в фильме «Ленин в Октябре», где события 1917-го года снимали в 1937-ом. Если бы не 1937-й, фильм о 1917-ом, скорее всего, был бы другим. Процесс создания картины контролировал сам Сталин. Отрывок из фильма, показанный в самом начале литературной гостиной, организованной музеем истории УрГПУ в феврале, вызвал шквал разных мнений. Считать ли Октябрьскую революцию Великой? Насколько правдива упомянутая кинокартина? Как преподносить события 1917 года на уроках истории? Кто начал террор – большевики или белогвардейцы?

Произведение художественное или политическое?

Сцена из фильма: Ленин заходит в зал, идет по проходу. Люди восторженно его приветствуют, соскакивая со своих мест.

– Товарищи, рабоче-крестьянская революция, о необходимости которой говорили большевики, свершилась! – эти слова Владимира Ильича вызывают шквал аплодисментов. Народ ликует. Народ еще не знает, что его ждет: братоубийственная гражданская война, коллективизация, голод и репрессии, унесшие жизни миллионов людей, подъем экономики, расцвет социализма и его закат в 1991-ом.

После просмотра отрывка литературная гостиная сразу же превращается в клуб исторических дебатов. У собравшихся за столом преподавателей, сотрудников и студентов вуза каждое заявление вызывает споры.

– 1917 год – памятный, значимый, юбилейный, – начала разговор директор музея истории УрГПУ, кандидат исторических наук Ирина Грибан. – Как бы мы сегодня ни относились к событиям, которые произошли 100 лет назад, они, безусловно, стали глобальными вехами XX века, повлиявшими не только на историю нашей страны, не только на историю каждой семьи без исключения, но и на мировую историю в целом. Память о революции трансформировалась, изменялась, какие-то события со временем становились более значимыми, какие-то – менее. Если дети, родившиеся в Советском Союзе, воспринимали ее по таким фильмам, как «Ленин в Октябре», то мы, сегодняшнее молодое поколение, понимаем ее совершенно абстрактно, для нас это событие далекое, и не всегда по учебникам можно в нем разобраться.

– В фильме все события сильно искажены, – заявил Михаил Попов, профессор исторического факультета, – Ленин прибыл в Смольный только вечером 25 октября, когда уже давно шел Второй съезд Советов. Для обывателя этот большевистский переворот произошел абсолютно незаметно. Работали театры, кинотеатры, рестораны, магазины. Не было ни штурма, ни стрельбы. Во время захвата власти большевиками погибло всего шесть человек. Не было массовой поддержки большевиков народом. На их стороне были только балтийские матросы, Павловский полк, красногвардейцы. Основная масса объявила нейтралитет.

– Что касается фильма «Ленин в Октябре», которому уже 80 лет, – критиковать его нечего, это художественное произведение, – заявила профессор исторического факультета Зинаида Гузненко.

– Нет, это в первую очередь политическое произведение, – не согласился Михаил Валерьевич.

– Это была попытка осмысления первых десятилетий, – вмешался в разговор Анатолий Сердюков, кандидат исторических наук, доцент.

– Это было художественное произведение, созданное в определенное время с определенной целью. Тогда еще не было возможности осмыслить событие. Михаил Ромм, режиссер этого фильма, понимал, что Сталин просматривает и регулирует каждый кадр, – пояснила свою точку зрения Зинаида Ивановна.

– Тут я категорически не согласен. Любой фильм, любая точка зрения не может быть объективной, человек все равно преследует какие-то цели. Он не может быть свободен от политических настроений, социальных наслоений в концептуальном плане, но он должен стремиться к этому. Этот фильм не только не стремится к объективности, он явно создан вопреки объективности. Режиссер специально искажает события того времени. Но надо учесть, что это 1937 год. Если бы режиссер показал правду, вы знаете, что бы с ним было.

– Этот фильм многократно корректировался и изменялся, – уточнила Ирина Владимировна. – Поэтому это очень специфичный источник информации. В нем что-то вырезали, добавляли. К 1963 году роль Сталина совсем свели на нет.

– Как только совесть позволила так изобразить Ленина – как придурковатого интеллигента! Да не был он таким! – вмешался Михаил Валерьевич. – Ленин был совсем другим. Но об этом еще никто не снял фильм.

– С точки зрения киноязыка, в этом фильме хорошо видны приемы идеализации вождя. Гиперболизация, монтаж, ракурсы, которые использует оператор, интересны для понимания, как создается этот образ, – вступила в разговор Лилия Якина.

«Весь мир насилья мы разрушим..?»

«Весь мир насилья мы разрушим до основания», – пелось в известной песне. Но можно ли разрушить мир, не применяя насилия? И можно ли сегодня оправдать миллионы жизней, брошенных под колеса истории?

– К осени 1917 года, когда был поставлен вопрос о взятии власти Советами, – рассказал Михаил Валерьевич, – в Екатеринбург, тогда – уездный город, пришла телеграмма, и власть перешла к Городской Думе, а от нее – к Совету рабочих и солдатских депутатов.

Конечно, насилие недопустимо, в этом нет сомнений. До лета 1918 года большевики хоть и применяли насилие, но оно было мягким – никого не расстреливали, не арестовывали. Увольняли, в худшем случае – выселяли из квартиры. Когда началась широкомасштабная Гражданская война, мятеж Чехословацкого корпуса, 25 июля 1918 года советская власть в Екатеринбурге была свергнута, начался год белогвардейского правления.

Недопустимо применение насилия во время проведения преобразований. Это приводит к расколу общества и эскалации насилия. Срабатывает принцип домино. Пришли белые, и началась кровавое время – аресты, расстрелы. В сентябре 1919 года власть перешла к красным. И они отреагировали на смерть товарищей террором. Если бы был достигнут консенсус в обществе, то не было бы раскола и насилия.

– Михаил Валерьевич сказал важную вещь о том, что насилие недопустимо, – поддержала его Лилия Николаевна. – То есть мы погружаем старшеклассников в некую систему координат гуманистического принципа, где жизнь человека, его права, интересы и потребности – это наивысшая ценность. Мы должны направить мысль старшеклассника по этому пути:

какой ценой достигнуты те или иные преобразования? Цель и средства. Русские писатели и философы одними из первых задавали эти вопросы. «Можно ли построить гармонию мира на слезе ребенка?» – спрашивает Иван Карамазов. Я ближе к гуманистическим идеалам.

– К либеральной точке зрения, – уточнил Михаил Попов. – Нельзя быть патриотом, не будучи либералом, я глубоко в этом убежден, хотя нас, либералов, сейчас критикуют, показывают карикатурно. Нельзя быть государственным, не будучи либералом, сомнений у меня в этом нет.

– Интересная позиция, тем более, что она обобщающая. Такие формулировки нам, историкам, никогда нельзя давать, – заявила Зинаида Гузненко. – Кто критикует либералов? За что? Каким образом эта критика высказывается? Разговор должен быть предметным.

– 2017 год стал линией раздела общества на сторонников советской власти и ее противников, либералов, – обобщил Анатолий Сердюков. – От того, какая будет выработана позиция, как будет оценен октябрь 1917-го сегодня, будет зависеть, как наше общество будет развиваться – либо раскол, либо сплочение нации.

– Раскол – это следствие не самой революции, а гражданской войны и всех последующих событий, преодолеть которые только позицией правящей элиты невозможно, потому что этот раскол существует на уровне нескольких поколений, – высказала свою точку зрения Ирина Владимировна.

– К революции надо относиться объективно, революции есть социально-политические, научные, культурные, технические и другие. Самые большие споры вызывают революции социальные. Если это революция, значит, столкнулись не просто мнения, идеи, а разные слои общества. И у каждого слоя были сторонники, потомки, последователи. Ни одной революции не может быть без раскола, – считает Зинаида Ивановна.

– Наоборот, раскол вызывает революцию, – уточнил Михаил Попов.

– Если революция невозможна без террора, необходимо отказаться от самой революции, – заявила Лилия Николаевна.

– Есть у революции начало, нет у революции конца. Наши споры доказывают, что это событие повлияло на весь мир, влияет и еще будет влиять, – подвела итог Маргарита Ковалевская, специалист по учету музейных предметов.

Называть ли революцию «великой»?

Формулировка, известная старшему поколению как «Великая октябрьская социалистическая революция» ушла в прошлое. В одном из проектов Историко-культурного стандарта применительно к событиям этого периода использована формулировка «Октябрьский переворот. Приход к власти партии большевиков во главе с В.И. Лениным».

– Эта тема изучается в 10 классе. Новые учебники наша библиотека получила, мы с ними работаем, – уточнила Лилия Николаевна. – Если мы учим старшеклассника размышлять, рассказываем, что сегодня в обществе есть полярные оценки, промежуточные оценки, то как же можно сразу давать им ответ, называя революцию «великой»? Это готовый ответ на вопросы, на которые он на протяжении своего взросления будет отвечать.

– «Слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают, как платье», – заметила Зинаида Ивановна. – Если говорить об эпитетах, которые сопровождали революции в России 1917 года, и февральскую, и октябрьскую, то именно октябрьская революция несколько десятилетий существовала с эпитетом «великая» и никто этого не боялся. Французы как именовали свою революцию «великой», так до сих пор не отказываются от этого. А наших неученых и политиков разных времен качает из стороны в сторону. То «великая», то «октябрьская», то «переворот», то «потрясение», чуть ли не чума. То, что история всегда была подвержена политическому и идеологическому влиянию, мы знаем.

– На мой взгляд, слово «великая» не подразумевает положительной или отрицательной оценки, – вступил в разговор Максим Ярушин, студент исторического факультета. – Великая она потому, что повлияла на весь ход дальнейшей истории в мировом масштабе. Лично я согласен, что Октябрьскую революцию допустимо называть «великой». А что касается французов, они отказались от слова «великая» по отношению к своей революции, хотя ей тоже можно приписать некоторые прогрессивные заслуги. Это была первая попытка создания единого европейского пространства.

– В русской культуре есть традиция употребления слова «великий» – «великий русский язык», «великий поэт Александр Сергеевич Пушкин», «великий русский композитор Чайковский». И все понимают это лексическое значение. Слово имеет смыслы, которые мы подсознательно активизируем, когда его слышим, – заметила Лилия Николаевна.

«Моя поэзия здесь больше не нужна»

– Когда говоришь о революции, из школьной программы вспоминается Блок, Есенин и Маяковский, – перевела разговор в русло литературы Ирина Владимировна. – Эти поэты пропустили через себя события, последовавшие за февралем 1917-го, и у них произошел внутренний раскол из-за того, свидетелями чего они были. Есенин переживал о том, что происходит с его любимой деревней, Блок пошел наперекор окружавшей его интеллигенции, которая не приняла революцию. Революция вызвала борьбу в душах отдельно взятых людей, что не могло не проявиться в их творчестве.

– Есенин – противоречивая фигура. Поддержав революцию в начале: «Люблю я рокот буйных вод», через несколько лет, когда во время гражданской войны он путешествовал по России и выступал со своими стихами, видел расстрелы людей, становится не уверен в правоте красной власти, – заявил магистрант Александр Бердников.

– Это не противоречие. Просто человек столкнулся с действительностью, последовавшей за революцией, – уточнил Максим Ярушин.

– У многих писателей менялось отношение к революции, у того же Максима Горького. Когда человек ужасается происходящему, он отрекается от революционных идеалов, – подержала студентов Лилия Николаевна.

– Поэты не столько разочаровывались в том, что они увидели, а еще и не находили себе места в этой новой реальности. Ломка происходила и в целом в обществе, и в каждом человеке. Есенин уже в 1924 году писал:

Вот так страна! Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна,

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Но при этом они оставались людьми, которые любили Родину:

Я буду воспевать всем существом в поэте

Шестую часть земли с названьем кратким Русь, – зачитала Ирина Владимировна.

«Исторический роман сочинял я понемногу...»

Вторая часть литературной гостиной у многих вызвала удивление. Анатолий Андреевич Сердюков, десятки лет отдавший созданию и развитию музея истории УрГПУ, человек науки, презентовал свой... роман «Человек своего времени»!

Анатолий Андреевич рассказал в нем о судьбе ученого, всю жизнь преподававшего историю КПСС, свято верившего в социалистические идеалы, вдруг оказавшегося в октябре, где

«о наступившем празднике напоминали лишь повешенные кое-где на домах красные флаги. Да и они, заплетаясь от порывов ветра, выглядели совсем не по-праздничному тоскливо».

Словосочетание «повешенные... красные флаги» очень емко передает события того времени. По словам Анатолия Андреевича, образ главного героя романа Вадима Андреевича Звездина – собирательный, в нем соединились черты многих профессиональных историков, судьбы разных людей, которых объединяло одно: верность коммунистической партии.

События 1917-го в год столетия будут обсуждаться на самых разных уровнях и бесчисленное количество раз. И это, наверное, хорошо – есть возможность взглянуть на них под разными углами зрения, узнать много нового, провести честный анализ. Недаром 100-летие российской революции отмечается в стране под лозунгом: осмысление во имя консолидации.

**17 февраля 2017 г. прошли публичные дебаты
студенческих клубов «A'rgiori» и «Точка зрения»
на тему «Февральская революция: свобода или иллюзия?»**

Стоит ли жалеть о том, что было в феврале 1917?

Наталья Паэгле

В рамках проекта «Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й...» прошли публичные дебаты, организованные объединённым советом обучающихся. Перед слушателями, которых было более 160 человек, выступали представители «Правительства» и «Оппозиции», защищающие и разоблачающие Февральскую революцию 1917 года.

Главные вопросы, которые обсуждали дебатырующие стороны: стоит ли сожалеть о том, что произошло в феврале 1917 года, развивалась ли Россия при монархии, состоялась ли Государственная Дума при царизме как демократический орган, насколько мог влиять на процессы, происходившие в стране, император Николай II и возможно ли было избежать Октябрьской революции?

Команда «Правительства» сборная – Егор Артемов, студент II курса факультета социологии УрГПУ, Мария Андреева – десятиклассница школы № 29 Екатеринбурга, Ольга Заровнятых – студентка I курса Уральского государственного юридического университета. Первым от имени «Правительства» выступил Егор. Аргументировано и напористо. Основные его тезисы свелись к защите монархии, при которой Россия правильно развивалась и двигалась по пути построения гражданского общества.

– Государственная Дума через новые классы могла влиять на политику и выражать взгляды разных слоев общества. Если бы не состоялась революция, сначала Февральская, а потом Октябрьская, наша современная Дума за 70 потерянных лет прошла бы необходимый путь развития и сегодня была бы демократическим органом. И в целом Россия достигла бы высокого уровня развития, не уступающего европейским странам. Следствием Февральской революции стала Октябрьская, которая вместе с гражданской войной унесла миллионы жизней. И эти человеческие потери ничем нельзя оправдать. Главный наш аргумент – в результате двух революций в 1917-м году потеряно 70 (советских) лет, в течение которых Россия прошла бы достойный путь развития.

Его оппонент Виктор Зубков, студент II курса механико-математического факультета УрФУ и предводитель оппозиции, также смело и доказательно стал отстаивать свою точку зрения:

– Вы защищаете монархию, но скажите, готова ли она была к трансформации? Нет! Николай II потерял контроль над ситуацией в стране, он предпочел решать свои личные дела, оставив Россию. Его не интересовали внутренние проблемы страны, он занимался внешней политикой, и опять же безуспешно. Страна нуждалась в реформах. Реформы Вите и Столыпина не могли вывести страну из кризиса, в который она погружалась в последние годы правления Николая II. А кровавое воскресенье, когда лично царь дал команду на расстрел жителей столицы, это не гражданская война? Да, революции 1917 года привели к тяжелым человеческим потерям, но это все оправдалось потом. Мы стали сильной державой, и первыми запустили человека в космос.

Слушатели, и среди них – старшеклассники и педагоги-историки 100-й школы Екатеринбурга, с неподдельным интересом следили за дебатерами, кто-то прямо на месте обсуждал затронутые проблемы.

К трибуне вышла Ольга Заровнятых и, убеждая оппонентов и слушателей, дальше повела линию доказательств того, что в ходе конституционной эволюции была создана Государственная Дума – истинная попытка построения в России демократического органа:

– Немало было решено вопросов в социально-экономическом плане – реформа Вите укрепила позиция России, внешние и внутренние, была построена Транссибирская магистраль, имеющая стратегическое значение для страны, протянувшейся на тысячи километров с востока на запад. К сожалению, наступившая вслед за Февральской Октябрьская революция привела к позорному сепаратному миру, в результате которого Россия потеряла часть своих земель и доверие иностранных компаний.

Зал волновался. И хотя все строго соблюдали правила дебатов – не перебивали, не высказывались с места, но уж очень все это «подогревало». И особенно это почувствовалось, когда вышла к трибуне Екатерина Лебекина, второкурсница-политолог из УрФУ. Ее силе слова позавидовали бы мужчины.

– А зачем нам думать о потерянных территориях, об иностранном капитале? Мы – народ России, и мы хотим жить хорошо в своей стране. А правительство нам этого не может обеспечить. 1905 год отмечен только декларированием свобод, а не их реальным применением. Да, обе революции 1917 года привели к потерям и жертвам. Перестройка любого политического строя требует жертв, но после Октябрьской революции мы смогли создать хоть какое-то гражданское общество, а до этого его не было совсем. Монархии не нужны были умы. Политически лояльные люди находились у вершины власти, на протяжении всей истории народ России не имел голоса и права выбора. А после Октябрьской революции этот выбор появился. И начала формироваться политическая культура в обществе. И даже чистки и террор можно оправдать, так как только силой можно навести порядок и укрепить государство. Еще раз повторяю: нас интересуют интересы собственного народа, а не иностранных компаний.

Так, стоп! Хочется перевести дух. Честно сказать, теряется ощущение деловой игры, и меня мучает вопрос: команды играют или на самом деле выражают свои убеждения? И эта явная параллель с современностью – случайна ли она? Но в бой уже рвется Мария Андреева, и слушатели предвкушают ее ответ на доводы Екатерины.

– О каком выборе народа вы говорите? Выбор народа – это накопившийся взрыв эмоций! Это – социальный взрыв! Ни одна революция не приносит счастья. Что дала ваша революция? К чему она привела? К голоду, к поражению в войне? В начале XX

века у нашей страны был выбор, мы могли развиваться как демократическое общество. Все обрушила революция и отбросила нас в развитии далеко назад.

Вижу, как переговариваются эксперты, молодые историки УрГПУ: Денис Островкин, Ирина Грибан, Иван Попп. И даже понимаю, о чем они говорят. Наши дебаты часто теряют грань между двумя революциями, о чем и заметят им в конце. Обе команды увлекаются последствием Октябрьской или перечисляют, что отличало Россию до того, как она свершилась. Февральская для них, несмотря на знание исторического периода и множества фактов, которыми они апеллируют, кстати, по мнению экспертов, иногда вольно, не столь очевидна.

Завершающее слово Малики Ачиловой, магистрантки УрФУ в области экономики, изобиловало доводами в защиту социальных благ, которые принесла Октябрьская революция: создание профсоюзов, способных встать на защиту рабочих.

– Время монархии завершилось естественным образом. Временное правительство не решило проблем, которыми тяготились разные слои населения, вследствие чего произошла Октябрьская революция, а затем был создан и укреплен СССР.

Сложнее было «Правительству», так как именно оно должно было предложить альтернативный путь развития истории России. Провоцировали вопросы из зала. Например, Кирилл – студент факультета международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций УрГПУ, вопрос поставил ребром: если бы не революция, что с Россией было бы сегодня? Главным ответом на эти и многие другие вопросы были слова о развитии демократии и построении гражданского общества; о действии сформировавшегося за 70 лет рынка, решении крестьянского вопроса в пользу крестьянина-землеладельца. Bravo!

В заключение эксперты отметили, что обе команды хорошо владели материалом, цитировали Столыпина, Милюкова, обращались к законодательным документам начала XX века. И неоднократно подходили к правильному выводу – все слои общества были недовольны сложившейся в государстве ситуацией, Николай II окружил себя людьми, не способными управлять, кризис был системным, и Февральская революция – неизбежна.

К большому достоинству команд отнесли рассмотрение вопросов с позиций Солженицына, обращение к реформе Столыпина, которая, останься он еще лет 20 у власти, могла стать шансом для выхода России из экономического кризиса.

Как уже указывалось выше, заметили, что нельзя смешивать две революции, и особенно их последствия. И поскольку впереди в рамках проекта нас ждет еще обсуждение непосредственно Октябрьской революции, то стоит подумать над таким вопросом: почему она произошла, как ее расценивать – великая ли это революция или катастрофа? Или великая катастрофа? И как нам относиться к революциям с точки зрения сегодняшнего дня?..

**28 февраля 2017 г. в Уральском государственном педагогическом университете прошла научно-публицистическая сессия
«Устная история: от источника к исследованию»**

История, которую не солгать

Юлия Афанасьева

Мероприятие собрало на своей площадке студентов УрГПУ самых разных учебных подразделений. И как ни странно, студенты не заглядывали в телефоны, не шептались о своем на дальних партах, они слушали и размышляли – теперь они тоже могут стать исследователями.

За круглый стол научно-публицистической сессии сели организаторы – журналист, автор трехтомника «За колючей проволокой Урала», начальник управления стратегии и информационной политики УрГПУ Наталья Паэгле, краевед, писатель и фотограф Вадим Осипов, первокурсники и обучающиеся старших курсов УрГПУ. Особый интерес сессия вызвала у представитель УрФУ им. Б. Н. Ельцина – Светланы Быковой, кандидата исторических наук, Натальи Веселковой – кандидата социологических наук, Натальи Граматчиковой – кандидата филологических наук.

На вопрос: «Что такое устная история?» из зала ответил только один человек...

Об устной истории на живых примерах рассказала Наталья Михайловна Паэгле. Ей она посвятила пятнадцать лет своей журналистской практики. За это время выслушала более ста пятидесяти историй-исповедей, побывала в самых разных населенных пунктах, иногда таких отдаленных, что идти к цели приходилось вброд через реки, по тайге и бездорожью.

Устной истории принято не верить, но как это возможно, когда живые свидетели репрессий тридцатых годов прошлого столетия вспоминают, плачут и волнуются, показывая сохранившиеся фотографии и рисунки, созданные детской рукой в камере заключенных, детально описывают свою собаку, которая вынуждена была остаться без хозяина...

– Когда я занималась этой темой в 90-ые годы, люди еще очень сильно боялись, – рассказала Наталья Михайловна. – В 2000 году я поехала в очень глухой поселок на Северном Урале. Туда не ходит никакой транспорт. Я точно знала, что это бывший поселок спецпереселенцев, и там живут люди, которые были высланы туда в начале 30-х годов. На «уазике» защитного цвета по бездорожью я поехала в поселок вместе с фотографом. Был июль. Мы сделали три круга по поселку – на улице ни души. Потом староста, в дом к которой мы постучали, показали ей удостоверение союза журналистов, пригласила всех сельчан выйти из домов. И люди, которым уже по 80 лет, вышли и сказали: «Мы думали, на этом «уазике» приехало НКВД».

Это был 2000 год. Значит, прошло не так много времени, чтобы забыть все ужасы репрессий? Или репрессии тридцатых годов не забыть никогда? Для всех свидетелей событий тех лет, каждый рассказ-воспоминание давался нелегко. Как же найти подход? Как расположить к себе человека, чтобы он поделился с тобой своей историей? С таким вопросом Наталья Михайловна обратилась к студентам. Каждому из них предложено написать свой публицистический рассказ о событиях 1917-го, 1937-го и смежных с ними годов, чтобы понять природу революций и террора в России. (Лучшие из них вошли в этот сборник).

Люди не любят рассказывать о своей жизни постороннему человеку. Тем более люди, пережившие трагедию. Только в пяти случаях из ста на просьбу рассказать историю своей

семьи собеседники откликаются сразу. В основном, молчат. Поэтому своего будущего героя надо к себе расположить. К такому выводу пришла автор книг «За ключей проволокой Урала» после проделанной работы.

И Наталья Паэгле давала советы будущим исследователям: слушайте своих собеседников, интересуйтесь всем, что интересно им самим: расспрашивайте о детях и внуках, смотрите фотографии и говорите, что вот этот внук вам нравится больше, а другому еще надо подрасти, слушайте про огород и помидоры, пейте чай с пирогами. Только так человек сможет довериться и раскрыться новому собеседнику. И неизвестно, сколько времени понадобится, чтобы журналист узнал все то, зачем пришел...

– Когда человек начинает с тобой разговаривать, он будет не только вспоминать, что пережил и как плакал в детстве. Он будет давать оценочные характеристики, – рассказывает Наталья Михайловна. – Очень часто можно услышать упрек в отношении устной истории. Якобы – это источник, которому нельзя доверять. И человек может забыть, придумать, солгать...

Автор проекта говорит, что такие истории длиной в жизнь невозможно придумать. Но ища фактическое подтверждение рассказам своих героев, Наталья Михайловна организовывала настоящие экспедиции. Живя на Северном Урале, она создала школьный центр по сбору устной истории. В поисках доказательств услышанного в экспедиции ходили целыми классами.

– Помню, как однажды мы искали в тайге под Ивделем БУР (барак усиленного режима) для политзаключенных, где они десятилетиями в одиночку томились в узких каменных мешках-камерах. Мы шли по тайге километров десять, переходили вброд холодные северные реки, как-то спасались от гнуса, стучали ложками по металлическим чашкам, чтобы отпугнуть медведя. Было семнадцать участников экспедиции; мой восьмилетний сын, который сегодня отслужил в армии, самый маленький. А старше его ребята всех школьных возрастов, и нас – три руководителя, три женщины. Мы не знали точно, где находится БУР. Но мы шли и шли. Пока не достигли цели и не вышли к останкам «каменной крепости», не желающей разрушаться от времени. Мы ничего тогда не боялись. Хорошее было время. Свободное. И тема эта тогда была востребована обществом, и никто не делал вид, что репрессий не было. И архивы были открыты, – поделилась журналистка на своей странице в соцсети.

Подтвердить рассказ можно и с помощью архивных источников, творчества. И рассказчик снова вспоминает детские рисунки, срисованные с зарубежных открыток. Это рисунки шестилетней девочки, которая сидит в бараке заключенных вместе со своей мамой. Считалось, что этой девочке повезло: ее не отправили в детдом, не выкинули из окна поезда на ходу, она просто отбывает срок вместе с матерью и, увидев европейские открытки репатриантов, срисовывает их. Эти рисунки она хранила всю жизнь. Их она показывала, когда журналистка пришла к ней, чтобы узнать ее историю. И в памяти всплывали тюремные стены барака, быт тех лет и само «репрессированное детство» в мельчайших своих подробностях.

В три книги о политических репрессиях поместилось немало историй, пугающих своей правдивостью. В эти истории нельзя не поверить, все они имеют доказательства – документальные, архивные или увиденные собственными глазами автора.

Тему устной истории продолжил рассказ члена Союза писателей России, члена уральского историко-родословного общества Вадима Осипова. Он рассказал историю своей семьи и отметил, что в процессе работы она вышла за рамки семейной истории и превратилась в историю Урала.

– Семейная история коварна. Пока бабушки и дедушки в добром здравии, вам не приходит в голову поговорить с ними, – делится жизненным опытом Вадим Вениаминович. – Они умирают, и вы спохватываетесь! Но спросить больше не у кого.

Вадим Вениаминович отметил, что семейная история – это возможность сопоставить

факты официальной истории с устной, передававшейся в семье. Вадим Осипов в своей презентации представил взаимосвязь устной истории с архивными первоисточниками на примере истории своей семьи, где один дед участвовал в революции 1917-го года и в 1938 году вступал в партию, а второй, прадед, был расстрелян в 1938 году как враг народа.

Почти двухчасовая беседа прошла на одном дыхании. Коллеги из УрФУ удивлялись смелости авторов проекта освещать такую непопулярную тему. Студенты, зацепившись за идею провести собственное исследование, подходили с личными вопросами. Студентка первого курса института педагогики и психологии детства Анастасия Чиличеркина поделилась впечатлениями от научно-публицистической сессии:

– Столетие революции и восьмидесятилетие «Большого террора» – повод, чтобы изучить еще одну главу истории нашей страны, пока живы свидетели тех страшных событий, пока целы архивы и другие доказательства. По-моему мнению, настоящее хорошо лишь в том случае, когда помнишь опыт прошлого и целенаправленно идешь в будущее.

16 марта 2017 г. состоялось заседание дискуссионного клуба «Точка зрения» на тему: «1937 год: цель оправдывает средства?»

Без шаблона!

Ирина Шаманаева

2017 год юбилейный не только для двух российских революций. Мы также отмечаем 80-летие скорбной даты нашей истории – начала «Большого террора». Несмотря на обнародованные еще в конце 1980-х – начале 1990-х годов архивные данные о масштабе чудовищных репрессий 1937–38 годов, несмотря на художественное и публицистическое осмысление тех трагедий, выясняется, что проблема репрессий была не до конца отрефлексирована нашим обществом. Срез показательных мнений был представлен на заседании дискуссионного клуба «Точка зрения», которое состоялось в УрГПУ 16 марта.

Наше общество находится на непростом этапе развития. Научное мышление и расхожее мнение значительной части населения существуют рядом и почти не пересекаются. Если бы роман Владимира Дудинцева «Белые одежды» появился сегодня, многие ли встали бы на сторону генетиков, а не последователей «народного академика» Лысенко? Ведь генетики «изготавливают ГМО» и «уродуют природу», а лысенковцы ратуют за «естественные» методы – «воспитание», «закаливание» и прочее! Но еще страшнее то, что все чаще можно услышать голоса, оправдывающие массовые убийства людей в сталинские годы. «Да, были жертвы, но они оказались не напрасны, потому что в результате мы превратились из аграрной страны в индустриальную и смогли выиграть Великую Отечественную войну», – именно такое направление зачастую принимают общественные обсуждения 1937 года и его последствий.

На круглом столе под названием «1937 год: цель оправдывает средства?» формулировки были предельно заострены. Участникам и экспертам предлагалось обсудить, во-первых, являлись ли сталинские «чистки» и «Большой террор» оправданием индустриализации, а во-вторых, кто такие были «враги народа» – жертвы режима или предатели Родины?

В обсуждении, кроме студентов исторического факультета УрГПУ, приняли участие студен-

ты исторического факультета Нижнетагильского социально-педагогического института (филиала РГППУ). Экспертами выступили к.и.н., научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН Никита Мельников, д.и.н., профессор НТСПИ Виктор Кириллов, к.и.н., доцент УрФУ имени Б.Н. Ельцина Светлана Быкова.

Итак, первый тезис: благодаря сталинским «чисткам» 1937 года в СССР возникли условия для построения современного и процветающего государства, выигравшего войну. Для того, чтобы инициировать дискуссию, с сообщением выступил студент исторического факультета УрГПУ. Вот его первые слова:

– Одним из черных мифов, которые порочат советский период истории Отечества, является мнение о том, что сталинская индустриализация осуществлялась заключенными в ГУЛАГе, и система лагерей была основой советской экономики при Сталине.

Докладчик выбрал для примера Беломоро-Балтийский канал и назвал цифры: якобы среди его строителей, заключенных было от 600 (сначала) до 10 тысяч (в конце) человек. По его словам, несмотря на тяжелейший труд (при строительстве Беломорканала был выбран 21 млн. кубометров грунта) смертность среди заключенных была не так уж велика и составляла около 2,5% в год. (Сразу усомнимся в этой цифре – известно, что контингенты заключенных на подобных стройках очень часто менялись именно из-за высокой смертности.) Свой доклад студент закончил словами: «Заключенные были истинными героями социалистического труда» и перечислил важнейшие стройки, осуществленные их руками. Вывод ясен: жертвы оправдывали высокую цель, и мы получили промышленно развитую страну взамен отсталой аграрной.

Никита Мельников, специалист по экономической истории СССР, поспорил с этим выводом. Он продемонстрировал таблицу роста ВВП по разным странам в течение XX века. Из таблицы видно, что все страны догоняющего развития, особенно Юго-Восточной Азии, которые тоже были отсталыми и аграрными в начале XX века («экономика риса»), к концу века достигли экономических высот. И все они обошлись без массовых репрессий!

– Вот график, составленный по данным группы международных исследователей, он показывает экономический «тренд» в Российской империи, советской и постсоветской России, который был взят после Великих реформ Александра II и продолжается по сей день, – развил свою мысль Никита Николаевич. – Видите, дуга пошла вниз – это гражданская война. Голод, разруха. И вдруг экономический рост – эп! Уже к 1927–28 гг. восстановительный рост закончился, страна вернулась к уровню 1913 года. Дальше начались репрессии. И на графике видно, что жертвы индустриализации ничего принципиального стране не дали. Да, многое было построено. Но мы всего лишь достигли уровня, к которому и так бы пришли, если бы не провалились в яму в результате Первой мировой войны, гражданской войны и разрухи.

Виктор Кириллов, в отличие от большинства участников, видел Беломорканал своими глазами, плавал по нему на байдарке. Когда его строили, по нему намеревались проводить подводные лодки, военные корабли. Но с самого начала его строили примитивным способом, обшивали досками. Едва построенный, он перестал эксплуатироваться. Глубина его всего 3–4 метра. Военные суда там пройти не могут.

– Жизни и труд людей были зарыты в землю просто так, – делает вывод Виктор Михайлович. – Есть данные, что труд заключенных на стройках страны составлял от 6 до 10%. Как будто не так уж много. Но нужно понимать, что есть принуждение к труду и есть принудительный труд. Второе в чистом виде – это лагеря. Но основой того варианта социализма, который придумали вожди большевистской революции, было принуждение. Все это так и понимали – и Ленин, и Троцкий, и Сталин, и Бухарин. Все они считали, что социализм можно построить только принудительным образом. И в той системе, где деньги не имели значения, действительно, только принуждение могло подвигнуть людей работать. Стахановское движение не оправдало себя. В 1939 году, когда началась вторая мировая война, комиссия обследовала заводы тяжелой

индустрии, и оказалось, что «благодаря» стахановцам многие доменные печи закозлены, производство остановлено, потому что стахановцы игнорировали мнение инженеров и мастеров, а те боялись сказать слово против любимцев режима – за такое слово можно было сесть.

Доцент УрФУ Светлана Быкова призвала молодых исследователей больше обращаться к истории своих семей и аргументировать свою точку зрения собственными данными:

– У нас здесь, на Урале, очень сложная история – живет масса потомков раскулаченных крестьян, рабочих, согнанных на заводы. Сами эти заводы, их история. Бери и исследуй! А не повторяй чужие слова».

Ведущий Олег Коновалов предлагает обсудить новый тезис: построенная в 1930-е годы тяжелая и легкая промышленность до сих пор является базисом нашей экономики.

– Нет этих достижений, – возражает Никита Мельников. – Сейчас их нет. Это дутые достижения. Посмотрите на Уралмашзавод. Он существует, но работа ведется главным образом в новом цехе. Я был недавно в цехе № 1, 1930-х годов, там и оборудование стоит 30-х годов. Но у нас все-таки XXI век, точность обработки деталей идет на микроны. На этом станке вы не сделаете ракету, которая полетит в космос.

– Так была ли альтернатива? – раздается из зала. – Страна в 1928 году стояла на пороге новой интервенции. За время гражданской войны была потеряна треть национального богатства. Какая еще страна в мире переживала столько катаклизмов и восстанавливалась?

– Если исходить из ситуации 1930-х годов, то да, альтернатив не было, – отвечает профессор Кириллов. – Тот курс, который был взят в 1917-м на принуждение, террор и уголовщину, прямо предусматривал 1937 год. Из этого капкана уже выхода не было. Поддержание состояния гражданской войны с 1917 года до начала 1950-х – это заслуга власти большевиков. Натравливая одну часть населения на другую, они вводили такой дисбаланс в развитие страны, что тут было уже не до экономики. Это была борьба не на жизнь, а на смерть.

– Посмотрите на нэп, – продолжает Никита Мельников. – Репрессий нет. В стране свободный рынок. Крестьянам раздали землю. И начался экономический взрыв, ВВП пошел вверх. А почему нэп свернули? Потому что большевики стали осознавать – дальше они будут терять власть. Поэтому постепенно был взят курс на Большой террор. Альтернатива была в свободном, рыночном, демократическом развитии России или Советского Союза. Альтернатива, к которой мы в конце концов пришли. Сложно, трудно, не все получилось, но другого пути нет.

Интересное мнение высказал писатель Вадим Осипов, член Уральского родословного общества:

– Эффективный ли это был проект с точки зрения менеджмента? Рабский труд никогда не был эффективным, мировая история это доказывает. А люди эти были поставлены именно в положение рабов. В Краснотурьинске немцы-трудармейцы строили плотину, которая снабжала водой БАЗ. Наталья Михайловна Паэгле записала воспоминания одного из этих людей. Он говорил: «Мы втроем поднимали кувалду. Очень хотели помочь нашей советской Родине, но у нас не было сил. Если бы нас чуть лучше кормили, мы бы и работали гораздо лучше». И еще. Вскоре после того, как в 1937–1938 году вал репрессий обрушился практически на все слои общества, началась война. Многие молодые люди искренне сражались с фашизмом, шли добровольцами, положили свои жизни за Родину. И получается, что представители правящей верхушки, репрессируя их и запугивая, чтобы избежать накопления в обществе неких сил, которые могли им аргументировано противостоять, сами не верили в то, что выросли люди новой формации. Люди, которые искренне верили в идею социализма, которые, в конечном счете, и выиграли войну. Получается, что все это было большое лукавство со стороны руководства: они сами не верили в то, что говорили с трибун. Отсюда принуждение к труду, террор, насилие на всех уровнях. Предлагаю не считать тот план, который был реализован в истории советской России, образцом высокоэффективного менеджмента, это было колоссальное рас-

пыление человеческих ресурсов.

Вторая часть круглого стола началась с доклада студентки исторического факультета УрГПУ «Жертвы режима или предатели Родины». Первые же слова вызвали оторопь у большей части присутствующих: «Официальная пропаганда старательно навязывает нам стереотип, будто бы любые обвинения против людей в это время являются заведомо абсурдными и выдвинутыми палачами НКВД с целью посадить или расстрелять как можно больше народу». Дальше из доклада выяснилось, что партийные чистки имели, кроме борьбы за власть, еще какой-то смысл, что «вина Бухарина была доказана, потому что он не подвергался пыткам, а значит, признательные показания из него не были выбиты, как из других». Если бы докладчица только вдумалась в слова, которые она произносила бесстрастным голосом! И последним камнем на чаше весов стали пассажи о кулаках. «Кулаками назывались те крестьяне, которые занимались ростовщичеством, давали зерно и деньги под процент, использовали наемный труд». «Безусловно, кому-то раскулачивание принесло боль и горе, но тех, кто получил от этого справедливые социальные блага, было в десятки раз больше». «Представлять раскулачивание в крайне негативном свете нельзя. У кулаков были изъяты излишки, которые пошли на индустриализацию». Откуда это, из какого документа сталинских времен? Даже в 1980-е годы учебники истории уже обходились без подобных зубодробительных формулировок!

– Не убедительно нисколько! – выразила мнение многих Вероника Турчанинова, учитель истории из Нижнего Тагила. – Давайте представим себе деревню. В деревне хорошо живет тот, кто много работает. Кто работает лучше, тот и живет лучше, и своим достатком вызывает зависть у соседей. И когда вот эту гольтьбу, пьянь вооружают и говорят: «Ты имеешь право на чужое добро», они врываются в чужой дом, выгоняют хозяев на мороз, и те с малолетними детьми едут на телегах в ссылку – чем это можно оправдать? Всегда, когда мы ставим вопрос «оправдывать или не оправдывать цель средствами», надо помнить, что за этим стоят люди. О чем нам говорят эти 6-10 процентов заключенных на ударных стройках? О том, что этот труд не сыграл решающей роли, он был не нужен. Но к нему принудили людей невинно осужденных, по ложным доносам, их поместили в нечеловеческие условия, лишили всех прав. Неважно, миллион это был или 30 миллионов, это были люди! Вы бы хотели, чтобы с вами поступили так? Чтобы выгнали из дома на мороз только за то, что ваши предки много работали и смогли накопить какую-то собственность. Всегда вспоминайте о своей семейной истории, когда рассуждаете об истории страны.

Студенты двух вузов – будущие историки – при желании смогли бы вынести из этой дискуссии огромную пользу для себя. Посмотреть на уровень аргументации, который продемонстрировали им ученые, оценить их объем знаний и свободу владения материалом (и сравнить с собственными), взглянуть со стороны на свои логические построения и увидеть тезисы, которые казались им такими убедительными, в несколько ином свете. К сожалению, многими двигало не стремление доискаться до истины, а фанатичное упорство в продвижении определенной точки зрения.

Дискуссия высветила и несформированность исторического сознания у молодого поколения, и проблемы с подготовкой (то и дело складывалось впечатление, что источниковедение кто-то вычеркнул из списка обязательных предметов, изучаемых на истфаке), и недостаток простой человеческой эмпатии. Были, к счастью, исключения, говорилось о том, что «даже если индустриализация и была эффективной, человеческие жертвы все равно не могут ее оправдать». Но молодежный «тренд» в целом был другим. И это говорит, конечно, еще и о недостатке социального опыта, который достигается не только проживанием собственной жизни, но и плотностью социальных связей между поколениями, погруженностью в исторический, культурный контекст жизни своей страны.

Бойко ратуя на словах за «оправданные жертвы» индустриализации, эти юноши и девуш-

ки и на минуту не смогли бы представить себя среди тех, по кому режим проехал катком. Не смогли бы вообразить себя без смартфонов, Интернета, красивой одежды, привычного комфорта. Разлученными с родителями. Выселенными в никуда или «уплотненными» в собственных квартирах. Удивительно было слышать от молодых: «А вот у нас в семье никого не раскулачили и не репрессировали». Пусть так, но неужели не довелось общаться с потомками раскулаченных, трудармейцев и других жертв репрессий? Неужели не случилось прочесть ни одной книги, художественной или документальной, об этом времени? Разве изъяты из библиотек Солженицын, Шаламов, Евгения Гинзбург? Неужели фраза «зато мы построили заводы» сама по себе объясняет абсолютно все: сказал ее – и думать уже не обязательно? Но если дискуссия заставила кого-то задуматься об «очевидных» истинах – она выполнила свою задачу.

23 марта 2017 г. прошел круглый стол «Исторический феномен Великой российской революции 1917 года: опыт изучения на уроках истории»

Революция – это, прежде всего, нравственный вопрос

Татьяна Мостон

Считается, что революция 1917 года – одна из самых сложных тем в курсе Отечественной истории. Правда, некоторые учителя истории утверждают, что самым трудным разделом являются российские 90-е. Сказывается личный опыт, который не всегда совпадает с трактовкой учебника. Хотя 90-е неотделимы от революции – это ее закат, развал ее завоеваний, победа контрреволюции.

Эволюция учебников истории

В рамках XXI Всероссийских историко-педагогических чтений, включенных в III образовательный форум «Педагогические мастерские», исторический факультет УрГПУ провел два мастер-класса, творческую встречу с режиссером Евгением Борзовым и конференцию. Одним из самых интересных мероприятий стал круглый стол «Исторический феномен Великой российской революции 1917 года: опыт изучения на уроках истории», который состоялся 23 марта.

Ведущая Изабелла Огоновская, советник министра образования Свердловской области, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области, доцент СУНЦ УрФУ, к.и.н., еще в 1991 году написала диссертацию «Межпартийная борьба на Урале в 1917 году по материалам периодической печати».

– На защите диссертации мне сказали, что я была первым человеком, который заявил, что не только большевики совершили революцию в 1917-ом году, другие политические силы тоже в этом участвовали, и сделала вывод, что триумфального шествия советской власти на Урале не было, – заявила Изабелла Станиславовна. – Не было массового штурма Зимнего дворца, Керенский не убежал из Петрограда в женском платье.

И далее Изабелла Станиславовна очень подробно проанализировала раздел о революции 1917-го года в советских, перестроечных и современных учебниках, где Великая Октябрьская

социалистическая революция постепенно, через Октябрьское вооруженное восстание (1917 г.), захват власти большевиками (1917 г.), превращалась в заговор, военный антиправительственный переворот, антимодернизационный шаг и двухфазовое явление (2008 г.).

В последних учебниках отмечаются как позитивное влияние революции (ликвидация социального неравенства, удовлетворение вековых чаяний многомиллионных масс и др.), так и ее негативные последствия (подмена советами институтов парламентского типа, ущемление политических прав большей части населения страны, утверждение однопартийной системы, Гражданская война и др.).

– Тема требует глобального осмысления. Кумиры приходят, кумиры уходят, а правда всегда лежит посередине. Надо всегда видеть две стороны медали. 1917-й год можно рассматривать с разных сторон, но единого, правильного, верного ответа на свои вопросы мы никогда не получим, – резюмировала профессор.

– В фильмах мы видим, как большевики толпой бегут по Петрограду. Большевики не бегали толпами по Петрограду, потому что толп большевиков тогда еще не было. Автор художественного фильма может сказать все, что он думает, но автор учебника не должен позволять себе включать в текст высказывания, оценочные суждения, которые затрудняют понимание школьниками исторического процесса, – согласилась с предыдущим оратором Зинаида Гузенко, к.и.н., профессор кафедры теории и методики обучения истории УрГПУ.

Николай II – кровавый или святой?

Мария Михайловна Кирдина, учитель истории гимназии №25 г. Ревды, задала вопрос:

– Нам приходится разные точки зрения включать в урок, потому что без этого никак нельзя. Но одна тема – тема монархии и судьбы семьи Николая II вызывает ожесточенные споры. Мы говорим на уроках: монархия себя изжила, в то же время дети читают итоги социологического опроса, где часть населения считает монархическую форму правления вполне приемлемой. Как эту тему преподавать взвешенно: Николай II – кровавый или святой?

– Вопрос о персоналиях – это отдельная «песня». В учебнике истории А.М. Панкратовой 1941-го года Сталин упоминается 44 раза, в ее же учебнике 62 года – всего два раза. Вот как время меняет отношение к историческим личностям. Мы воспитаны на книге Марка Касвинова «23 ступени вниз», в которой написано, что все 23 года своего правления Николай II не имел таланта и возможности управлять страной. В 90-е годы не Николая II, а трагедию царской семьи выводили на первый план. Николай II – жестокий самодур, как написано в учебнике Панкратовой, но хороший семьянин, хороший муж и отец, достойный человек. В то же время доля его вины в революционных событиях очень велика. Кто виноват в расстреле царской семьи? Не одни большевики. Есть вина и на временном правительстве, не обеспечившем ей безопасность, и на английском короле, отказавшемся принять царскую семью. Революция, прежде всего, нравственный вопрос. Декларации прав тогда не было, конституции не было, никакой документ не был нарушен революционерами. Терпеть не могу суды истории. Я могу рассуждать о том времени, только поставив себя в позицию того времени. Колчак ведь тоже не белый и не пушистый, как это показывают в фильмах. И переворот в Омске совершил, и коллег своих уничтожил. Я считаю, что Николаю II просто не повезло. Не должен он был сидеть на престоле, – постаралась ответить на вопрос Изабелла Станиславовна.

Нужны ли учебники истории?

Ирина Грибан, директор музея истории УрГПУ, к.и.н., пришла на круглый стол с учебником истории, изданным в Германии, и по поводу этого задала присутствующим вопрос:

– Анализируя немецкие и российские учебники истории, приходишь к выводу, что в не-

мецких учебниках больше внимания уделяется методическому аппарату, где использовано много источников. Даже если взять тему революции в Германии, мы увидим на двух страницах – текст параграфа, на четырех страницах – источники: приведены выдержки из трудов ученых и воспоминания участников событий. Дети после знакомства с источниками должны сами сделать выводы и составить представление об этих событиях. В России произошла какая-то эволюция в методическом составе учебников по сравнению с советской эпохой? По моему субъективному мнению, у нас все задания сводятся к тому, чтобы воспроизвести то, что написано в параграфе. А вопросов, которые подталкивали бы учащихся к размышлению, мало. Это так?

– Во многом это дело самого учителя. Если мне не хватает материала, изложенного в учебнике, я отбираю дополнительный которого сейчас много, и даю детям. Я пытаюсь поставить учебник на второе место после дополнительного материала. Учебник дети и без меня дома прочитают, на уроках с ними надо говорить, рассуждать, основываясь на первоисточниках, – постаралась ответить на вопрос Ирина Басырова, учитель истории школы №14 Верхней Туры.

– Это хорошо, но мой вопрос состоял в том, произошла ли эволюция учебников в методическом плане? – отметила Ирина Владимировна.

– На съезде учителей я выступала с анализом новых единых учебников истории. И ни одному из них я не поставила высокой оценки, – отметила ведущая. – У меня впечатление, что все становится хуже. Мы переболели перегибами 90-х, но в учебниках того времени было много дополнительного материала, было, что почитать, что почерпнуть для себя. Когда берутся писать учебники академики, доктора наук, они очень смутно представляют себе, как этот учебник составлять. После прочтения последних учебников у меня возникает ощущение суеты, там даже мысли и фразы не закончены. Как учителя, мы можем давать детям любые материалы, но хотелось бы, чтобы хоть какая-то часть была в учебном пособии. В учебнике издательства «Дрофа» по 1917-му году совершенно сумбурный параграф, а в конце – вопрос: «Как вы думаете, это был государственный переворот, великая революция или другое?» Даже если ты внимательно прочитаешь параграф, никаких выводов сделать не сможешь. С одной стороны, единый учебник – это хорошо. Раньше нам приходилось при подготовке к ЕГЭ просматривать все учебники, не дай Бог какой-нибудь факт пропустишь. Сегодня их всего три. Но между ними опять ничего в содержании не срастается, все трактовки разные.

– Я как раз тот, о ком говорят, что мы не умеем писать учебники. Но у нас и задачи такой нет. Ученые и не должны писать учебники, – отметил Никита Мельников, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

– Вы должны писать их вместе с нами, выдающимися методистами, – поправила его Изабелла Станиславовна.

– С выдающимися методистами мы готовы писать все, что угодно, – улыбнулся Никита Николаевич.

– Как учить истории в школе? – задал вопрос Иван Клименко. – Когда мы были под игом марксистско-ленинской идеологии, была только одна точка зрения, и поэтому я понимаю историков старой гвардии, которые пользуются словами: «молодежи не понять». Шалва Амонашвили писал: «Все учебники педагогики надо выбросить, потому что они не показывают, как сделать ребенка счастливым». Нынешний учебник не дает одного ответа, но, на мой взгляд, это лучше. Маркс утверждал: «Подвергай все сомнению кроме самого сомнения». Я вас, как истинный марксист, призываю следовать совету Маркса. Не верьте учебникам, ни старым, ни новым, работайте с первоисточниками, и вы найдете ответы и доведете их до учеников. Но они будут сомневаться и вам не поверят. И это хорошо.

– Вы хотите, чтобы современный школьник ходил в библиотеку? У него нет на это време-

ни. Вы думаете, он найдет в библиотеке то, что ему нужно? А у учителя тем более – 36 уроков в неделю, и у него не получается даже два часа выделить на подготовку к уроку, о какой работе с первоисточниками может идти речь? – запротестовала Зинаида Ивановна.

– Вот поэтому и нет в школе молодых историков, – подтвердили школьные учителя.

– Я скажу, почему нет историков в школе. Более 50 процентов наших выпускников идет в школы, но у нас нет четкой картины, в какие школы нужны учителя истории. наших историков в школах больше, чем выпускников всех других вузов. И еще – если бы им было не интересно, они бы на этот круглый стол не пришли, – вступилась за наших студентов Зинаида Ивановна.

– Благодаря мобильному телефону любой любознательный ребенок может залезть в Интернет и сказать: «Подождите, а вот тут сказано, что все не так...», – заметил Никита Николаевич. – У современного педагога есть очень серьезный конкурент по части предоставления знаний. Альтернатива школе у нас в кармане – свободный, легкий доступ к информации. Педагогу придется менять сущность своей профессии. Ему придется стать модератором знаний. А если он модератор знаний, то ему учебник не очень-то и нужен.

Советская власть дала людям образование?

– Я всегда обращаюсь к истории своей семьи. Моя бабушка – дочка кузнеца, репрессированного в 30-е годы, но она окончила Учительский институт, 50 лет состояла в партии, была заведующей горно, и всегда считала, что революция позволила ей с самых низов подняться достаточно высоко. А мой отец был сыном врага народа, исключенным из пионеров. У него совершенно другое отношение к Сталину, к советской власти. Для бабушки Сталин – это икона, а отец рассказывал, как они в лагере радовались, когда узнали о его смерти. Когда бабушка и отец собирались, начиналась гражданская война в отдельно взятой квартире.

Одно и то же событие оценивается людьми совершенно по-разному. Я родилась в семье, где было восемь детей, и все получили высшее образование. У нас есть кандидаты наук, все стали состоятельными во всех смыслах людьми. Реально ли было при другой власти всем детям дать образование? Могу ли я ругать советскую власть? Бабушка проходила партийные чистки, отец был сослан в лагерь – было и это. Каждый относится к этим событиям через свою жизнь, через свою биографию и свое родословие, – поделилась Изабелла Станиславовна.

– Истории о том, что дала людям советская власть, мне всегда были безумно интересны, – отметил Никита Николаевич. – Я зашел в «Википедию» и начал смотреть биографии успешных деятелей Соединенных Штатов: Генри Форда и других миллиардеров. В подавляющем большинстве это люди, вышедшие из бедных семей.

(По окончании круглого стола я просмотрела «Википедию»: «Генри Форд родился в семье эмигрантов из Ирландии, проживавшей на ферме в окрестностях Детройта. Когда ему исполнилось 16 лет, он убежал из дома и уехал работать в Детройт. Родителями Стивен Пол Джобса были незарегистрированными в браке студентами. Джон Рокфеллер (старший) был вторым ребёнком из шести детей в семье протестантов. Его отец был сначала лесорубом, а потом странствующим торговцем, продававшим различные эликсиры и редко бывавшем дома». И так – практически любой миллиардер США оказывался на поверку бедным ребенком, самостоятельно добившимся успеха и богатства. И советской власти в Америке никогда не было! А возможности для всех – были!)

Но вернемся за «круглый стол». Никита Николаевич продолжал:

– Возможность получения достойного образования – это тот шанс, который дала не советская власть, а XX век, те модернизационные процессы, которые развивались во всех странах. Другой вопрос, что в начале XX века Россия была преимущественно аграрной страной, и возможности в условиях натурального сельского хозяйства дать образование почти не

было. Вопрос ставился: «А зачем?» Начавшиеся прогрессивные процессы позволили людям добиться успехов не только в рамках сельского хозяйства. Это не заслуга советской власти, а условие времени.

– Вроде бы, в образовательном вопросе у советской власти явный плюс, – заявил Иван Клименко, к.п.н., – но когда начинаешь изучать историю образования, узнаешь, что в 1917 году в Пермской губернии наш Екатеринбургский образовательный округ был на первом месте – здесь обучалось 67 процентов детей. Земствами была поставлена задача всеобщая, и она успешно осуществлялась.

«Мы только начинаем отрывать свое прошлое»

– Очень много дискуссий идет и будет идти по поводу самого Октября, его последствий, мне кажется, по одной причине: мы семьдесят лет не изучали советскую власть. Вообще. Ученые, которые занимались историей Советского Союза в СССР, сталкивались с одной проблемой: документы были закрыты. Сейчас другая проблема: огромное количество открытых документов, их невозможно переработать. Сегодня историческая наука в России стоит перед колоссальной проблемой: мы только начинаем открывать наше прошлое. Например, только еще знакомимся с историей экономики, промышленности Советского Союза. И выводы получают иногда радикально противоположными тому, к чему мы привыкли.

Считалось, что советская военная техника была лучшей в мире. Сейчас выясняется, что это не так. Почему? Потому что появились документы, которые позволили это изучить. И мы, находясь в рамках советской традиции представления об исторических процессах, о том, как это произошло и к чему привело, выясняем, что это было далеко не так, как мы привыкли считать. И нам еще долго придется сталкиваться с вопросом: что дал Октябрь, больше положительного или отрицательного для нашей страны? Какова цена репрессий, какова цена победы в Великой Отечественной войне, какова цена освоения нефтяных месторождений Западной Сибири? На эти вопросы мы только начали искать ответы. Для этого нам нужно обобщить исторический опыт, и эта проблема еще не одного поколения. В обществе нет консенсуса по поводу революции, – продолжил Никита Николаевич.

– Да и не может, наверное, быть, – вмешалась Изабелла Станиславовна.

– Мы не можем до конца понять и осознать, к чему это привело. Если общество считает, что в результате Октября сложилось успешная экономика, которая позволила победить в Великой Отечественной войне, то очень многие моменты в Октябре будут оправдываться обществом, – резюмировал Никита Николаевич.

– Для научного осмысления, – вступила в обсуждение Зинаида Ивановна, – было очень мало времени. Как бы мы ни пытались добиться истины, она не так легко дается, потому что Октябрьской революции сто лет, Великой французской революции – в два раза больше, а копия ломаются до сих пор. Находятся и вводятся в научный оборот новые факты, поднимаются события, которые ранее не попали в поле зрения – это одна сторона. А другая сторона – нужно брать во внимание: кто изучает, с какой целью, какие документы привлекает, под каким углом делает выводы и не ставит ли он события с ног на голову.

Мировой масштаб Российской революции

– Понятие «Великая российская революция» ввели в оборот не случайно, – заметила Зинаида Ивановна.

– Определения до сих пор нет, – возразила Изабелла Станиславовна, – не понятно, что стоит за этой датой – октябрь 1917 года.

– Есть тома книг, где по поводу Великой октябрьской революции высказались представители почти всех стран мира. Почему Индира Ганди, Джон Рид и другие оценивают революцию

как великую? Маяковский писал: «Дать бы революции такое же название, как любимым в первый день дают». Когда мы судим об историческом событии столетней давности, мы должны учитывать, что история – явление многособытийное, многоаспектное. Мы никогда неждемся одного единого мнения, этого не надо и ожидать не надо к этому стремиться. Важно понимать, почему это произошло, и к чему это привело. Единой точки зрения нет, но то, что для России это был шаг вперед, в этом сходятся многие, это мнение превалирует.

В разговор вступил Иван Клименко:

– Без февральской революции Октября быть не могло. Ленин в начале 1917 года, выступая в Цюрихе перед студентами, сказал, что, к сожалению, наше поколение до революции не доживет. Ситуацией он воспользовался гениально. У него была решающая роль в Октябрьской революции, трижды он ставил ультиматум на совете партии, состоявшем из пяти человек, когда оставался в меньшинстве, и трижды совет партии с ним соглашался, что привело к вооруженному перевороту. Я считаю, что для нашей страны Октябрьская революция нанесла серьезный ущерб. Я знаю, какие силы были накоплены Россией для того, чтобы победоносно завершить Первую мировую войну, Россия находилась в составе победившего военного блока, но солдаты были настолько дезорганизованы, что воевать оказалось некому. И Россия понесла колоссальные потери по всем направлениям. А в социальном плане мир выиграл от Октябрьской революции, потому что буржуазия всего мира оказалась настолько испуганной, что начала искать способы, как решить социальные проблемы. И сейчас мы оказались в худшем положении – потому что во всех странах рабочее движение добилось определенных успехов, а у нас трудящиеся находятся в угнетенном положении.

– Мне кажется, мы уже приходим к консенсусу, что Великая революция с точки зрения масштаба, влияния на всю мировую историю, – резюмировала Татьяна Мосунова, доцент истфака УрФУ, к.и.н. – Это была попытка уничтожить российскую государственность, которая была предпринята в начале XX века во имя создания нового общества. Важно провести аналогии с сегодняшним днем. Любая революция – это насилие, вспомните, сколько было сломанных судеб! Всякий эволюционный путь лучше революционного, нужно стремиться к диалогу при всех противоречиях во взглядах. В 1917 году победили частные амбиции, большую роль сыграла либеральная оппозиция, шла большая агитационная работа, лодку целенаправленно раскачивали. Цена неконструктивного политического противостояния, отсутствие диалога приводит к расколу и гражданской войне – то, чего нельзя допустить сегодня.

Вопросы, вопросы и вопросы. И ни одного окончательного ответа. И у каждого человека – свое мнение. Может, это и хорошо, но непривычно людям, воспитанным в советской школе. Так что важнее: консенсус или плюрализм – многообразие мнений, взглядов, политических направлений, один из принципов демократического устройства общества? Я – за плюрализм!

30 марта 2017 г. состоялась конференция «Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания»

Истина где-то посередине

Татьяна Мостон

В журнале «Крокодил» за 1941 год есть «сатирическая» картинка: Гитлер и Николай II несут плаху, идут по трупам с нагайками в руках. Внизу – подпись: «Братья по крови». Сегодня восприятие обществом Николая II, монархии и революции изменилось кардинально. Николай II возведен в ранг православных святых, муссируются слухи о возвращении в Россию монархического строя, а революция трактуется как антиправительственный переворот. Истина, как обычно, где-то посередине. Но ее поиски пока превращаются в бурные дискуссии. Kaleidoscope разных мнений рисует интересную, многоплановую панораму событий тех лет.

«От преподавания истории зависит отношение детей к своей стране»

Так было и на конференции «Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания», состоявшейся в конце марта в УрГПУ.

Мероприятие прошло в рамках XXI Всероссийских историко-педагогических чтений, включенных в программу III образовательного форума «Педагогические мастерские: эффективная подготовка педагогических кадров».

Открыл конференцию научный руководитель университета, д.и.н., профессор Борис Игошев:

– 25 лет назад в педагогическом университете был воссоздан исторический факультет, потому что поняли: история как наука должна идти вместе с историей как предметом преподавания, осмысления того, что происходило и происходит в России. Тема, выбранная для обсуждения, очень неоднозначна и непроста, XX век для России не очень удался – две великих мировых войны, совершенно жуткая по своим последствиям Гражданская война, революция, лихие 90-е годы. Что нужно сделать сегодня, чтобы в XXI веке не было тех событий, которые потрясли нашу страну в XX веке?

Мария Ворошилова, проректор по научной и инновационной деятельности УрГПУ, к.фил.н., доцент, продолжила тему:

– Я отношусь к тому поколению, которое испытало на себе множество метаний в историческом образовании. Я верю, что историческая наука более стабильна, чем историческое образование. В школе мне рассказывали, что революция – это плохо, Советский Союз – это ужас. Однажды после урока истории я пришла домой, посмотрела на своего отца, коммуниста, и спросила: «Папа, тебе не стыдно?» Папа ответил, что он строил мое светлое будущее. Сегодня я горжусь своим отцом, я понимаю, что он делал то, во что верил. От того, как мы подадим историческую информацию своим детям, научим их анализировать, делать выводы, зависит их отношение к нам и своей стране.

«Российский социум сохранил порожденный революцией раскол»

На пленарном заседании первым выступил Андрей Сперанский, д.и.н., профессор Института истории и археологии УрО РАН с докладом «Революция и контрреволюция в России: долгий путь к согласию?» Доклад Андрея Владимировича был настолько интересным и неоднозначным, что хочется остановиться на нем подробнее.

– Революция затронула судьбы миллионов жителей России, отразилась на историческом пути нашей Родины и всего мира, – начал А.В. Сперанский. – Оценочная палитра этих событий чрезвычайно разнообразна, характеризуется полярностью высказываний от восторженных эпитетов и лозунгов, зовущих к продолжению революции, до ее резкого осуждения или полного замалчивания. Разброс мнений – это яркое свидетельство того, что современный российский социум сохранил порожденный революцией раскол. Этот раскол постоянно подпитывает непримиримость в обществе, которая препятствует общественной консолидации и мешает прогрессивному развитию страны. Чтобы успешно двигаться вперед, мы должны этот раскол преодолеть. И сделать это можно только на основе отказа от политизации общественных событий. Такой подход требует не огульного отрицания или безудержного восхваления, а беспристрастного осмысления российского революционного процесса. В основе осмысления должно лежать четкое понимание его сущности, причин возникновения, временной протяженности, внутренних локализаций и т.д. Революция – это коренное преобразование, идущее на открытый разрыв с предыдущим состоянием, и оно может происходить в развитии чего угодно: общества, природы, познания. Этот термин появился в XVI веке в астрологии благодаря Николаю Копернику и перекочевал в социальные отношения как определение резких социально-экономических и политических изменений.

«Революция – это длительный и сложный путь»

Далее Андрей Владимирович перечислил виды революций, в том числе «бархатные» и «цветные», в которых термин «революция» используется лишь для красного словца. По его мнению, наиболее точно и глубоко определяет сущность революционного учения марксистская теория:

– Революция – это не локальное событие (взятие Зимнего дворца), а длительный, сложный, очень противоречивый путь, который избирает общество, если складываются определенные условия. Завоевание власти прогрессивным классом – лишь первый и не самый важный этап революции. Революция – это эпоха перемен, которая может длиться десятилетиями. По мнению Энгельса, Буржуазная революция в Англии совершалась в течение 70-80 лет. Франция переживала революционный процесс почти столетие – с 1789 по 1875 год. По нашему мнению, революция в России началась в 1905 году. Не нужно говорить о двух или трех Русских революциях, нужно думать об одном процессе, который проходит разные этапы. То, что произошло в октябре 1917 года, надо рассматривать как одно из череды событий развивавшейся Русской революции. Потрясли мир не 10 дней, а период с октября 1917 по март 1919 года. Окончательное утверждение советской власти произошло не во время свержения временного правительства, а по окончании кровопролитной Гражданской войны, которую большевики выиграли.

Подход, предложенный А.В. Сперанским: считать революцию длительным процессом, видимо, способен решить многие споры историков по поводу того, сколько было революций, как большевикам удалось за 10 дней захватить власть в России и т.д.

«Советский период – вершина российской истории»

– То, что происходило в стране после победы большевиков, сегодня оценивается по-разному, – продолжил Андрей Владимирович. – Я считаю, что это было дальнейшее

развитие Русской революции. Россия, переименованная в Советский Союз, стала индустриальной страной с высокоразвитыми отраслями, супердержавой, которая обладала второй экономикой в мире, это исторический факт. Даже антикоммунист Александр Зиновьев сказал: «Советский период – вершина российской истории». Был совершен переворот в системе общественных отношений, который обеспечил равноправие всех граждан, были ликвидированы дискриминация женщин, безработица. Нужно отдать должное большевикам: народные массы получили право пользоваться всеми возможностями образования, науки, литературы, искусства без каких-либо ограничений и изъятий.

Здесь я позволю себе не согласиться с глубокоуважаемым лектором. Образование, искусство и литература в СССР были серьезно идеологизированы и искажены. Из обращения народных масс были изъяты произведения искусства, не совпадающие с советской идеологией. В своей школьной библиотеке я не могла получить томик стихов Сергея Есенина. Я должна была читать лишь те стихотворения, что напечатаны в учебнике.

Россия была отрезана от мировой культуры и варилась в своей собственной, из которой именно «изымалось» все, что не подходило под понятие «социалистический реализм». Те, кто прятал под матрас самиздатовский, напечатанный на машинке текст «Мастера и Маргариты» М.Булгакова и другие произведения, со мной согласятся. Этим я занималась, когда училась на филологическом факультете! Сегодня такое трудно представить.

«Каждый шаг перестройки способствовал контрреволюции»

Невозможно не согласиться с Андреем Владимировичем в его оценке лихих 90-х, которые он легко вписывает в теорию длительного революционного процесса:

– Почему же в 90-е поступательное движение русской революции было остановлено, а супердержава рухнула и похоронила под своими обломками все ранее достигнутые успехи? Ответ лежит в способности и возможности революции противостоять контрреволюции, которая объективно возникает с рождения революции. Действие рождает противодействие. Русская контрреволюция всегда стремилась всеми силами реставрировать потерянное. Проиграв на первом этапе борьбу за власть, в течение последующих десятилетий всячески противодействовала утверждению нового строя. В конечном итоге советская держава была полностью развалена перестройкой в считанные годы.

Оценка перестройки сегодня противоречива и политизирована. В публикациях марксистского толка перестройка – это заключение союза внутренней и внешней реакции с целью осуществления заговора, направленного на ликвидацию социализма и имеющего для России самые тяжелые последствия. В публикациях либеральной направленности тот же период рассматривается как осознанный выбор либерально-рыночного пути, пути подлинных демократических преобразований. Точки зрения полярны. Но абсолютно солидарны в своем главном выводе: отстранение от власти коммунистов и распад созданной ими державы есть прерывание попытки утвердить в стране новые общественно-экономические отношения. Разница лишь в том, что одни сожалеют, что не сумели реализовать построение светлого будущего, а другие объявляют социалистический эксперимент историческим тупиком и высказывают полную уверенность в необходимости и правоте содеянного.

Последние лидеры Советского Союза тешили свое эго революционностью совершаемых действий. Однако каждый шаг, предпринимаемый архитекторами перестройки с благими намерениями, вел к свертыванию коммунистической идеологии и способствовал контрреволюции. Произошла реставрация общественно-экономических отношений, которые были отвергнуты в период 1917-1919 гг.. Общественная собственность была заменена обратно на частную, советская система управления была демонтирована. В конце XX века русская революция, как попытка утверждения новых социально-экономических отношений остановилась

и была прервана, Россия вернулась назад и идет по пути классического капитализма.

Лично мне страшно вспоминать о голодных, холодных и опасных 90-х. И я не верю, что нельзя было без них обойтись. Разве нельзя было все перегибы социалистического строя исправить эволюционным путем, разрешив мелкую частную собственность, оставив при этом все крупные предприятия – в руках государства? Открыв границы и разрешив многопартийность? Подобные примеры в мировой истории имеются.

«Общество устало от постоянных реформ»

Не обошел своим вниманием А.В. Сперанский и реалии сегодняшнего дня:

– Сегодня мы имеем политическое раскрепощение, возможности предпринимательской инициативы, но одновременно – колоссальные потери в области социальных гарантий, небывалое даже для западных стран и несправедливое имущественное расслоение. Общество устало от постоянных реформ, которые перманентно проходят, в лучшем случае ничего не дают, в худшем случае ведут к понижению уровня благосостояния основной массы трудящихся. Постоянно повышающиеся цены, растущая дороговизна социальных услуг, структурные оптимизации ведут только к сокращению кадрового состава, в частности, к снижению уровня образования и науки. Все это приводит к сокращению лимита доверия общества, к растущему недоверию масс подобного рода реформам в частности и реформистскому пути развития в целом. Все это мы уже проходили. Нарастание проблем и их своевременная нерешенность чреваты самыми тяжелыми последствиями. Революция – это оперативное вмешательство, где обязательна кровь. Чтобы продолжать мирное реформирование, нужно не допустить революционного сценария, должна быть конструктивная контрреволюция, которая будет разумно регулировать общественно-экономические процессы, целенаправленно формировать институты демократического развития, обеспечивать общество всеми видами социальной поддержки. Стипендия студента, которая меньше, чем стоимость проездного билета – это позор и нонсенс современной эпохи. Контрреволюция должна представлять собою конвергенцию лучших свойств возвращенного в Россию капитализма и позитивных моментов, которые имели место в утраченном сегодня социализме.

Как говорится, без комментариев.

«Переход от истории событий к истории опыта маленького человека»

Ольга Поршнева, д.и.н., профессор кафедры истории России УрФУ, выступила с докладом «Антропологическое измерение Русской революции: дискуссионные аспекты и достижения современной историографии»:

– Переосмысление опыта Российской революции невозможно без анализа ее человеческого измерения. В периоды тектонических сдвигов решающую роль начинают играть массовые общественные ожидания, представления, убеждения, ценности. Если в период реформ они могут не проявляться, недовольство людей не принимает форм, влияющих на политическую жизнь и судьбу государственности, то во время революции это происходит безусловно. Наряду с тенденцией придавать большое значение особенностям России, многие исследователи вписывали российские революционные процессы в контекст европейского военно-революционного кризиса 1914-1921 гг.. Второй подход позволил увидеть в Русской революции проявление многих черт массовой политики, массовой пропаганды, характерных для всех европейских стран и стимулированных I Мировой войной. В том числе методов социального инжиниринга, связанного не только с мониторингом настроения, но и форматированием настроения.

I Мировая война породила реальность новых политических методов, которые большевики возьмут на вооружение. Сегодня переход от истории событий к истории опыта маленького

человека – это определяющий тренд в историографии войн. Революция 1917 года имела непосредственную связь с I Мировой войной, и концепция опыта позволяет учитывать и разрабатывать проблему влияния опыта комбатантов и населения тыла, полученного в годы I Мировой войны, на их поведение, интерпретацию действительности и на тот выбор, которые эти категории делали в условиях революционных процессов.

Большинство историков полагают, что российский опыт участия в I Мировой войне показал несформированность национального сообщества, отсутствие единых представлений о целях, интересах страны. Есть точка зрения, что российский народ не прошел проверку тестом на патриотизм. Другие исследователи говорят о том, что война впервые так значительно сформировала представление о гражданских обязанностях: развивалось волонтерское движение, разнообразная гражданская деятельность. Сформировался определенный идеал служения национальным интересам. Но затем происходит переформатирование идеи нации, и в силу победы радикальных социалистов формируется представление о нации трудящихся и исключением из этой нации париев.

Концепция единства и величия строится уже не на национальной идее, а на идее социальной, социалистической. Массы в 1917 году глубоко разочаровались в существующих элитах, не верили им и ждали альтернативных лидеров, они видели революцию как выход из тупика, в который их завели элиты. Теория модернизации показывает, что революция была отказом от буржуазной модели модернизации и выбором народа в пользу другой, социалистической модели, которая получила поддержку большинства населения. Там были идеи, импонирующие массам: о справедливости, равенстве, о выгоде для всего народа. Среди историков есть две группы: оптимистов, которые считают, что модернизация была успешной и ей помешала I Мировая война и кризис, который она породила: «Мы проиграли информационную войну», «Нарушилось равновесное состояние системы». Часть историков-пессимистов считает, что противоречия были очень глубоки, носили системный характер, включали такой аспект, как антибуржуазные ценности большинства населения. Все это делало шансы на модернизацию очень слабыми, поэтому кризис модернизации был глубок, и выход был на путях выбора другой альтернативы, что и было сделано.

«Педагог позавчерашнего дня идти в аудиторию не должен»

Тему продолжила Маргарита Дудина, д.п.н., профессор кафедры педагогики и психологии образования УрФУ с докладом «Обучение истории как открытие: познание в диалоге»:

– Изучать историю становится все более интересно. Но приходиться в класс или аудиторию и «сеять разумное, доброе, вечное», особенно в монологе – это позавчерашний день дидактики. Мне очень нравятся слова Германа Гессе: «Заниматься историей – значит погружаться в хаос, и все же сохранять веру в порядок и смысл». Историческое познание многомерно и многозначно. Здесь нет однозначных ответов, и искать их не надо. История – это предмет, который влияет на становление личности, поэтому обучение должно идти в диалоге. Сегодня учителю нельзя самому рассказывать о причинах события, необходимо их выявлять, находить совместно с учениками.

Более того, повсеместно применяются технологии так называемого «перевернутого класса», в нашей дидактике это технология опережающих заданий, когда дети идут на урок, уже прочитав о данном событии. Функции педагога меняются очень значительно. Понятно, что это не просто, но с системой опережающих заданий урок превращается в обсуждение, история учит мыслить. Например, с помощью сравнительного метода, предоставляя возможности исторической аналогии, сопоставления. История сближает поколения или, наоборот, отдаляет. И это зависит от того, как она преподается.

Да, у истории нет сослагательного наклонения, но в методике сослагательное наклонение

чрезвычайно продуктивно по той причине, что в любом событии были тенденции, которые получили или не получили развития. Но они не умирают, а затухают, порой очень надолго. Столыпин просил: «Дайте мне 20 лет, и я реформирую Россию». Дело не в том, что его убили, а в том, что реформировать Россию не удалось. Сегодня всем желающим дают по гектару земли, только есть ли те, кто его возьмет? Но столыпинская тенденция не умирает.

В советское время была одна методология истории, сегодня их множество, и без знания методологии не надо быть преподавателем истории. Необходимо использовать инновационные технологии, которые пришли из других областей. Например, из экономики – SWOT-анализ: во всяком событии можно выявить достоинства, недостатки, риски и потенциал развития. Его очень удобно использовать для групповой работы. Очень хорошие методики «Шесть шляп мышления» Эдварда де Боно и кейсы. Старшеклассники и студенты могут не только решать, но и составлять кейсы. С помощью интерактивных дидактических технологий может зародиться размышление о многомерности истории. Педагог позавчерашнего дня идти в аудиторию не должен.

«Революция растоптала идеалы революционеров»

Михаил Попов, д.и.н., профессор кафедры истории России УрГПУ осветил более узкую тему – «Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в период деятельности белогвардейских правительств (июль 1918-июль 1919 гг.)».

– Февральская революция была однозначно поддержана подавляющим большинством учительского сообщества Екатеринбурга и учащимися старших классов средних учебных заведений. Приход к власти большевиков был воспринят ими как негативное, незаконное явление. Советская власть стала активно вмешиваться в деятельность учебных заведений, что вызывало недовольство со стороны учительских организаций. В июле 1918 года, после ликвидации советской власти, все законодательные акты большевиков были отменены, были восстановлены образовательные учреждения, существовавшие до прихода к власти большевиков. Начались расстрелы неугодных учителей. В то же время было расширено финансирование школ, увеличились зарплаты педагогов. Постепенно революционные методы решения проблем приобретали кровавый характер, выражавшийся не только в репрессиях, но и в участии учителей и учащихся в вооруженных столкновениях различных политических лагерей.

Закончил пленарное заседание Андрей Трофимов, д.и.н., профессор кафедры общей и экономической истории УрГЭУ, который также в своем докладе коснулся проблем образования: «Эволюция представлений о революции 1917 г. в образовательном пространстве (от «краткого курса» до «единого учебника»)»:

– Концепция преподавания революции 1917-го года возникла в известном «Кратком курсе истории ВКП(б)» в 1938 году и на многие годы стала эталоном при освещении данных событий. В конце 80-х – начале 90-х годов менялись идеологические ориентиры, и были изданы новые так называемые учебники, в том числе – «Наше Отечество. Опыт политической истории» (в 1991 году тиражом в два миллиона экземпляров (!). В этом учебнике достаточно ярко был обозначен вопрос о том, была ли закономерна российская революция. В 90-е годы в образовании утверждался плюрализм. И мы наблюдали многообразие учебников, их счет шел на сотни. Мы увидели разброс мнений: от «великого Октября» до «российской смуты» и «цивилизационной катастрофы», «исторического обрыва» и «тупика». «Революция растоптала идеалы революционеров, родив нечто, никем не предвиденное и никому не ведомое (в рамках предшествующего опыта мировой истории). За ширмой народности скрывался узкий интерес тех, кто присвоил себе результаты революции: вместо высшей демократии установился режим диктатуры, вместо союза, единения трудящихся – антагонизм отдельных групп городского и сельского населения, вместо личной свободы – система принуждения в

интересах нового государства и новой элиты» (Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XX века).

В школьных учебниках 2000-х говорится о том, что революция носила антимодернизационный характер, а в вузовских учебниках – о том, что «советская власть в короткие сроки совершила модернизацию страны». В последних учебниках от закономерности революции ушли к ее рукотворности. Якобы революция началась с раскола элиты, процессы шли сверху вниз: «В России не было предпосылок к революции, кроме общей бедности большей части населения и наличия оппозиционно настроенной аристократической элиты и интеллигенции».

Концепция последнего единого учебника: Великая российская революция совершалась с 1917 по 1921 год, это комплекс революционных событий, в который входят Февральская, Октябрьская революции и Гражданская война. Такой подход позволяет акцентировать внимание учащихся на масштабности социальных потрясений, на глубине и многомерности порожденных российской революцией изменений не только на пространстве России, но и в мировой истории, как попытки реализации особого варианта модернизационного проекта, облаченного в форму социализма-коммунизма, и подразумевает ценностное отношение к событиям 1917 года. Современные учебники ставят вопрос: «Чем было это событие: революцией для России, против России или для мира?» «Это было время обманутых надежд и несбывшихся ожиданий». Роль и место учебников последнее время поменялись, главное – вступить в диалог с учащимися, поменять ракурсы рассмотрения, для этого у нас, преподавателей, есть все ресурсы и возможности.

Конференция продолжилась заседаниями секций «Мир на революционном изломе: 1914-1923 гг.», «Великая Российская революция в образовательном пространстве» и «Великая Российская революция: история и историография», на которых выступали не только ученые, но и учителя школ, а также студенты вузов.

**11 апреля 2017 г. прошла панельная дискуссия
«1917 год: был ли выбор?»**

Революция без белых перчаток

Наталья Паэгле

На панельной дискуссии «1917 год: был ли выбор?», название которой говорит само за себя, экспертами выступили доктор исторических наук, профессор УрГПУ Михаил Попов, кандидат исторических наук, декан исторического факультета УрГПУ Ирина Бахтина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института истории УРО РАН Михаил Вебер и советник ректората по молодежной политике УрГПУ, историк Денис Островкин.

Неизменный ведущий молодежных мероприятий проекта, студент пятого курса исторического факультета УрГПУ Олег Коновалов открыл дискуссии, обозначив для обсуждения первые вопросы:

– Является ли Октябрьская революция самым значимым событием XX века? Было ли это событие революцией или государственным переворотом? И к чему оно привело: направило страну по пути бесперспективной утопии или стало толчком для создания общества социального благосостояния?

Михаил Вебер считает события октября 1917 года крупными, историческими, повлиявшими на восприятие России в мире.

– Поскольку в России состоялся политический эксперимент, то она попала во внимание цивилизованного мира. Еще с середины XIX века левая мировая интеллигенция думала о том, как провести социальную революцию в той или иной стране. К несчастью, первой стала Россия. На мой взгляд, лучше бы она произошла в другой стране. То, что случилось в 1917-м году, сегодня является предметом изучения историков. И памятью для каждого из нас, так как мы родом из этой страны, и наши предки были свидетелями тех событий.

Свое мнение на этот счет у Ирины Бахтиной:

– Революция дала нам позитивный толчок в развитии, но есть в революции и много негативного. Любая революция в белых перчатках не делается и, как правило, заканчивается гражданской войной. А это миллионы смертей, разрушений. Но революции и гражданские войны – это естественный элемент исторического процесса. Были они в разные времена и в других странах. Хорошо это или плохо – не берусь судить. Так случилось. Мы с этим живем. И нам надо научиться из всех исторических событий извлекать позитивный опыт и анализировать негативный, чтобы избежать его в дальнейшем.

Михаил Попов считает, что ему посчастливилось жить в такую эпоху, когда взгляды на именно эту революцию менялись. И он тоже в разные периоды своей жизни оценивал ее по-разному.

– Моя карьера историка началась после XX съезда. Потому что стало интересно. Открылись доступы к архивам, излагались разные точки зрения, проходили дискуссии. Конечно, все в определенных идеологических рамках. Но даже при этом чувствовалось оживление исторической науки. Раскритиковали «Краткий курс истории ВКП (б)» (был составлен при личном участии секретаря И. Сталина и опубликован в 1938 г. – прим автора), начинается новая оценка революции. Историю КПСС, идеологическую дисциплину, самую главную, равнозначную до революции только Закону Божьему, тщательно изучали на всех факультетах. Изучали собрание сочинений Ленина. Во время горбачевской перестройки и особенно после путча ГКЧП в августе 1991 года началась критика советской концепции. Мне приходилось во всем этом очень глубоко разбираться. А как иначе, если я сначала доказывал одно, а потом стал доказывать – другое. Считаю, что история советского периода до сих пор не написана. А все, что написано – через альтернативу.

Более прямолинейное суждение, свойственное молодому поколению, выразил Денис Островкин:

– Октябрь – это великое событие, совершенное по великой глупости.

Менять свои представления трудно. Мое поколение выросло в атмосфере демонстраций 7 ноября, посвященных очередной годовщине Октябрьской революции. Праздник считался святым. Красный день календаря. Поздравительные открытки родственники слали друг другу со всех городов и сел страны. В школах проходили пионерские линейки, мы пели революционные песни и украшали класс флажками, раскрашенными красками и карандашами, потому что цветной бумаги не было. В череду выпускных экзаменов за школьный курс мы сдавали историю КПСС, и знание этого же предмета требовалось при поступлении в любой вуз страны.

Свои убеждения менять трудно, но, если ты незашоренный, думающий человек, способный анализировать новые открывшиеся факты, то тебе это под силу.

Следующий посыл ведущего вызвал соответствующую реакцию участников дискуссии:

– Многие исследователи считают, что по зрелости предпосылок к революции Россия превзошла другие страны.

Профессор Попов тут же ответил:

– Этот вопрос свидетельствует, что вы стоите на марксистской позиции. Я категорически с этим не согласен. Была ли революция с точки зрения противоречий неизбежна? Я думаю, что Россия могла избежать революции. В стране уже сложилось правовое государство, правовая система. Можно было обойтись без социальных потрясений. К сожалению, у действующей власти не хватило духу решить эти противоречия.

– А как же быть с цитатой Ленина, которого вы учили, что война и разруха вели к революции? – не уступает ведущий.

– Россия не проиграла войну, – парирует Михаил Валерьевич, – она была накануне победы. Ожидали весеннего наступления русской армии в 1917 году. Причина революции ни в войне, ни в тяжелом положении народа или разрухе. Все было гораздо сложнее.

Михаил Вебер не совсем согласен с предыдущим оратором и считает, что определенные предпосылки к революции все же были. Определенные явления этого порядка, по мнению Михаила Игоревича, царь искусственно сдерживал еще в мирное время, чтобы не потерять собственную власть. Первая мировая война оказала пагубное влияние на экономику России. Миллионы вчерашних крестьян оказались на фронте, и то, что они видели и пережили, было лучшей агитацией в пользу каких-то перемен.

– Другое дело, что в России на тот момент не было силы, способной привести к переменам, – говорит Михаил Игоревич. – Сегодня посчитана численность всех партий, в том числе и радикальных, существующих на тот момент, их было не очень много. Да, в октябре в Петрограде произошел переворот, но на местах просто физически не было большевиков – членов партии. Процесс формирования власти затянулся на пять-шесть месяцев. Те люди, которые под вывеской партии большевиков приходили к власти зимой 1917–1918 года, зачастую были случайными, без идейных представлений о марксизме и программе партии. Есть известная фраза Ленина, что каждая кухарка может управлять государством, в период 1917–1921 годов оказалось, что не каждая. И впоследствии партия была вынуждена избавляться от них и набирать специалистов, классово чуждых, но способных к управлению, в том числе и на государственном уровне, – резюмировал Михаил Игоревич.

От них, конечно, тоже впоследствии избавятся, самым беспощадным образом. Но пока еще не 1937-й, пока мы на пороге октябрьского переворота. Ирина Леонидовна согласилась с тем, что Первая мировая война стала одной из причин революции. И дополнила тезис тем, что попытки провести подобные революции предпринимались и в ряде стран Европы.

– Каким образом – это еще надо рассматривать и изучать, – добавила Ирина Леонидовна и выразила свое понимание фразы Ленина о кухарке. – Мне кажется, что мы однозначно ее понимаем. Я думаю, что Ленин имел в виду участие народа в выборах, в том числе кухарки и кухаркиных детей.

И тут поднял руку из зала учитель истории школы № 50 Нижнего Тагила Роман Домбровский, уже во второй раз участвующий в мероприятиях проекта. Он заметил, что фраза вырвана из контекста: «Каждая кухарка может управлять государством, потому что знает цены на хлеб». Ого, это замечание кое-что меняет и с кухаркой, и с Лениным, и с кухаркиными детьми. Не меняет только того, что в 1917 году переворот устроили те, кто меньше всего умел управлять государством.

Свою позицию о причинах революции выразил Денис Островкин, он обратил внимание, что Временное правительство действовало в отрыве от народа. Разделяя два понятия: «общество» и «народ», оно действовало только в интересах общества, тогда как Ленин как раз сыграл на интересах народа, а не в целом народа и общества. Интересами буржуазии он пренебрег.

– Отрыв Временного правительства от тех политических сил, которые стояли во главе революции, непонимание того, к чему необходимо в дальнейшем идти, сыграло на руку Ленину

и большевикам, – подчеркнул Денис Леонидович.

Однако Михаил Игоревич встал на защиту Временного правительства.

– Я заострю внимание публики, что правительство было временным. Оно за власть не цеплялось. Были намечены выборы в учредительное собрание. Впервые в истории России летом 1917 года во всех городах России прошли выборы в органы местного самоуправления – городские думы, уездные земства. Какой России быть в дальнейшем, должно было определить учредительное собрание. Никакой необходимости свергать это правительство не было. Оно готово было передать власть тем, кого бы выбрало население страны. И понятно, почему произошел октябрьский переворот. Партия большевиков была крайне левой, желающей провести в стране радикальные социальные преобразования, с чем были не согласны большинство остальных партий. И чтобы реализовать свою программу, большевикам пришлось ввести режим военной диктатуры, что в свою очередь стимулировало гражданскую войну.

Таким образом, в ходе дискуссии были обнародованы некоторые «скелеты из шкафа» Октябрьской революции. Однозначно констатировали, что социалистическая революция могла произойти только в индустриально развитой стране, но никак не в аграрной России, где она произошла. Неоднократно цитировали Ленина, который, понимая невозможность мировой социалистической революции, даже не мечтал дожить до нее, но единственный понял суть момента и оказался в нужное время. Сошлись во мнении: чтобы понять ленинский феномен, необходимо читать его работы. И, по мнению Михаила Валерьевича, самую загадочную из них – «Апрельские тезисы». Я тоже помню, что мы в университете на всех дисциплинах обращались к этой работе, но суть ее в моей памяти так и не осталась. Видимо, правда, загадочная.

Сделали вывод, что революция 1917 года – одно из самых значимых и трагических событий в истории нашей страны, а великими событиями посчитали победу в Великой Отечественной войне и первый полет человека в космос.

Очень ценными были параллели с сегодняшним днем. Наверное, самыми ценными!

Приятно, что вместе с нами были вновь старшеклассники школы № 50 из Нижнего Тагила со своим замечательным и инициативным учителем истории Вероникой Никитичной Турчаниновой. Она поделилась своим мнением:

– Мы приезжаем уже на второе мероприятие этого проекта. Для меня показатель качественного мероприятия, когда ученики выходят и спрашивают: «А когда мы в следующий раз сюда приедем?» Мероприятия проекта они обсуждают. Значит, мы затронули какие-то струны их души. Это – здорово, очень правильно. Руководство школы нас горячо в этом плане поддерживает. И не только потому, что это необходимо для исторических знаний учеников, это более важно в плане формирования их нравственной концепции, особенно на фоне тех событий, которые происходят в стране, например, обсуждения установки памятника Сталину. Школа нас поддержала в отношении того, чтобы вернуть ребят в русло гуманистической истории. Нельзя оправдывать жертвы никакими псевдо-экономическими успехами, которых не было. Сегодня узнали исторические вехи 1917 года. И это тоже правильно. Я не питаю иллюзий, что ребята все, что сейчас здесь услышали, навсегда запомнят. Но что-то обязательно зафиксируют. Я как учитель работаю по такому принципу: многократно говорю о том, что важно, рассматриваю с разных точек зрения, и тогда формируется настоящее знание. Проект – очень полезный, очень интересный.

Часть II Публикации

Зеркальная теория времени

(Размышления после спектакля)

Наталья ПАЭГЛЕ

Спектакль Норильского Заполярного театра драмы им. Вл. Маяковского по пьесе драматурга Владимира Зуева «Жди меня и... я вернусь» я бы обязала смотреть всех тех, кто сегодня безответственно заявляет, что сталинских репрессий в нашей стране не было, а «великий менеджер», он же «отец всех народов», неукоснительно вел страну к победе. Видимо, над всеми. Своей личной победе над человечеством как биологическим видом.

Мне удалось посмотреть спектакль в записи, но я знала о том, как он создавался, с самого начала. Директор театра Светлана Гергарт заказала Владимиру Зуеву, чьи пьесы идут не только в России, но и за рубежом, драму специально для Норильского театра. Это было продиктовано тем, что история театра непосредственно связана с ГУЛАГом. И режиссер Анна Бабанова, зная об этом, задумала постановку к 2017 году, к 100-летию революции в России, с тем, чтобы показать ее дальнейшие последствия.

Владимир Зуев неоднократно посещал Норильск, мемориальный комплекс «Норильская голгофа», изучал материалы архивов Норильлага, встречался с людьми, которые хранят артефакты близких, прошедших эту преисподнюю. Эмоциональное воздействие было настолько велико, что первоначальный вариант пьесы был очень близок по внутренней атмосфере к Булгакову, так как допустить тот абсурд, который творился в ГУЛАГе, нормальному человеку невозможно. И эта невозможность сделала сложной само воплощение произведения. Владимир снова вылетал в Норильск и обсуждал с режиссером различные варианты постановки, потом снова писал... Совсем уйти от фантазмагии ему не удалось, но в то же время пьеса обогатилась образами поэта и философа Льва Гумилева, астрофизика Николая Козырева, создавшего свою теорию времени, пианиста и композитора Сергея Кайдан-Дешкина, написавшего музыку к пионерскому гимну «Взвейтесь кострами, синие ночи!», и многих других гениальных личностей, заточенных в Норильлаг.

Из интервью Владимира Зуева газете «Заполярный вестник» (2 марта 2017 года):

– Пьеса – это отдельный продукт, спектакль – совсем другой, коллективный. Чтобы понять, какие из заложенных в пьесе смыслов остались, какие новые грани увидели постановщики, спектакль нужно увидеть на сцене. Меня в нашей работе интересовала тема предназначения человека и то, как он его реализует. Во все времена были свои страшные обстоятельства и были люди, осознававшие свое предназначение и, наоборот, не задумывающиеся об этом. У меня написано про тех, кто реализует то, что дано свыше. Пьеса в процессе работы претерпела несколько редакций. Одна из них, предпоследняя, удовлетворившая меня как автора, называлась «Парадокс обратимости», но режиссер настояла на своей версии.

Жанр постановки – «историческая фантазмагория», основанная на архивных материалах. Действующие лица – реально существующие заключенные, осужденные по политической 58-ой статье, как правило, за «контрреволюционную деятельность», которую НКВД-эшники могли найти во всем. Спектакль идет в форме концерта, посвященного открытию театра в Норильлаге. И это факт тоже исторический. Концерт настолько раскрыл и высмеял преступную мораль ГУЛАГа, что все его участники были расстреляны или отправлены на общие работы, что в условиях вечной мерзлоты равнозначно смерти.

Постановка идет в нескольких плоскостях – действие на сцене, действие второго плана, изображение на экране, усиливающее эмоциональное воздействие на зрителя. На первом плане Норильлаг: заключенные в робах, и ГЭБисты, непрерывно издевающиеся над ними

физически и унижающие морально; представляющие власть советскую и заявляющие: «Я тебя, сука, научу советскую власть любить!» Любовь тоже есть, но не к советской власти, а к науке, музыке, литературе, женщине. На втором плане – жизнь до лагеря, история героя до лагеря. На экране – рисунки художницы Ефросиньи Керсновской, документирующей лагерьный труд и быт, изданные в книге «Сколько стоит человек», а также документальные фотографии из архива Норильлага и художественные образы, вызванные глубокими переживаниями героев и создателей спектакля.

Здесь сидели звездные актеры Георгий Жжёнов, Эдда Урусова, работал после ссылки Иннокентий Смоктуновский, и был театр. И свой джазовый оркестр з/к 6-го лаготделения Норильлага. Надо сказать, что джазовые оркестры были во многих лагерях, так как джаз был признан музыкой буржуазной, за что его исполнители и отправлялись в лагерь, но что не мешало руководству лагерей организовывать джазовые концерты для себя. Двойная мораль проявлялась во всем. Стукачей НКВДэшники поощряли и презирали, интеллигенцию ненавидели и боялись, потому что перед образованными людьми осознавали свою ничтожность, насколько вообще могли что-либо осознавать.

Убийственный текст за кадром сухо констатирует, чем отличался Норильлаг. Тем, что здесь был собран цвет интеллигенции – ученые, инженеры, геологи. Незаурядные умы были нужны, чтобы строить металлургический гигант на вечной мерзлоте, но для чего тут нужен был астроном с мировым именем, предложивший миру свою теорию времени? Из всех астрономов Пулковской обсерватории, арестованных в 1936 году, только он один был отправлен в лагерь, все остальные расстреляны. Пронзительный до боли эпизод, когда астрономы, юноши и девушки, только что танцующие на втором плане вальс, тут же на первом укладываются в шахтную дрезину, машину смерти, курсирующую между преисподней и следователями. И происходит это на фоне слов Козырева о его теории: «Время может иметь противоположное направление, но в мире с таким течением времени все будет иметь зеркально-противоположные свойства». Он это говорит из карцера, куда его посадили за то, что он допускает, что прошлое можно изменить, и тогда не будет революции, и Ленина, и... даже самого Сталина, – что вызывает у следователя и его приспешников молчаливый ужас, а потом трусливое блеяние: «А как же мы без них?» Или еще эта страшная для них теория пассионарности поэта Гумилева – заговор или контрреволюция? Бить его, бить, бить... и унижать.

Но не только астрофизик наводит ужас на ГэБистов и вертухаев, целый эшелон артистов в концертных платьях, посаженных в эшелон прямо после окончания выступлений на сценах Подмосковья, вызывает в них страх непонимания: «лирико-колоратурное сопрано» – что это? Очередной контрреволюционный заговор? А значит, надо снова бить, бить... и унижать. Факт исторический, переведенный на математический язык – одним эшелонном из столицы социалистической Родины было вывезено 4000 артистов, 48 000 лет заключения на всех!

Апофеозом абсурда звучит приговор о контрреволюционной деятельности, допущенной во время самого концерта, за что теперь на дрезину «будет уложен» капитан, бивший и унижавший. Просмотрел... Не добил. Контрреволюционным выпадом признано стихотворение товарища Некрасова «Мороз красный нос», в котором товарищ Некрасов ставит под сомнение возможности советского народа построить какие-либо мосты. Вспомним строчку классика про Мороза-воеводу, который обходит дозором владенья свои и «Построит мосты ледяные, каких не построит народ». Все! Приговор есть! И это тоже исторический факт, взятый из архива Норильлага. И после этого всего в системе ГУЛАГа, как и в системе всего государства, созданной «отцом народов», можно оставаться нормальным?.. Даже если ты будешь следовать принципу: каждый за себя, тебя унижат и убьют. Носителем этой морали в концерте является конференсье, он же стукач. До самого выстрела ему в спину он не верит, что его убьют вместе со всеми участниками концерта. Он же доносил, он же служил, он же старался... Но приговор

общий для всех выражает тоже мораль – мораль системы. «Сначала убивают храбрых, потом подлых, тех, кто их предал, потом умирают карьеристы, те, кто своим «честным трудом» хотят доказать... И остаются только циники, но и они умирают...» По фабуле – это финал действия.

Но есть и высший суд! На экране мы видим джазовый оркестр з/к 6-го лаготделения Норильлага. Лица заштрихованы чернилами, как часто делали с фотографиями репрессированных, но время стирает чернила, обнажая и реабилитируя лица тех, кто вернулся из этой преисподни. И звучит джаз....

Тому, кто считает, что репрессий не было, советую – смотрите спектакль Норильского театра драмы по пьесе Владимира Зуева «Жди меня и... я вернусь», и тогда, быть может, сможете обрести понимание истории подлинной.

«Новая газета на Урале» 29.03.2017 г.

Школа, учитель, ученики: что с ними происходило после Февральской революции (на материалах Екатеринбурга)¹

Михаил Попов, Ирина Бахтина

События Февральской революции в России оказали громадное влияние на ход дальнейшего исторического развития нашей страны, привели к захвату власти большевиками, к разжиганию широкомасштабной гражданской войны.

Российская революция оставила глубокий след в истории отдельных регионов, областей и городов, в том числе и в истории нашего города, его общеобразовательных учреждений и учительского сообщества.

Педагоги – за преобразования

К началу 1917 года в Екатеринбурге, тогда уездном центре, существовали различные типы учебных заведений – общеобразовательные начальные училища, два городских высших начальных училища, средние учебные заведения – Первая и Вторая женские гимназии, мужская гимназия и реальное училище. Низшим образованием ведала городская управа, городские высшие начальные училища находились в ведении директора начальных училищ Пермской губернии, средние – попечителя Оренбургского учебного округа. Из средних специальных учебных заведений наибольшее значение имели Екатеринбургский учительский институт, торговая и художественно-промышленная школы. Характерной чертой было наличие частных учебных заведений, прежде всего гимназий. (За рамками нашей статьи остаются Горный институт и учебные заведения Русской православной церкви, действовавшие в Екатеринбурге: духовное училище и церковно-приходские школы, женской епархиальное училище и духовная семинария.)

По подсчетам современника событий Д.А. Киселева (в 1918 г. он был комиссаром по народному образованию Екатеринбургa), преподавательский состав этих учебных заведений города в 1917 г. составлял более 300 человек. Подавляющее большинство учителей преподавало в средних учебных заведениях и в начальных школах повышенного типа. В 1916 г. в низших начальных училищах Екатеринбургa преподавательскую работу вели 517 педагогов. Все это были женщины с гимназическим образованием.

¹ Публикация подготовлена на материалах научной статьи авторов, размещенной в журнале «Педагогическое образование в России» (2016, № 9).

Происшедшая в феврале 1917 г. революция повлекла за собой демократические преобразования во всех областях общественной жизни России. Они затронули и систему образования. Подавляющая часть учительства, в том числе на Урале, преобразования поддержала. Создавшиеся учительские организации были инициаторами смещения со своих постов чиновников в системе управления образованием и реорганизации этого управления на демократических принципах.

Подобной же позиции придерживалось и большинство педагогов Екатеринбурга. В начале апреля 1917 г. они создали городскую учительскую организацию – Уральский педагогический союз (УПС). Уже 3 апреля в здании реального училища на собрании учителей был принят устав и определены основные программные направления деятельности Уральского педагогического союза. В эйфории первых послереволюционных месяцев под флагом демократических реформ в профессиональной учительской организации объединились люди с разными политическими взглядами. Здесь были и преподаватель Екатеринбургской торговой школы, большевик Д.А. Киселев, и преподаватель географии и естествознания реального училища А.Н. Розов, впоследствии один из лидеров белого движения. В качестве филиала к УПС присоединилась организация преподавателей екатеринбургских духовных учебных заведений. И все-таки большинство учителей Екатеринбурга и правления УПС во главе с его председателем – исполняющим обязанности инспектора Екатеринбургского реального училища, преподавателем истории и права Е.Н. Строгиным – были сторонниками политических свобод, демократизации и модернизации системы народного образования.

Новые права и свободы

Влияние февральской революции на деятельность екатеринбургских школ не было однозначным. Напряженная политическая обстановка, народные волнения весной 1917 г. заставили попечительские и педагогические советы средних учебных заведений принять решения о досрочном прекращении занятий с 1 мая 1917 г. Политические свободы позволили усилить демократические начала в жизни учебных заведений: преподаватели и учащиеся получили возможность свободно участвовать в обсуждении вопросов на любые общественно-политические темы. Радикально настроенная педагогическая общественность стремилась противопоставить окружным и местным чиновникам новые выборные на демократической основе органы руководства образовательными учреждениями. В Москве таким органом стал союз родительских комитетов, в котором активное участие принимали учителя и учащиеся. В марте в Екатеринбургской мужской гимназии был создан родительский комитет, в который вошли и гимназисты старших классов. Родители и педагоги Второй женской гимназии выразили желание принять участие в выборах новой начальницы (ранее кандидатура на эту должность избиралась Попечительским советом и утверждалась чиновниками Оренбургского учебного округа).

События, связанные с Февральской революцией, повлияли и на настроения и поведение учащейся молодежи Екатеринбурга. В целом ученики старших классов, в том числе и под влиянием учителей, поддержали изменения в политической жизни страны. В то же время политические свободы, возможность участвовать в митингах и демонстрациях воспринимались значительной частью учащейся молодежи как повод для пропуска учебных занятий, нарушения школьной дисциплины, невыполнения требований педагогов. Известия о петроградских событиях вызвали в средних учебных заведениях по инициативе учащихся волну собраний вместо занятий. Призывы преподавателей к порядку воспринимались учащимися как попытка нарушить их права.

24 марта 1917 г. в Новом городском театре состоялся общеученический митинг екате-

ринбургских школ. Еще раньше была создана ученическая организация старшеклассников «Цекапос». В каждом учебном заведении Екатеринбурга избирались старосты, которые представляли интересы классов в контактах с преподавателями, делегировали своих представителей на заседания родительских комитетов, поддерживали по классам дисциплину.

Несмотря на нарастание экономического кризиса, органы местного самоуправления сделали много для расширения сети учебных заведений в Екатеринбурге. Начали функционировать открытые Екатеринбургской городской думой два низших начальных училища. Открылось третье высшее начальное училище. Одиннадцать церковно-приходских школ перешли из церковного ведомства в ведение городской думы. 30 октября 1917 г. в здании Второй женской гимназии городским попечительством о бедных открылась смешанная гимназия (где учились девочки и мальчики), куда принимались без оплаты дети из неимущих семей. В гимназию было принято 160 учеников и учениц. В основу обучения был положен принцип трудовой школы. Занятия, проводившиеся по вечерам, включали обучение трудовой деятельности – столярному и слесарному делу.

«Хотим всего и сразу»

Осенью 1917 г. гражданское противостояние в стране обостряется, а настроения учащейся молодежи радикализируются. Ученические организации все более противопоставляют себя администрации учебных заведений и выдвигают заведомо невыполнимые требования, негативно влияющие на учебный процесс. В октябре 1917 г. учащиеся средних учебных заведений Екатеринбурга потребовали от педагогических советов своих гимназий и училищ допустить учащихся к управлению школой, отменить экзамены, упразднить балльную систему оценки результатов учебы, запретить оставлять неуспевающих на второй год. Во главе этого радикального движения стояла вышеупомянутая организация «Цекапос», которая грозила ученической забастовкой.

В начале октября 1917 г. большой резонанс в общественной жизни Екатеринбурга вызвал конфликт между ученическим коллективом и педагогическим советом Второй женской гимназии, который возглавлял директор Екатеринбургского реального училища, преподаватель математики В.И. Кирцендель. Здесь преподаватель словесности Н.Г. Младов под предлогом широкой демократизации системы образования стал пропагандировать радикальные идеи о предоставлении главной роли в управлении школой самим учащимся, вплоть до введения их представителей в состав педагогических советов с решающим голосом и численным преобладанием. Такой «демократизации» В.И. Кирцендель, сторонник твердого порядка, допустить, естественно, не мог, и Н.Г. Младов был уволен с преподавательской должности. Однако за молодого преподавателя вступилась часть ученического коллектива, в первую очередь гимназистки старших классов. На заседании родительского комитета гимназии совместно с педагогическим советом и представителями от учащихся они потребовали восстановить Н.Г. Младова в должности. Некоторые из выступающих заявили, что позиция В.И. Кирценделя свидетельствует о приверженности старому режиму, и таким преподавателям «не место в свободной школе». В ответ педагогический совет Второй женской гимназии подал в отставку.

Конфликт начал приобретать политическую окраску. В поддержку Н.Г. Младова и его сторонниц-гимназисток выступил Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов. 10 октября 1917 г. В.И. Кирценделя даже допросили в Следственной комиссии Екатеринбургского совета. Педагогический совет Второй женской гимназии, наоборот, был поддержан Уральским педагогическим союзом. Решение правления УПС от 16 октября 1917 г. гласило: «Полное игнорирование решений педагогической корпорации Второй женской гимназии и агитация среди учащихся – действия недопустимые, и с профессиональной точки зрения – незитичные».

Сам Уральский педагогический союз официально объявлялся «непартийной» организацией. Фактически же руководство УПС осуществляло работу «на платформе всемерной поддержки Временного правительства в деле осуществления широких демократических реформ». Летом-осенью 1917 г. УПС фактически поддерживал программу Конституционно-демократической партии, и во время выборов в Екатеринбургскую городскую думу призвал учительство голосовать за кадетов. Среди гласных в думе от партии кадетов была представлена лишь одна учительница – преподаватель Второй женской гимназии М.А. Закожурникова. В то же время в этот орган местного самоуправления баллотировался преподаватель Екатеринбургской торговой школы Д.А. Киселев, член партии большевиков. Более того, в созданной при Екатеринбургской городской думе школьной комиссии большинство оказалось у большевиков и левых эсеров. Все это свидетельствовало о расколе в учительской среде, о появлении среди учителей Екатеринбурга определенного числа сторонников большевиков и их союзников.

Таким образом, накануне и непосредственно во время большевистского Октябрьского переворота политическая позиция руководителей Уральского педагогического союза и большинства учителей Екатеринбурга оставалась неизменной: преобразования в общественной жизни, в том числе в сфере образования, они связывали с созывом Учредительного собрания. Приход к власти большевиков они оценивали как временное явление, считали незаконным вмешательство советской власти в деятельность учебных учреждений. Сопrotивление представителей дореволюционной школы советской власти было недолгим, но это уже тема другого исследования.

«Народный учитель» № 1, 2017 г.

История сталинизма в школьных учебниках истории

Виктор Кириллов

С момента образования национальных государств система образования становится одной из официальных институций, действующих в большой сопряженности с идеологическим и политическим заказом. Поэтому выбор учебников и учебных пособий для школ и вузов становится прерогативой властных органов и практически всегда зависит от стержневой идеи «национального единства». Недаром в современной литературе учебники истории называют «национальным нарративом».

Школьные учебники формируются довольно сложным путем, особенно в моменты кризиса официальной идеологии. На их создание оказывают влияние общественные настроения, мировоззренческие стереотипы различных социальных групп; рефлексия опыта прошлого в гуманитарных науках. Все эти разнонаправленные представления аккумулируются властью, которая формируется из людей, порой совершенно далеких от научной рационализации. Но именно от этих чиновных людей, в конечном счете, зависит утверждение официальной парадигмы, закладываемой в учебники.

Идеальная модель передачи опыта национальной истории новым поколениям, а именно – выработка верифицированного знания в исторической науке, а затем его превращение в хорошо читаемый учебный текст на основе педагогических методик – оказывается несовместима с реальностью образовательного нарратива, формирующегося в столкновении разноречивых мировоззренческих позиций.

Проанализируем зависимость современного учебника по истории Отечества от всех вышеперечисленных воздействий. Можно выделить несколько оппозиционных политизированных направлений в историографии и общественном сознании:

- консервативно-традиционалистское [19, 277];
- либерально-демократическое;
- радикально-антисоветское;
- радикально-националистическое [10; 15; 1; 4, 52, 55; 18, 77; 2, 65].

Для первого направления характерно оправдание всех действий Сталина, его режима власти и методов модернизации страны.

Второе направление характеризуется тезисами:

- мобилизационная экономическая модель советского режима базировалась на принудительном труде и репрессиях;
- излюбленным методом политики Сталина были репрессии, пренебрежение человеческими жизнями, и он должен понести личную ответственность за содеянное его режимом власти.

Для сторонников радикально-антисоветского присуще сближение сталинского режима с гитлеровским.

Для четвертого направления характерно использование воспоминаний о войне для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, возвеличивание роли Сталина.

Вышеназванные направления опираются на различные общественные системы ценностей и модели государственного развития. Каждое из них стремится дать ответ на вопрос о перспективах развития России исходя из своеобразного представления о национальных традициях.

К научной сфере изучения истории сталинизма относятся научно-теоретические концепции, которые используются учеными разных политических воззрений. Из теорий «первого уровня» (продуцируемых философией истории и макросоциологией) чаще всего используются: позитивизм; исторический материализм; модернизационные, цивилизационные теории. Методологи констатируют, что глобальные теории в условиях постмодернизма пользуются все меньшей популярностью [16, 483].

Применяются следующие концепции (теории «второго уровня»): прогресса, общественно-экономических формаций, тоталитаризма; модернизации; социальной инженерии, теории практик; «второй» революции (на рубеже 20-30-х гг.), мобилизационной экономики, социальной мобилизации, командно-административной системы управления, «сталинского неонэпа», и др. [14-27, 107, 126, 139, 148, 305, 351, 358, 330].

Наиболее популярными теоретическими моделями при изучении отечественной истории стали формационный, цивилизационный, модернизационный подходы, а в исследовании проблем политических репрессий концепции тоталитаризма и модернизации.

В 1990-е гг. наибольшим влиянием обладали цивилизационный подход и концепция тоталитаризма, в начале нового столетия начинается «сталинский ренессанс». Проходит «мода» на концепцию тоталитаризма, используется понятие «командно-административной системы». В рамках концепции модернизации набирает популярность теория мобилизационной экономики.

Новые «веяния» отразились на концептуальном содержании учебного пособия под редакцией А.А. Данилова и А.Ф. Филиппова [5; 12]. По сути, авторы учебника провозглашали отказ от концепции тоталитаризма; рассматривали политические репрессии как необходимую меру; подчёркивали ведущую роль И.В. Сталина в движении страны по пути модернизации. Они констатируют: «Сопrotивление курсу Сталина на форсированную модернизацию и опасения лидера страны утратить контроль над ситуацией были главными причинами «Большого террора». Кроме того, были и опасения, что «избирательные права по новой Конституции получили те, кто раньше был их лишен и не мог быть отнесен к разряду сторонников власти». Авторы рекомендуют: «... важно показать, что Сталин действовал в конкретно-исторической ситуации, действо-

вал (как управленец) вполне рационально – как охранитель системы, как последовательный сторонник преобразования страны в индустриальное государство, управляемое из единого центра, как лидер страны, которой в самом ближайшем будущем угрожает большая война».

Дана оценка масштабов репрессивной политики: «Следует, безусловно, оценить масштаб репрессий в годы «большого террора». Однако для этого необходимо четко определить, кого мы имеем в виду, говоря о репрессированных. Думается, было бы правильно, если бы здесь появилась формула, в которую будут включены лишь люди, осужденные к смертной казни и расстрелянные». Авторы заключают: «Весьма важной представляется постановка вопроса в учебнике о том, что же мы построили в 30-е гг. Возможен прямой и обычный для этого жанра ответ: была создана мобилизационная политическая система, без которой в короткий срок невозможно было решение задач индустриального рывка... Это была особая некапиталистическая модель развития, державшаяся на трех основаниях: индустриализме, государственном управлении экономикой, социальном государстве. Таким образом, это был своеобразный вариант индустриального общества».

Развернувшаяся полемика заставила авторский коллектив изменить текст учебника [7]. В новом варианте используются концепции «мобилизационного типа развития», «планово-директивной экономики». Говорится об утверждении единой идеологии (без опоры на теорию тоталитаризма), об идее «превентивной репрессии», использованной большевиками для расправы с предполагаемыми врагами. Названо количество жертв репрессивной политики: в 1930-1953 гг. за контрреволюционные преступления осуждено 3,7 млн чел., к ВМН приговорено более 786 тыс. чел. Опираясь на отчетные доклады соответствующих органов, мы знаем общее число реабилитированных за период с 1954 по нач. 2009 гг. – 5 461 267 чел. [6]. Общее количество жертв политических репрессий оценивается сейчас в 12-13 млн. Таким образом, авторами учебника приведены весьма условные цифры.

В 2014 г. была утверждена концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [8, 330]. В ее тексте мы видим следующие обобщения: «Трагедией для страны стала насильственная коллективизация, сопровождавшаяся жестокими репрессиями в отношении зажиточного крестьянства... В 1930-е гг. в СССР был построен «сталинский социализм», характерными чертами которого стала гиперцентрализация управления, диктатура вождя, подмена партийными органами власти Советов, приоритет административных методов решения политических и экономических задач. Рядом с индустриальными гигантами первых пятилеток выстроились лагерные вышки ГУЛАГа, где использовался принудительный труд заключенных... Утверждение «культы личности» Сталина». Используются термины «форсированная индустриализация», «советская модернизация». Проигнорированы концепции тоталитаризма и мобилизационной экономики.

В 2016 г. вышел новый учебник по истории России под редакцией А.В. Торкунова [17]. В составе авторов остались уже известные нам А.А. Данилов¹ и М.М. Горинов², добавились новые: М.Ю. Моруков, И.С. Семененко³, А.Я. Токарева⁴, В.Н. Хаустов⁵, О.В. Хлевнюк⁶, В.А. Шестаков⁷.

¹Один из авторов предыдущего, «просталинского» учебника, бывший специалист по истории КПСС, затем историк инакомыслия, член скандально известного диссовета в МПГУ, закрытого из-за практики фальсификации диссертаций, уволенный из вуза.

²Канд. истор. наук, зам. директора Центра научного использования и публикации архивного фонда объединения «Мосгорархив», автор и соавтор около 2-х десятков учебников по истории России.

³Доктор полит. наук, канд. истор. наук, выпускница МГИМО, сотрудник ИМЭМО РАН. Одна из сфер научных интересов – тенденции социокультурной динамики России в XX-начале XXI вв. Специалист по политической и гражданской европейской идентичности.

⁴Соавтор более десяти учебников по истории России.

⁵Доктор ист. наук, профессор Академии ФСБ, ведущий специалист по истории сталинизма.

⁶Ведущий специалист по истории сталинизма, доктор истор. наук, профессор МГУ.

⁷Доктор истор. наук, сотрудник ИРИ РАН, соавтор многих учебников по истории России.

В новом варианте школьного учебника произошли коррективы в изложении исторических событий и их оценке. Этому способствовало создание более сложного по составу коллектива авторов: в него вошли не только сторонники позитивной оценки сталинского варианта социализма и личной роли вождя (М.Ю. Моруков, А.А. Данилов), но и представители либерального крыла историков (В.Н. Хаустов, О.В. Хлевнюк), которые глубоко, с новых позиций изучили эпоху сталинизма.

Интересно понять подход отдельных авторов учебника к изучению сталинизма. Например, М.М. Горинов [3] выступает против тоталитарной концепции и признания всей советской истории «трагической ошибкой», за изучение реальных механизмов функционирования советского общества. Он формулирует новый подход: «Как представляется, методом проб и ошибок в 30-е гг. был, наконец найден определенный баланс между административным вмешательством государства в экономику и рыночными ее регуляторами – сталинский «неонп». Об этом, в частности, свидетельствуют впечатляющие темпы развития советской индустрии в этот период». Фактически соглашаясь с объективной предопределенностью принудительного варианта модернизации, М.М. Горинов называет глобальные цивилизационные факторы, которые позволяют рассматривать историю России, не разрывая ее на досоветскую, советскую и постсоветскую. Он пишет: «Главное на наш взгляд, – в изучении реального процесса общественного развития, а не преимущественно его издержек...» [3, 238,254,269].

М.Ю. Моруков [11, Аннотация] утверждает, что ГУЛАГом была создана высокоэффективная хозяйственная система, не имевшая аналогов в мире, а победоносный исход Великой Отечественной войны фактически подтвердил жизнеспособность и высокую эффективность избранной в СССР модели развития.

В.Н. Хаустов и О.В. Хлевнюк в своем объяснении «Большого террора» последовательно обосновали тезис о личной ответственности Сталина за планирование репрессий. По их мнению, Сталин принимал решения на основе вымышленных показаний сотрудников НКВД, к которым он относился совершенно серьезно. О.В. Хлевнюк выработал новую концепцию массовых репрессий, доказав, «что репрессии были результатом спланированной Политбюро ЦК ВКП (б) акции по ликвидации потенциальной «пятой колонны» в преддверии возможной войны, «генеральной чисткой» советского общества» [19,13; 20, 433].

В результате сотрудничества разных по своим взглядам историков совершенно исключен из оборота термин «тоталитаризм», он заменен на формулу «утверждение в обществе административно-командной системы и режима личной власти Сталина» [17,152], представлено достаточно много аналитического материала по политике репрессий, ей дана однозначно отрицательная оценка. Однако и в этом новом варианте разговор идет о жертвах, а не о преступном режиме. Слабо представлен материал о политике коллективизации-раскулачивания, которая и с точки зрения вождя и согласно известному сегодня фактическому материалу являлась очередной гражданской войной со своим народом. Эта война привела к окончательному цивилизационному слому – полной ликвидации частной собственности и правовой защищенности человеческой личности.

Эволюция различных подходов и оценок сталинизма пока не привела наше общество к национальному примирению, процесс рационализации исторической памяти не завершился. Принципиально важным в этом смысле является позиция историко-просветительского общества «Мемориал». Его лидер А.Б. Рогинский заключает: «В новых учебниках истории присутствует тема сталинизма как системного явления. Казалось бы, достижение. Но террор выступает там в качестве исторически детерминированного и безальтернативного инструмента решения государственных задач. Эта концепция не исключает со-

чувствия к жертвам Молоха истории, но категорически не допускает постановки вопроса о преступном характере террора и о субъекте этого преступления. Это не результат установки на идеализацию Сталина. Это естественное побочное следствие решения совсем другой задачи – утверждения идеи заведомой правоты государственной власти. Власть выше любых нравственных и юридических оценок» [13].

Примечания

1. 65 лет Великой Победы: в 6 т./ Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010; т.7-8, 2011; т.9-11, 2012

2. Борозняк А. ФРГ: Волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.

3. Горинов М. Советская история 1920-30-х годов: от мифов к реальности// Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет/Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 237-274

4. Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. № 2–3. 2005.

5. Данилов А.А., Филиппов А.В., Барсенков А.С. История России 1900-1945. Книга для учителя. 11 класс. М.: Просвещение, 2008

6. Доклад об исполнении Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2006-2008 годах [Электронный ресурс] // Режим доступа: mosmediator.narod.ru/index/0-705 (дата обращения: 03.05.2016 г.)

7. История России. 1900-1945. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений/ [А.А.Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинов и др.] Под. ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. Глава 4. Индустриальная модернизация СССР. 1929-1940.

8. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. 2014 г. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: histrif.ru/biblioteka/book/ (дата обращения 02.05.2016).

9. Леве Х.-Д. Сталин. М.: РОССПЭН, 2009. 351 с.

10. Мельтюхов М. Предыстория Великой Отечественной войны / Между канунами: Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.:АИРО-XXI, 2011. С. 1170-1204

11. Морюков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М.: Алгоритм, 2006. 192 с.

12. О концепции курса «История России. 1900–1945 гг.» // URL: [Электронный ресурс] http://www.prosv.ru/umk/ist-obsh/info.aspx?ob_no=153788 (дата обращения: 13.05.2015 г.)

13. Рогинский А. Память о сталинизме // RELGA – научно-культурологический сетевой журнал [Электронный ресурс]/ Режим доступа: // URL: <http://www.relga.ru/> (Ростов-на-Дону).10.07.2009. №10 (190) (дата обращения 02.05.2016).

14. Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945-1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4-6 декабря 2014. М.: РОССПЭН, 2015. 719 с.

15. Соколов Б. Новые ракурсы и проблемы Второй мировой войны / Между канунами: Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. С. 1205-1229

16. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О.Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

17. Учебник: История России. 10 класс в 3-х частях / Под ред. А.В. Торкунова. Авторы: М.М. Горинев, А.А. Данилов, М.Ю. Морухов, И.С. Семенов, А.Я. Токарева, В.Н. Хаустов, О.В. Хлевнюк, В.А. Шестаков. М.: Просвещение, 2016.

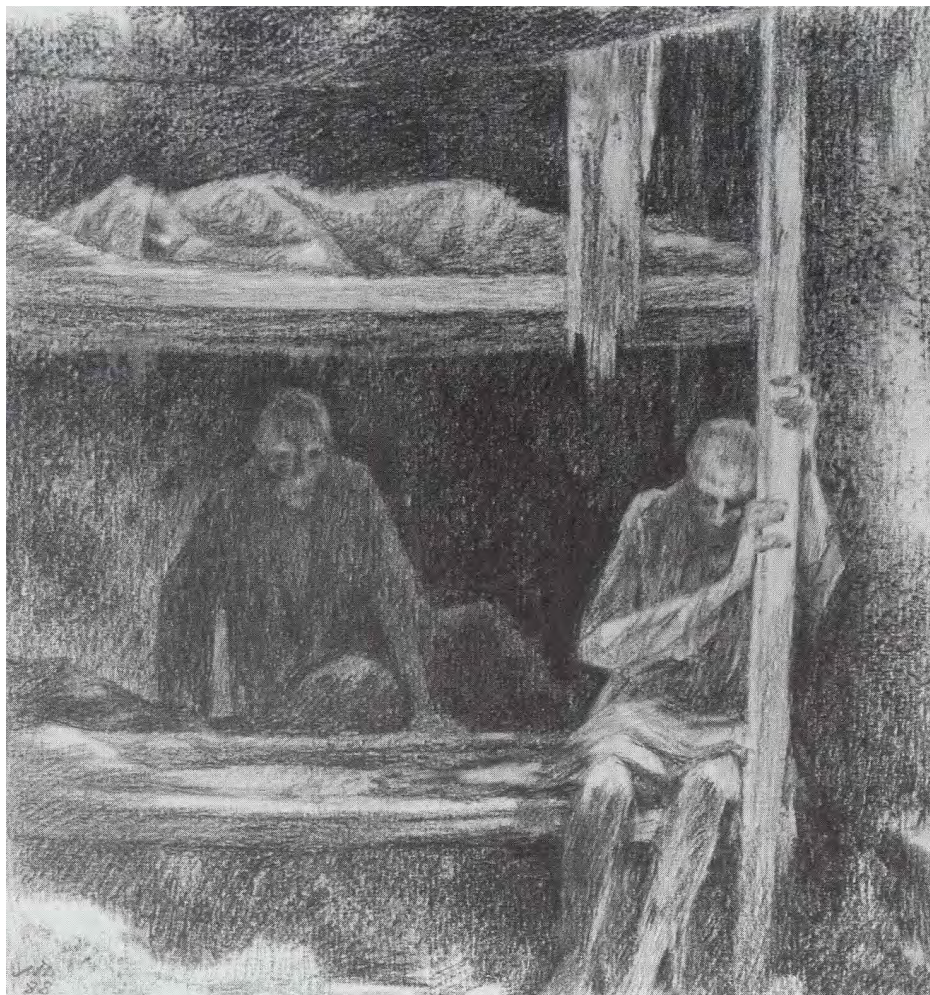
18. Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Неприкосновенный запас., 2005. № 2–3. С.77

19. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.

20. Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. 525 с.

Часть III

Конкурс эссе

Номинация

1917 год: был ли выбор?

II место в категории «Работы в жанре эссе, представляющие литературный интерес»

Был ли выбор в «государстве без царя»?

*Участник: Крыгина Виктория Олеговна,
ученица 10 А класса МБОУ Полевского городского округа «СОШ № 17»*

*Руководитель: Широкова Алла Евгеньевна,
учитель истории и обществознания
МБОУ Полевского городского округа «СОШ № 17
г. Полевской Свердловской области*

*Любовь к России, к ее прошлому, ...к вере предков
мы должны возродить и лелеять.*

Василий Сухомлинский

Размышляя о том, был ли в 1917 году у народа выбор, хочу подойти к проблеме с точки зрения сохранения духовных ценностей и традиций. На протяжении всей богатой и противоречивой истории Российского государства в основе его силы и стабильности неизменной оставалась триада: «Народ. Царь. Православие». Еще в XVI веке среди русских людей сложилось представление о Москве как о Третьем Риме, где Россия выступает преемницей христианства, а власть государя исходит от Бога. Спустя столетия тезис о единстве русского народа, царя и православия укрепился в славянофильском религиозно-философском течении 40-х годов XIX века. Ярким примером того является утверждение о существовании особого типа культуры, возникшего на духовной почве православия. В начале XX века девиз «За веру, царя и Отечество!» заключал в себе не только заповеди русского офицерства, но и стержень всей национальной идеи: «Душу – Богу, сердце – людям, жизнь – Отечеству».

Веками жизнь простого человека, в том числе моих предков и моих земляков, сосредотачивалась вокруг царствующей особы и православных святынь – под сводами храмов совершались основные события: крещение и венчание, покаяние и причастие, проводы близких в последний путь. Гимн России «Боже, царя храни! Сильный, державный, царствуй на славу, на славу нам!...Русь православную, Боже, храни!» точно передавал суть политики и духовности государства. Вера в Бога, царя и Отечество укрепляла русских людей, являлась основой национального самосознания.

Так можно ли было заставить такой народ жить совершенно по-новому – в «государстве без царя»? Оказалось, да. К горькой реальности! Потому что 1917 год стал началом трагических страниц «государства без царя». На плакатах и в учебниках новой советской эпохи царская Россия, руководимая «тираном-самодержцем», изображалась лапотной деревней, населенной забытыми мужиками, которыми правили спесивые дворяне да кулаки-миroeды. Или представляла страной, где трудами безграмотного рабочего люда заводов и фабрик, рудников и шахт пользовались лишь толстобрюхие буржуи в цилиндрах...

Я считаю, что кульминацией тех давних событий явилась казнь царя Николая II. Большевики не пожалели при этом ни супругу Александру Федоровну, ни юных дочерей, ни малолетнего наследника Алексея... Почему? Осмелюсь предположить, чтобы пресечь любые возможности вернуть России царя. Чтобы искоренить память народную! Чтобы жил народ без царя в голове. Без веры, без убеждения!

Постепенно старый мир рушился «до основания». И стиралась память о нем. И превращались люди русские в Иванов, родства не помнящих. Новая власть призывала к «преодолению религии как средству затемнения пролетарского сознания масс и отвлечения их от идей социализма». Хотя именно священнослужители всегда занимались на Руси «устройством человеческой души». Теперь же, попав в катаклизмы революционной эпохи, простые граждане, вырванные из их упорядоченного быта, из привычной социальной среды, «теряли голову» и метались в поисках своего места в катастрофически быстро меняющихся обстоятельствах. Период «безбожной» власти большевиков, у которой «вместо сердца пламенный мотор» и что еще хуже – голова «без царя», был свит из бедствий общегосударственного масштаба и десятилетий человеческих страданий.

Власть с неимоверной жестокостью проводила «великое переселение народов», связанное со сталинскими репрессиями – невообразимый хаос, воцарившийся на необъятных просторах огромной страны, властвовал потоками людей и швырял их наугад. По всей территории советского тоталитарного государства из репродукторов звучало: «Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей!..» А в это время в ходе уничижительной политики обобществления крестьянских хозяйств путем их «добровольной» коллективизации сталинские власти насильно «грудил» по колхозам миллионы сельских тружеников. Тех, кто отказывался вступать в колхозы, отправляли в бессрочную ссылку. И тысячи крестьян были силой оторваны от земли и уничтожены! Настоятель Полевского Петро-Павловского храма протоиерей Сергей Рыбчак делится со мной: «Крепкий, работоспособный слой крестьянства был полностью выкошен, раздроблен и репрессирован. А ведь именно у него была настоящая душа русского человека, сохранялась православная вера».

Под звуки песни «Эх, хорошо в стране Советской жить!» большевики совершали кровавые расправы над гражданами нового советского государства, в том числе и священниками, хотя скромный повседневный труд этих мужественных пастырей веками укреплял душу русского человека, оказывал огромное влияние на формирование его духовно-нравственных ориентиров.

После 1917 года в «стране без царя» в течение семи десятков лет уничтожалось православие, нарождалось поколение «без царя в голове» и создавался «Союз нерушимый республик свободных».

После распада СССР человека выпустили из духовного вакуума, буквально вырвали вместе с национальными корнями и поместили в атмосферу духовной сумятицы. Страну захлестнула волна вестернизации. Брошенные в почву бездуховности «семена» западной культуры проросли вместе с ее «сорняками»: культом двойных стандартов, потребительского отношения к жизни, насилия, национализма. Сейчас мне уже сложно представить, как бы выглядело общество нашего времени, не будь 1917-го. Одно могу сказать точно: оно было бы лучше во многих отношениях, во всяком случае, не было бы столь агрессивным и равнодушным. Чем больше я узнаю моих сверстников, вникаю, какие они смотрят фильмы и о чем мечтают, тем больше понимаю, как много проиграно нашей страной в этой духовно-нравственной битве: люди, называющие себя христианами, часто живут в каком-то «моральном окаменении»...

Еще раз прочитав заглавие моей работы, я задумалась: «О каком же выборе все-таки

идет речь?» Жить без монарха? Получается, если сейчас в государстве нет царя, то и у человека в голове его нет? А если в нашем государстве президент, значит, и у каждого из нас в голове должен быть президент? То есть наше поколение должно жить без царя, но с президентом в голове? Конечно, я уважаю нашего президента, но подобная мысль абсурдна. Русская пословица «Царь в голове – ум» всегда подразумевала, что человек должен жить с умом, правильно и честно. «Царь в голове» – это своего рода внутренний цензор, некий нравственный механизм, защищающий человека от возможных жизненных ошибок и необдуманных поступков.

Без царя в голове пусто, без царя в голове грустно.

А с царем в голове – классно, все так просто и все так ясно.

Сколько пользы погибнет зря в голове моей без царя!

И звенят в душе, злятся нерастраченные богатства...

Е.Фролова

Подводя итог, хочу отметить: у человека есть выбор – просто жить или, вернув в общественное сознание веками накопленные русским народом духовные ценности, пойти по верному пути в светлое будущее. Но как? Думаю, не ошибусь: с царем в голове и с Богом в душе. С помощью веры, надежды и любви. Веры в то, что ни одно последующее поколение не останется равнодушным к христианскому прошлому, ведь оно является основой совести и морали. Надежды, что каждый из нас войдет в будущее со святым верованием в целительные силы исторической и православной памяти. И, наконец, любви к родному народу и русской национальной культуре.

Как говорил Архиепископ Пермский Андроник незадолго до своего ареста в 1918 году, «за клятвопреступничество отнял Бог у народа разум и волю, пока не раскаются. А когда раскаются, то сначала постепенно, а потом целиком прозрят все духовно, почувствуют силу и сбросят тот ужас, который окутал нашу страну...» Я уверена: невозможно русскому народу прожить без царя в голове и без веры!

«Ум под небеса уходит и до Бога доходит», – гласит старая пословица. И если все мы будем жить по-христиански, с верой в душе и с умом в голове, то непременно возродим и поддержим негаснувший огонь духовности русского человека, даже если нам самим, как многим радателям величия государства Российского, суждено сгореть дотла в горниле вековой истории. У каждого есть выбор...

1917 год – был ли выбор?

*Участник: Родионова Валентина Сергеевна,
обучающийся МАОУ ДО ЦДО города Искитима Новосибирской области*

*Руководитель: Сударева Марина Викторовна,
педагог дополнительного образования МАОУ ДО ЦДО
города Искитима Новосибирской области*

Вопросы исторического выбора в России всегда стояли очень остро, и всё зависело от определённых событий, которые и решали исход ситуации. Вечером 24 октября (6 ноября) 1917 г., когда в столице революционной России Петрограде неудержимо раскручивалось вооруженное восстание против буржуазного Временного правительства, началась Октябрьская революция. Можно ли было избежать Октябрьской революции? Была ли ей альтернатива?

Одни считают, что альтернативы не существовало и не могло существовать, так как революция и переход к социализму были неизбежны. Они полагают, что только свержение буржуазии и переход к социализму открывали выход из глухого тупика, в котором оказалась Россия в 1917 г. вследствие отсталости, войны и разрухи, и позволяли разрешить в интересах большинства населения острейшие проблемы — о мире, о земле, о национальном освобождении.

Чтобы увидеть более полную картину альтернатив революции, узнаем точку зрения зарубежных историков-немарксистов. Американский исследователь Л. Холмс предпочитает выделять своего рода врожденные пороки системы – «долговременные предпосылки», которые было сложно остановить.

Подобные мысли высказывал небезызвестный американский политолог З. Бжезинский: «Именно из-за отсталости России ни общество в целом, ни относительно малочисленный класс промышленных рабочих не считались готовыми к социализму. Следовательно, историю надо было подстегнуть при помощи военизированного «авангарда» преданных революционеров, точно знающих, в чем суть наказа истории, готовых посвятить себя служению ей».

Из высказываний историков можно сделать вывод, что в 1917 г. не только была буржуазно-демократическая альтернатива социалистической революции, но более предпочтительны для России были бы капитализм и буржуазная демократия. И всё же Октябрьская революция свершилась.

Я думаю, если бы народу жилось хорошо, никто и ничто не могли бы его поднять на бунт. Возможно, всё и можно было бы решить мирным путём, и революция бы не понадобилась, если бы правительство смогло прислушаться к гласу народа, рассказывающего о своих нуждах и проблемах, а не игнорировало его.

Номинация Трагедия «Большого террора» в СССР в памяти современников

*II место в категории «Исследовательские работы с большим
объемом использованных источников»*

Родина – мачеха?

*Участник: Шеваддин Илья Алексеевич
Студент 1 курса БУ «Урайский политехнический колледж»
Руководитель: Бикушев Е.В., учитель истории, Карагаев В.И.,
руководитель студенческого музея,
г. Урай, ХМАО-Югра*

*И в мире нет истории страшней,
Безумней, чем история России.
Максимилиан Волошин*

В истории любой страны есть периоды, которые не являются предметом гордости для её народа. Но, как «из песни слов не выкинуть», так и из истории нельзя убрать даже самые горькие её страницы. 30-е годы прошлого века отмечены в истории России особым трагизмом и противоречивостью.

Шесть посёлков вдоль озера Туман в Кондинском районе возникли в конце 29-начале 30 годов прошлого века – здесь высадили раскулаченных, отнесённых ко второй категории: принудительная колонизация в малообжитые районы севера. 1-е, 2-е, 3-е и так до 6-го спецпоселения. Они имеют историю, которую забыть невозможно.

Откуда горькая судьбина занесла лишённых всяких прав людей – стариков и младенцев, мужчин и женщин – в непроходимую сибирскую тайгу? Сколько их было?

Из документов Кондинского районного архива узнаём, что в 1940 году на территории Сатыгинского сельского совета проживали представители 12 национальностей: украинцы, молдаване, белорусы, поляки, татары, финны, чуваша, евреи, румыны, русские, манси, ханты. С началом войны доставлены калмыки, немцы из Поволжья.

«Хотелось бы всех поимённо назвать, да отняли списки, и негде узнать» («Реквием» Анны Ахматовой). Мы, потомки лишенцев, пытаемся восстановить эти списки, собираем материалы, оформляем выставки, пополняем музеи.

27 ноября 1929 года Сталин объявил о переходе «к полной ликвидации кулачества как класса». Документы этого времени содержат мероприятия, которые открывают путь массовому раскулачиванию и жуткой трагедии выселения. К моменту раскулачивания в сёлах существовало только две категории крестьян: труженики с мозолистыми руками и беднота-лодыри, которых советская власть наделила широкими правами, и они использовали их на своих бедняцких собраниях, когда поднимали руки, решая судьбу соседей, подписывая им приговоры на исчезновение. В деревне свирепствовало узаконенное беззаконие, грабежи и насилие, выдаваемые за классовую борьбу. Всё движимое и недвижимое возводилось в

высокий ранг государственной собственности, то есть в ничьё. Поэтому во время раскулачивания разыгрывались дикие сцены вандализма. Земляки набрасывались вороньём на пепелище соседей, тащили по домам легко доставшуюся движимость.

Лисовая Клавдия М., высланная с родителями из Новосибирской в Томскую область (позже переехала в п. Ягодный), вспоминала: «За мной ухаживал секретарь сельсовета, комсомолец, так он предупредил нас о предстоящем раскулачивании. Попытались кое-что близким людям отнести для сохранности. Куда там! Слежка день и ночь. Боялись даже разговаривать с нами – признают пособниками, то же будет, что и нам. В день отправки с собой разрешили взять вещей норму определённого веса и то, что на себе. Так натягивали, сколько могли – по 5 юбок да по два полушубка. И смех, и горе. С нас активисты не стаскивали одежду, папу уважали, стеснялись. А над другими куражились: раздевали до исподнего, сажали в холодную, пить не давали, не говоря о хлебе».

В оцепеневших от страха деревнях разыгрывались омерзительные сцены открытого издевательства и пыток. Вот пример по Тюменскому округу. «Избач... и учитель... пытали батрачку Матвееву, заподозрив её в том, что она скрывает имущество кулаков. Они вывели её на пруд, а затем спустили головой в прорубь и держали до потери сознания». Дикостью взялась даже тундра: «Конфискованы у кулачки Филипповой серебряные рюмки, проба 84, в пользу Советской Республики».

Горем захлебнулись деревни той зимой.

В феврале-апреле тридцатого все пересыльные пункты были забиты жертвами «великого перелома». Над станциями отгрузки стоял невыносимый для нормальной души плач. Холод, отсутствие гигиены, эпидемии становились причиной смерти огромного числа людей, особенно стариков и детей.

Кубанская казачка Фёкла Ефимовна Софронова была сослана с мужем и ребёнком в Ягодный. До конца дней своих страдала и молила Господа о прощении она, мать, вынужденная оставить умершего в дороге сына на подоконнике какого-то вокзала. «Я не помню названия станции – разом помутился от горя. А в бока штыки упираются – не задерживайся, марш в вагон. Не могу взять в толк, почему хоронить-то не давали».

Мария Яковлевна Володина из пос. Ямки Кондинского р-на рассказывала детям: «Эшелон останавливали только на больших станциях, снимали мертвецов, людей выпускали за кипятком. Я увидела соль и нагребла в подол. Конвоиры в наказание решили задержать меня, а эшелон отправить дальше. Я сильно плакала, в вагоне остались дети и муж. Кое-как отпустили, пригоршню соли оставили».

По заснеженным и вымороженным просторам потянулись печальные обозы выселяемых. Эшелоны, обросшие испражнениями, катили и катили по великой России. Назначенных на поселение в Западной Сибири высаживали в Тюмени. Главным пересыльным пунктом Северного Приобья стал Тобольск. Тракт Тюмень-Тобольск был забит десятками тысяч подвод со спецпереселенцами. Свидетельствует Нина Степановна Харманжеева, жительница Ягодного: «Мама рассказывала, у неё был грудничок, девочка месячная, она всё плакала и плакала – голодная, сырая, пелёнки на морозе не сменить. А потом замолчала – умерла. Её конвоиры забрали и куда-то дели». Страшный путь был усыпан окоченевшими детскими трупами.

К концу марта 1930 года в Тобольске скопилось до 30 тыс. ссыльных. Тюрьмы города были переполнены. Поэтому под тюрьму приспособляли здание Кремля, храмы, интернаты, школы, больницы. С началом навигации партии крестьянских семей были отправлены дальше на север. Нехватка гужевого транспорта, кормов для лошадей спровоцировали вспышки конфликтов с местным населением.

Как начиналась жизнь антисоветского населения на новом месте? Прасковья Ивановна

Иванова, манси из деревни Лева Кондинского района, вспоминала: «Нас предупреждали, что везут бандитов, и якшаться с ними нельзя. А когда мы увидели этих «бандитов», отощавших, больных, понурых, познакомились поближе, поняли, что нас почему-то обманывают, и стали потихоньку от комендантов помогать, чем могли». Сами раскулаченные говорят, что местное население называло их колонистами до 50-х годов.

Марина Никитична Денисова, сосланная из Курганской области в Сургут, затем в Ягодный, рассказывала, что сначала они жили «в норах, на берег подняться боялись – лес непроходимый. Потом начали строить дома (теперь они называются двухквартирными), в каждой половине жило от двух до четырёх семей. Размещались сначала на полу, а после нары делали. У кого были тряпки, отгораживались друг от друга – полог делали, на полатах спали.

В Ягодном сохранился дом с такими полатами.

Труд спецпереселенцев Кондинского р-на освещён в книгах, изданных по инициативе Совета ветеранов при финансовой поддержке районной администрации. О произволе свирепых низовых кадров следует сказать дополнительно, особенно о комендантах. Нина Павловна Ефименко была ребёнком, но хорошо запомнила, как комендант Пахтусов в пос. Дальний Кондинского района кричал на колхозников, когда они приходили отмечаться, размахивал наганом, стучал им по столу, стрелял в воздух, запугивая и без того покорных. Эльвира Штробель в детстве тоже была свидетелем унижений родных: «Бабушка сильно заболела и не смогла пойти на работу. Так он ворвался в дом и, не разговаривая, сбросил её на пол. Я испугалась».

Анна Дмитриевна Чемакина вспоминала: «Моей крёстной было 15 лет, девчонка, а длинная. Норму давали как для взрослого. Где же ей выполнить! Ага, не сделала норму – давай в карцер. Посадит на ночь. Холодно, темно, голодно. Бедненькая, какие муки перенесла. Тётя тайком проберётся задками да крошек хлебных с водичкой ей подаст. Боялись ослушаться, мог и застрелить».

Ужасы, пережитые покорными и в большинстве безграмотными деревенскими каторжанами, известны только Господу. Находились смельчаки, которые бежали из ссылки. Одна женщина попросила мужа проводить её из Ягодного через болота до Гаринского района Свердловской обл. Тот, польстившись на деньжонки, убил несчастную и сжёг на Южном болоте. Мы ходим туда за клюквой. Натыкаясь на обгоревшие пеньки, вспоминаем беднягу.

А скольких поймали и жестоко наказали! Лисовая К.М. тоже сбегала, брела через тайгу и болота, «дорога – только дыра в небо, лес глухой, тёмный, непроходимый, стеной стоит по обе стороны. Бывало, кто-нибудь на санях догонит. Одни подбিরали меня, забрасывали на санях сеном: «Не шевелись, девка. А то беда будет тебе и нам всем». Другие страшились. Видели, что беглая. И я не обижалась, понимала. Добралась до станции Тайга Красноярского края, там дядя жил, устроилась техничкой в школу. Учителя заметили и оценили моё старание, добропорядочность, предложили выучиться на воспитательницу. В профсоюз приняли. Я сижу на собрании ни жива ни мертва. Какая учёба! Докопаются, что я беглая лишёнка, мне не одобровать, и им достанется, может, даже больше, что пригрели кулацкий элемент. Вернулась обратно в ссылку. И вскоре вышла замуж за вдовца на 10 лет старше меня – девкам тяжело было без защитника. Домогательств много от председателя, бригадира или уполномоченного. Откажет девушка, значит, работай наравне с мужиками, норма побольше, лошадь похуже, на глаза не попадайся – изведёт придирами».

Вспоминает Чуракова Л.Д. (Филатова): «В 1953 году мой отец Филатов Дмитрий Григорьевич взял меня и младшего брата Пашу с собой в поездку. Путь лежал мимо полей, которые папа раскорчывал 23 года назад. Трактористы выпаживали страшные свидетельства тех лет – черепа человеческие и, наверно, шулки ради насаживали их на коряги. «Кто это? Немцы?» – теребили мы отца (в те годы мир делился для нас на русских и немцев). Какова же была наша растерянность, когда он заплакал – он, самый весёлый мужчина в посёлке:

«И моя голова могла торчать на пне».

К середине 30-х годов использование трудпоселений становилось, с точки зрения производительности труда, всё более эффективным. На открытии памятника репрессированным в 2000 году глава Ягодинской администрации Пётр Петрович Плотников, сын раскулаченного, сказал верно: «Наши родители были настоящими хозяевами в своих родных деревнях, поэтому они и здесь, в тайге и болотах, построили жильё, раскорчевали поля и собирали урожай».

Появился хлеб, зазвучали песни. Да, как оказалось, рановато запели. Навязчивая идея о «кулаке-саботажнике, просочившемся на предприятие», и «кулаке-бандите, бродящем вокруг города», поясняет, почему именно эта категория в первую очередь должна была стать испуганной жертвой в большой операции, проведённой Сталиным с начала июля 1937 года.

Кого же обрекли теперь? Всякий подозреваемый в «плохом» социальном происхождении был потенциальной жертвой. Уязвимы были также все, кто жил в приграничной зоне или имел контакты с иностранцами, будь то пленные или родственники-эмигранты.

12 тысяч человек в Омской области расстреляно по вымышленным обвинениям (территория Тюменской области входила в её состав до 1944 года). Тысячи несчастных людей сгинули в лагерях и на подневольных стройках социализма. По всей вероятности, отец Юрия Васильевича Леваева там и погиб. Он, Леваев Василий Михайлович, раскулаченный из Курганской области в Ягодный, ночью был арестован и куда-то отправлен через неделю после рождения сына Юрия, 9 июня 1937 года.

У Носовой Марии Андреевны, манси из деревни Пашня Кондинского района, прямо из-за стола увели сразу четверых мужчин – брата, мужа, дядю и свёкра. Евгения Михайловича Вискунова, свёкра, расстреляли в Тюмени. Имя его значится в «Книге расстрелянных». А муж погиб в дороге, возвращаясь после отсидки.

По Сатыгинскому сельскому совету (5 спецпоселений входили в его состав, в том числе 3-й посёлок – Ягодный) из числа раскулаченных было расстреляно 62 «врага народа». Самому старому было 73 года (Баженов Иван Константинович, работник сельхозартели из второго спецпоселения), самому молодому – 30 лет (Кельберер Рихард Георгиевич, счетовод сельхозартели из шестого спецпоселения). Они, выжившие после первого наказания за примерное хозяйство, были бессильны против кровавой машины политических репрессий.

Иванова Эльвира Георгиевна, урождённая Штробель, рассказывает: «В 1937 году были арестованы мой дед Готман Эдуард Иванович и два дяди как «враги народа». Дядю Рихарда взяли прямо с урока, он вёл тогда немецкий язык и был директором школы. Братьев угнали на Колыму. Мама много писала, искала следы арестованных. Ответ на все запросы один: «Без права переписки». Дядя Рихард выжил, вернулся. Дядя Генрих умер на рудниках. Место его захоронения нам неизвестно, потому что по закону того времени родственникам этого не сообщали. Дед был расстрелян в Тюмени; «виноватым себя не признал» – гласит документ, который мы получили в 90-х годах. За что их объявили врагами, мы не ведали, никто никому не объяснял. Догадывались, что причиной стали две-три посылки с продуктами, которые пришли, по всей вероятности, из Германии (обратный адрес отсутствовал). А, может, Красный крест заботился. Как посылки попали в тайгу, мы не знаем. Содержимое не утаивалось, гостинец получали соседи, друзья. И до властей дошло. Только 10 лет назад выяснилось, что дядюшек и деда подозревали в контрреволюционном заговоре.

Мама рассказывала, что ещё в крымские годы жизни деда звали в Германию многочисленные родственники, которые перебрались туда до революции. Но он отказался: «Я родился в России, это моя Родина, здесь я и умру». А Родина обошлась с ним хуже мачехи.

В документах районного архива есть постановление №7 Пленума Окружного исполнительного комитета...Остяко-Вогульского национального округа от 29 октября 1937 года: «...В результате притупления бдительности и беспечности органов народного образования, ат-

тестация учителей Остяко-Вогульского, Самаровского, Сургутского и Кондинского районов проведена неправильно: к педагогической работе были допущены враги народа, люди, не заслуживающие политического доверия....». Это и о Рихарде Готман, которого помнит до сих пор ученица Ягодинской школы Рымова Пелагея Фёдоровна: «Добрый был человек и хороший учитель, мы любили уроки немецкого языка. Его увели под конвоем прямо с урока. Мы бежали следом, хотя учителя нас останавливали».

Сегодня нам известно, в чём обвинялись мужчины из семьи Готман – имеется документ. Про остальных информация отсутствует, потому что родственники давно выехали. Спросить не у кого. Скорее всего, им тоже инкриминировалось «участие в контрреволюционном заговоре». Старожилы вспоминают, что аресты 1937 года были поводом для сведения личных счётов, так же, как и при раскулачивании. Миндарову М.В., оставшуюся сиротой, привезли на 2-й пос. «Девчонкой была, но запомнила, как одну женщину домогался бригадир. Она не поддалась. Так ведь наклеветал на неё, объявили бабу врагом народа и упеки в тюрьму. Ребятишки ревут, бегут за ней, мать руки тянет к детям, а конвой их растаскивает. Ох и жуткая картина, как сейчас помню.»

Накануне и в период Великой Отечественной войны ссылка носила этнический характер. Тогда и прибыли к нам волжские немцы, калмыки. Из всех категорий ссыльных труднее всех, пожалуй, пришлось калмыкам, жителям юга. В Ягодном и Дальнем сегодня осталось по одному человеку калмыков да дети и внуки степняков, покоящихся в студёной земле. Остальных правительство перевезло организованно на родину. Карагаева Александра Павловна, жительница Ягодного, сосланная с родителями из Курганской области в Устрём Берёзовского района, очень жалеет их. «Посадят бригаду в большую лодку на 6 гребей – и за реку на поля. Обь в том месте широкая, долго добираться. Поднимется волна, надо грести наперерез, а они боятся, вёсла бросают и падают на дно лодки вниз лицом. Бригадир кричит на них. А что толку. Он один и выбрался, остальные потонули. Сколько их, горемычных, приняла река!»

В 1944 году прибыла новая категория ссыльных – «члены катакомбной церкви» «истинно православных христиан» из центральных районов страны. В мае 1945 г. окрисполком утвердил беспрецедентное решение Самаровского райсовета «об изъятии у сектантов их детей и о размещении последних в детских домах ...». Поступили такие дети и в Ягодинский детдом.

Можно ли с чем сравнить нечеловеческие страдания безвинных граждан своей страны, наказанных своим правительством, беспощадность которого страшит нас до сих пор?!

Почему не были высланы ни помещики, ни царские чиновники, ни фабриканты и купцы, ни нэпманы, а крестьяне должны были нести эту чашу? Те самые «кулаки», которых до этого советская власть не только терпела, но и поощряла как «культурных хозяев» (даже узаконила наёмный труд), т.е., по существу, выращивала своими руками для того, чтобы потом взять и «ликвидировать». Почему существовало насилие над детьми, которые тем и виноваты, что родились в «кулацкой» семье? Почему спустя 60 лет закон о реабилитации жертв политических репрессий не был опубликован в средствах массовой информации и остался в столах для служебного пользования? Кто ответит на эти и ещё многие другие вопросы?

Мы, «дети страшных лет России», никогда не забудем безвинно пострадавших наших дедов и родителей. По инициативе управляющего делами Плотникова П.П. в Ягодном установлен памятный знак основателям спецпоселений. Ежегодно 30 октября мы идём к памятнику с цветами и сердечной болью, которая с годами не утихает.

Любители-краеведы ведут переписку с некоторыми из ссыльных. Так, библиотека располагает материалами о семье репрессированных из Татарии, которые передала дочь Лидия Рахимовна Старшинова. Ко Дню славянской письменности и культуры она прислала в дар две посылки книг из личной библиотеки. Поделилась документами о родственниках Любовь Лопарева из Кондинского. Письма от бывших раскулаченных и их детей приходят и в школу.

Тогда мы объединяем усилия и даём ответы на трогательные послания. Сельская библиотека, школьный музей, активисты-краеведы – все вместе мы ведём кропотливую работу по сбору материалов об истории людей и посёлков. И будем продолжать, пока живы. И рассказывать внукам. И обнародовать.

Сердечно благодарим авторов публикаций о репрессиях, которые раскрыли для нас бесценные архивные материалы, сделали их доступными для всех. И обозначили путь поисков. Это, в первую очередь, Рафаэль Соломонович Гольдберг, Александр Антонович Петрушин, Александр Александрович Базаров, Надежда Ивановна Загороднюк.

Долгих плодотворных лет всем, кто посвятил себя восстановлению попорченной правды, сохранению наших корней.

Литература

Базаров А.А. Хроника колхозного рабства. – Москва: «Возвращение», 2004.

Гольдберг Р.С. Книга расстрелянных – Тюмень: «Тюменский курьер», 1999.

Загороднюк Н.И. Опальная Югра // Родина.- 2005.- с. 22.

Мальков В. Раскулачивание. Как это было – Юргамыш-Екатеринбург, 1996.

Набокова Л.В. Пребывание калмыков на спецпоселении в Ханты-Мансийском округе во время и после Великой Отечественной войны. – В кн. Великий подвиг народа.– Екатеринбург: «Волот», 2001.

Петрушин А.А. Мы не знаем пощады – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.

Соколкова Л.М. Спецпереселенцы, жертвы репрессий 30-х годов и их потомки. В кн. Цехновские чтения- 2005. – Кондинское: Кондинская типография, 2005.

Чёрная книга коммунизма. – Москва: Три века истории, 2001.

Спецприз «За активный сбор устной истории»

Трагедия «Большого террора» в СССР в памяти современников

*Участник: Баяндина Надежда Эдуардовна,
обучающаяся МБОУ СОШ №1 г. Нижняя Тура*

*Руководитель: Шайхутдинова Ольга Анатольевна,
учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №1,
г. Нижняя Тура Свердловской области*

*«История – сокровищница наших деяний,
свидетельница прошлого,
пример и поучение для настоящего,
предостережение для будущего»*

Мигель Сервантес

Политические репрессии XX века отложили серьезный отпечаток на Российскую историю. Это были годы произвола и незаконного насилия. И когда мы узнаём, что семьи, живущие рядом с нами, пострадали от такой политики, хочется больше разобраться в

этом вопросе.

80 лет назад, в 1937 году, начались массовые репрессии в СССР. Это сотни тысяч «сирот тридцать седьмого» – людей с украденным детством и изломанной юностью. Важное место в теме репрессий занимает процесс раскулачивания, которому предшествовал процесс коллективизации. Именно в ходе коллективизации были, видимо, допущены самые принципиальные ошибки с самыми тяжёлыми последствиями за весь советский период.

В годы политических репрессий, с 1927 года, город Нижняя Тура, в котором я живу, был рабочим поселком и входил в состав Исовского района. В Исовский район в 1929-1930-х годах было сослано 27,9 тысячи человек. Спецссылные использовались почти во всех отраслях народного хозяйства, особенно там, где требовался тяжелый физический труд. Для спецпереселенцев срочно были построены поселки: Нясьма, Федино, Рудный, Боровское, Лабозска, Сахалин, Лялинка, Лубянка, Первомайский, Граневое, Каменушка, Вознесенский и ряд других.

Прошли десятилетия. Раскулаченные выселенцы умерли. Все меньше остается в живых тех, кто еще помнит события бурных тридцатых годов. По-разному сложилась жизнь второго поколения выселенцев, то есть детей, высланных в тридцатые годы вместе с родителями или уже родившихся в спецссылке. В связи с этим интересно проследить жизнь выселенцев на примере их детей, с которыми мне удалось познакомиться и взять у них интервью. Это К.И. Мосин, Х.М. Фаткулина, П.И. Галиулина.

Халиса Минибаевна Фаткулина

Халиса Минибаевна Фаткулина родилась в 1922 году и жила вместе с родителями в Нижней Туре, на улице Ленина. Отец её был привезен в Нижнюю Туру из деревни, находившейся недалеко от Казани, богатым человеком, который занимался торговлей и имел магазин по ул. Советской. Его родители были немые, сам отец ни читать, ни писать не умел. Вот и работал он в Нижней Туре на богатого татарина, а когда начали высылать богатых туринских людей, торговец сбежал, а перед этим свой магазин переписал на отца Халисы Минибаевны, который был безграмотным, и просто положил бумажку в карман рубашки. Вот и вся причина, по которой семья Халисы была отправлена в спецссылку.

– В 1930 году увели корову, лошадь, а через некоторое время приехали и забрали мебель: стол, стулья, кровати железные, – вспоминает Халиса Минибаевна. В 1931 году ночью увели отца, как политически опасного человека, а 5 августа 1931 года приехали и приказали собираться, разрешили взять три мешка вещей. Уже вечером семью погрузили в вагон на Нижнетуринском вокзале. Ехали целый месяц, были очень долгие остановки и, наконец, их привезли в Ирбит. Поселили в бараки, по обеим сторонам коридора было по десять квартир, которые еще необходимо было достраивать и утеплять.

Когда семья приехала на поселение, то школы еще не было, но через год ее построили, и Халиса Минибаевна окончила 7 классов, а потом поступила в медицинский техникум. Так жили до 1937 года под строгим наблюдением, в город выходить было нельзя, и поэтому общения с местным населением не было. В 1933 году умерла мама, которая тоже пострадала от рук конвойных. Один из конвоиров толкнул ее, она ударилась, ей парализовало ноги, а через 3 месяца она умерла.

Жизнь была тяжелой, было нечего кушать, и поэтому приходилось есть крапиву, лебеду, рвать корни лопуха, а зимой становилось еще тяжелее: помимо голода, был еще и холод. Позже смогли обзавестись небольшим огородом, завести кур, как вспоминает Халиса Минибаевна. На рынке у местных покупали муку, отходы после отчистки зерна. Однажды сестра Халисы добавила отходы от очистки зерна в еду, а на следующий день у

брата опухла губа. Лечить в медпункте не стали, так и обходились своими силами, применяя травы, что были у жительниц барака. И вспоминалось тогда детство в Нижней Туре, когда приходили гости, и было на столе что покусать, и было весело.

В 1946 году Халиса Минибаевна приехала на Ис. Дом, в котором семья жила до переселения, был занят, говорили даже, что там жили красные, а сейчас дом уже снесен, и на его месте находится пустырь. Когда Халиса Минибаевна получила справку о том, что она реабилитирована, наступило чувство облегчения, и, наконец спали эти оковы виновности. Сейчас Халиса Минибаевна живет в посёлке Ис.

Константин Иванович Мосин

Константин Иванович Мосин родился в 1927 году в деревне Гольяны Оханского района Пермской области. Как он вспоминает, жить было трудно, был страшный голод.

У отца Константина Ивановича была справка, которую он брал еще до раскулачивания, и там четко было написано «середняк», а раскулачили, потому что не хватало кулаков, а планы надо было выполнять. Отец Константина Мосина был из бедной семьи, пришел из другой деревни в семью жены. Свекор был прижимистый и с трудным характером, а отец Мосина – тихоня, забитый человек. Целые дни работал на хозяйстве деда, в котором было семь гектаров всей земли, одна лошадь с жеребенком, корова с теленком, куры, овцы. Когда стали выселять, то репрессиям подвергся даже дед, которому было 82 года, хоть мать Константина и просила оставить его, потому что старый уже, на что получила ответ, что их выселяют из-за деда. Дед потом на выселении сошел с ума и умер.

Выслали в 1931 году в Висимский район, в посёлок Белогорский, поместили в барак, и жил там Константин Иванович до 16 лет. В 17 лет его взяли в армию, хотя он был маленьким и худеньким, даже женщины в деревне поговаривали о том, «...какая, мол, армия, маленькому и худенькому...», однако Константин Иванович прослужил 6,5 лет и был в передовиках, потому что был начитан, как он сам вспоминает. Участвовал в войне с Японией в 1945 году. Имеет множество наград не только военных, но и трудовых. На Ис Константин Иванович попал работать уже после окончания института. Константин Иванович является автором книг, посвященных политическим репрессиям. Сейчас проживает в поселке Ис и продолжает заниматься исследовательской деятельностью.

Пелагея Ивановна Галиулина

Пелагея Ивановна Галиулина родилась в 1928 году в Краснодарском крае в станице Старо-Щербиновка. Детство было тяжелым, голодным. В школу сначала ходили босиком, потом стали выдавать ботинки – пару на два человека. Семья была большая, 9 человек и родители, которые не состояли в колхозе, вели собственное хозяйство, имели в подворье корову, лошадь, кур, выращивали хлеб, за что в 1931 году были репрессированы и сосланы на Урал как враги народа. Сначала жили в Каменушке, затем в поселке Граневое, в бараках, окруженных лесами. Конечным переселением стал поселок Федино.

Пелагея Ивановна закончила 5 классов, имея статус «врага народа». Она не смогла продолжить дальнейшее образование, поэтому пришлось подрабатывать няней в семьях с детьми. Хозяева работали в типографии и расплачивались книгами, которые помогали ей в самообразовании. В войну выдавали хлебные карточки. Работали в Исе в лесу, в трех километрах от Федино, куда добирались пешком, заготавливали дрова для госпиталя.

Семья была реабилитирована незадолго до войны. В 1945 году, после войны, поехали на Кубань, застали голод и разруху, поэтому вернулись на Урал. В 1947 году Пелагея Ивановна вышла замуж, по сей день проживает в поселке Ис, в доме ветеранов, не имея даже собственного жилья.

Количество жертв политических репрессий по стране очень велико. Эти события должны помнить вечно, многие люди несправедливо пострадали от жестокого политического режима, который прочно вошёл в историю и никогда и никем не будет забыт.

Осуществление репрессивных мероприятий в государстве трагически повлияло на судьбы нижнетуринцев, что можно увидеть на примере семей К.И. Мосина, Х.М. Фаткулиной, П.И. Галиулиной. И сейчас у каждого из тех людей, с чьей судьбой мне удалось познакомиться, неоднозначное отношение прошедшим событиям. Жизнь сложилась по-разному: кому-то удалось выучиться в школе, получить профессию, а кто-то, имея статус «врага народа», не смог получить никакую специальность и всю жизнь работал на тяжелых работах, как Пелагея Ивановна. Голод, отсутствие медицинской помощи, потеря родных и близких – все это остается в памяти людей и связано с теми несправедливыми событиями. И пусть есть справки о реабилитации, но в памяти человека ничего не сотрешь

II место в категории «Исследовательские работы с большим объемом использованных источников»

Из истории спецпоселений на Северном Урале

Участники: Зайцев Антон Сергеевич, Россыпнова Ольга Васильевна,
Совкова Анастасия Дмитриевна,
инструкторы Региональной общественной организации Свердловской области
«Детское молодёжное экологическое движение «Зелёный дозор»
Руководитель: Карпушева Елена Тадеушевна,
координатор программ, Региональная общественная организация
Свердловской области «Детское молодёжное экологическое движение
«Зелёный дозор», г. Североуральск Свердловской области

Кто старое помянет – тому глаз вон!

А кто забудет – тому оба!

Народная пословица

Один из драматических периодов истории нашей страны – 30-40-е годы XX века. В поселениях Северного Урала, многих из которых уже нет на карте, как в зеркале, отражены события той эпохи.

На протяжении 10 лет движение «Зелёный дозор» участвует в поисковых экспедициях: «Богословский Урал» одноименного фонда (директор Ю.В. Гунгер), «Дорогами Богословского Урала» Регионального центра по сбору устной истории (руководитель Н.М. Паэгле), «В сердце северных гор» АНО «Логос» (директор Е.Т. Карпушева).

О судьбе заброшенных поселений дозорными, в том числе и нами, было написано несколько краеведческих исследований. Находки экспедиций были переданы в Краснотурьинский и Кальинский краеведческие музеи, «открытие» литовского кладбища у деревни Мостовой послужило поводом для написания очерка «Родина моя, где ты?» /8, фотографии, сделанные дозорными во время экспедиции, были востребованы Санкт-петербургским обществом «Мемориал».

Наш интерес к спецпоселениям Северного Урала продиктован желанием узнать историю Североуральска, который был построен в том числе и руками спецпереселенцев: шахты, лесозаготовки, золотодобыча... Анализ архивных материалов, изучение краеведческой литературы, встречи с очевидцами позволяют понять, что тема спецпоселений на Северном Урале мало изучена.

В своей работе мы основывались на устных рассказах и письменных свидетельствах спецпереселенцев, архиве местных краеведов Е.П. Мылова и Ю.Н. Сысуева, исторических и документально-публицистических исследованиях.

На рубеже 1920-1930-х гг., когда курс на индустриализацию требовал дешевой рабочей силы, строгая изоляция спецконтингента была нецелесообразной, и на смену старой системе приходит новая – колонии открытого типа, исправительно-трудовые лагеря, спецпоселения. В 1929 г. для освоения природных богатств в районах с крайне тяжелыми природно-климатическими условиями создается Управление северных лагерей особого назначения ОПТУ СССР с одновременной разработкой системы спецпоселений – поселков закрытого типа с жестким режимом содержания под контролем коменданта. Первыми узниками в них стали семьи раскулаченных, которые в товарных вагонах доставлялись на Северный Урал /9.

«Согласно информационному докладу Уральской областной прокуратуры от 2 апреля 1930 года среди выселенных насчитывалось до 75% нетрудоспособных, много стариков в возрасте от 80 до 85 лет, которые не могли идти и оказались брошены на произвол судьбы. Среди тех, кого конвоировали на север суровой зимой 1930 года, дети составляли около 40%» /8.

Целыми семьями крестьян отправляли в спецпоселения в Пермскую, Томскую, Иркутскую, Амурскую, Архангельскую, Магаданскую, Свердловскую области... Многие репрессированные так и не вернулись в родные места. В том же 1934 году в нашей стране происходят большие перемены, о которых тоже нельзя забывать: ликвидирована безграмотность, развивается промышленность, создаются колхозы. На первом Всесоюзном совещании стахановцев в 1935 году Сталин произносит свою знаменитую фразу: «Жить стало лучше, жить стало веселее»...

Атюс

Историю поселения на Северном Урале с этим красивым названием вы не найдете ни в одном учебнике, а сведений о людях, когда-то там живших, уже не отыскать и в Государственном областном архиве: против названий документов в описи фонда, которые включали сведения о личных делах работников, их характеристики, штатное расписание, стоит печать со словом «выбыло». На Атюсе спецпереселенцы занимались лесозаготовками. Сведения о поселке и его жителях мы получили в посёлке Марсяты Серовского района, где познакомились с бывшими атюсовцами и их родственниками. По материалам той экспедиции были написаны статьи об исчезнувшем поселке /4,5.

До 1930 года это место было абсолютно необжитым. Первыми на берег реки Атюс приехала артель из 20 человек, бригадиром которой был товарищ Бакадоров. Эта артель начала строить поселок. «Жители поселка занимались заготовкой древесины. За 30 лет леса вокруг поселка вырубил, в 60-х годах он прекратил свое существование», – такие скудные сведения об Атюсе мы обнаружили в исторической справке, предоставленной нам учителем литературы марсятской средней школы В.Г. Кондратьевой. Валентина Григорьевна назвала фамилии спецпереселенцев – Корх, Завьялов, Карасев, Стукач, Зайцевы, Есауловы...

Супруги Есауловы приоткрыли нам трагическую судьбу Атюса:

– Здесь были репрессированные из Ростовской области, Украины, Крыма. Первым поселенцам досталось! Атюсовцы работали в лесу, на реке была построена плотина. Лес по реке

Атюс сплавляли так: волна идет, плотину открывают, лес проходит. Позже в поселке появилось электричество, работали мотовозы на узкоколейке.

Кроме репрессированных, в поселке жили и работали вербованные. Один из них, Петр Иванович Стукач, поведал нам свою историю. Он приехал в Атюс в 48-м.

– Когда посёлок в 30-ом заселялся раскулаченными и репрессированными, то люди были с Украины, Крыма, были немцы с Поволжья. Я в Атюс попал по вербовке с Кубани. После войны уже. В колхозе после войны работал, паспортов тогда не давали, никого не выпускали. Как-то приехали вербовщики из Серова. А где он, этот Серов, мы даже не знали. Молодежи много тогда поехало от нас. Приехали мы в Серов, а там покупатели с леспромхозов. На Атюс шли пешком. Дорог тогда вообще не было. Зимой на Атюс тракторами на весь год завозили продукты и горючее. Летом – только на своих двоих. В 48-м на Атюсе уже клуб был, магазин, пекарня, фельдшер работал, школа в четыре класса ...»

Вспомнил Петр Иванович, как жили на Атюсе крымские татары:

– За речушкой пригорок был весь ими заселен. Все они репрессированные были. Почти все погибли. Было их 5000.

Мы проверили цифры высланных на Урал крымских татар. Их оказалось 1500 человек. А по воспоминаниям журналиста и историка В. Ищенко, который родом был с Атюса, итогов меньше: около 300 крымских татар жили на Атюсе.

– Они не приспособлены были работать в лесу, а норму не выполняют – наказание. Нарушителя заводят в пустой барак, на голову бочку надевают, начинают бить, а потом бросают в холодном бараке. Какой он работник на утро! А как норму выполнить, если топоров путевых не было? Они и начали погибать. Целыми семьями умирали.

Переселение крымских татар, начатое еще в апреле 1944 года на Кавказе, было реализовано сполна /9.

В школе п. Марсяты среди документов школьного музея мы нашли воспоминания директора школы П.С. Прочанкиной. Её записки помогли нам дорисовать картину недолгой жизни Атюса. Полине было всего 6 лет, когда ее семью в 1931 году насильно вывезли из Оренбуржья на Северный Урал. Семья числилась в середняках и добровольно вступила в колхоз, но всё равно была раскулачена. До Марсят они добирались «в холодных вагонах для перевозки скота, где наспех были сколочены нары в два этажа. Ехали десять дней. Память до сих пор удерживает страшную картину: чей-то ребеночек упал со вторых нар прямо на раскаленную печь, на крики пришел конвоир и вышвырнул зажатого заживо ребенка из вагона, не дав родителям даже проститься с ним».

Но жива в сердце учительницы и благодарность к тем, кто помогал выжить: к женщине, которая поила сосланных смородиновым чаем, к татарину Кафизоу, который не дал умереть «кулацким» детям, обучая их лесным ремеслам. Добро и зло в памяти Полины Степановны связаны с конкретными людьми. Вот некий Прокушев, комендант поселка Атюс, который в погоне за показателями гнал на зимний лесосплав даже учеников младших классов. Люди умирали, как в концлагерях. «Вся дорога-ледянка в лесу была усыпана трупами. Ложились под поезд, чтобы умереть...», – читали мы в ее записках. Не выдержав издевательств коменданта, спецпоселенцы написали письмо в Москву. Как ни странно, Прокушев был снят с должности, а на его место прибыл И.А. Голубков. Замечательным человеком называет его Полина Степановна:

– С его приходом жизнь в поселке изменилась. Каждой семье была выделена корова, на каждого едока стали получать по 2 кг муки, картофель на семена. Началось строительство школы. Спецпереселенцы снова почувствовали себя людьми. Но ненадолго. Наступил 1937 год. Пришла коменданту Голубкову разрядка от НКВД – выдать неблагонадежных. А он специально на дальние делянки мужиков отправил. Полмесяца требовали чекисты вы-

дачи «врагов», и неизвестно, чем закончилась бы эта история, если бы не четверо парней. Собрали они котомки, да и пошли в НКВД. Больше их никто не видел. А вскоре и на самого коменданта был написан донос, он был арестован, исключен из партии.

О том, как сложилась дальнейшая судьба коменданта, мы ничего не нашли в воспоминаниях П.С. Прочанкиной, зато откликнулась жительница Североуральска Н.А. Баталова, которая хорошо знала коменданта. Она уточнила, что отчетво его было Яковлевич, и подтвердила, что Голубков действительно был замечательным человеком, «достойным самых лучших слов», и рассказала, что из Атюса, куда его вернули в 1941 году, он уехал в Тихорецк, где и прожил до смерти. Как считает П.И. Стукач, все, кто сумел выжить в 30-40-е, покидая Атюс, желали поскорее забыть о поселении и обо всем, что с ним связано. А краевед Ю.Н. Сысуев уверен, что «несмотря на тяжесть военного и послевоенного детства и юности, потомки спецпереселенцев, как правило, любят наш суровый край и называют своей малой Родиной».

Урочище Мараковское

Там, где было урочище Мараковское, сегодня – небольшая поляна, на которой возвышаются несколько холмов, густо поросших кипреем и крапивой. Планировка поселения угадывается до сих пор: видно, где стояли бараки, а где – небольшие дома, как проходили по посёлку улицы. О Мараковском вспоминает А.П. Марюхина. Её семья выслали из Чистополя 11 августа 1931 года.

– Место было дикое, – вспоминает она. – Сначала сосланные строили балаганы – шалаши из сучков, хвои, сверху всё заливали глиной. На входе в шалаш ставили ящики, баулы. Чтобы холод не входил, родители всю ночь жгли костры. Потом стали строить первые бараки, а лес-то мёрзлый. Когда барак отапливали, из щелей тёк мох...

Постепенно люди обживались, привыкали к новым условиям жизни. В одном из барачков располагалась школа с 1 по 4 класс. Детей было немного, поэтому занимались все вместе в одно и то же время. В 1942-44 годах в Мараковском проживало 13 семей. Здесь жили русские и чуваша, раскулаченные и высланные из Татарии. Среди мараковцев были глубокие старики: Маврины, Краевы, Изиберская – все они умерли в Мараковском в возрасте 80 лет. Сильно голодали. «Жизнь начала оживать только в 1943-м, когда стали поступать американские продукты, на новогодние праздники учительница мараковской школы Евдокия Васильевна Дударева организовала новогодний подарок школьникам – кусочек хлеба и пол-яйца».

Даньша

Воспоминания Виталия Григорьевича Колунова, бережно сохранённые североуральским краеведом Ю.Н. Сысуевым, – настоящий исторический документ, которому нет цены, потому что они – свидетельство живого очевидца далёкого прошлого. Этим письмам-воспоминаниям 20 лет: они датированы 1997-1999 гг. Наверное, неслучайно именно в 90-е смог Виталий Григорьевич взяться за письма, перенести на бумагу память... Он писал и присылал письма на Северный Урал из Чистополя. Подробно, день за днём вспоминал, как жилось их семье, как трудно приходилось всем.

«В Даньше, – читаем мы в одном из писем, – с 1934 года велась старательские работы. В основном, жили зыряне, они работали на лесозаготовках, на сплаве леса, часть занималась добычей золота. Держали коров, овец – корма привольно, рыбачили. В 1931-32 гг. пригнали сюда раскулаченных переселенцев. Над этими людьми издевались, многие из них погибали от голода, тифа».

Отец В.Г. Колунова Григорий Гаврилович прошёл Колыму. «Здоровый мужик остался весом в 32 кг». Он вёл записи, в которых описывал «жуткое пребывание на Колыме, работу

в каменоломнях, где он страшно повредил обе ноги под завалом». На Колыме отец оказался благодаря людям, «которые разорили его крестьянское хозяйство, жилье, арестовали, составили суд и упрятали его на три года» (письмо от 8.03.1998). После окончания срока Г.Г. Колунов в 1939 году приехал сначала в Мараковское.

«Тяжёлые то были времена, люди приезжали ни с чем. Начинать надо было с нуля. Сменной одежды, обуви не было. Возвратившись с Колымы, отец привёз сюда семью: Павла, меня, Раю – всех босых. Из вещей – только посуды немного в узелке и две подушки, – вспоминает в письме Виталий Григорьевич. – У отца образование было 4 класса, но мужик он был очень грамотный, работал в Бокситстрое на погрузке руды тачками, потом кладовщиком. В 1941-ом отца комиссовали, и он отправился в Даньшу на золотые прииски к начальнику Фёдору Николаевичу Корионову».

14 июня 1942 года заработала драга. Как пишет В.Г. Колунов, «всех свободных людей подобрала драга». «Драга отнимала много сил у людей. Мужики и женщины работали на драге, все на воде, а зимой заготавливали дрова для драги, ремонтировали. На драгах стояли паровые машины, дров прожигали много, метровые чурки закидывали».

Недостаток продуктов питания жители Даньши восполняли дикоросами. Виталий с братом Павлом ходили за грибами, ягодами, даже весной собирали бруснику. «Вкус её был так хорош, что до сих пор помню», – пишет В. Колунов. Грибы сушили в печи, а затем мать Акулина Алексеевна сушёные грибы и другие дикоросы сдавала в магазин. Также она пряла, вязала носки, варежки и тоже сдавала в магазин. «Шла война, и для фронта всё принимали и давали какие-то талончики. Мать очень плакала из-за старшего сына Николая, который на фронте был танкистом и с войны не вернулся».

Детская жизнь Виталия и его брата Павла была беспокойной: их обижали старшие ребята. Отец предупреждал сыновей, чтобы они никого не смели оскорблять. Виталий вспоминает, что были случаи, когда обидчики приходили к ним в дом голодные, и мать их угощала: отсыпала брусники, которую заготавливали до сорока вёдер. Виталий Колунов в своих письмах даёт картинку той жизни: «Все были вшивые, и все своё бельё кипятили, про досуг тоже пишет: «Взрослые ходили в клуб танцевать под гармонь «Барбушку», в основном, в зимнюю пору», – несмотря на все тяготы, люди не переставали радоваться жизни».

Решающим для Даньши стал 1954 год, когда Южно-Заозёрское приисковое управление не выделило денег на ремонт драг и все три были остановлены. Жизнь посёлка Даньша прекратилась. Жители стали покидать насиженное место: кто с радостью, кто с неохотой: Даньша – одно из красивейших мест Северного Урала.

Мотовилихинское

От посёлка, где жила в 30-х годах семья В.С. Копыловой, прабабушки одной из авторов работы, Анастасии Совковой (Карпушевой), не осталось и следа: еще до войны он сгорел дотла.

Самое начало 30-х годов прошлого столетия... Типичность событий, происходивших в это время в разных местах Свердловской области, пугает. 1931 год, село Всеволодо-Благодатское. От руки бандита погибает 16-летний комсомолец Гриша Наймушин. 1932 год, село Герасимовка, от рук бандитов погибают подростки, среди них – 13-летний Павлик Морозов, который потом не по своей воле становится то фетишем пионерской организации, то предателем в 90-х. 1930 год, село Мотовилиха. От руки бандита погибает 8-летний мальчик Саша Копылов, а его старшая сестрёнка Валя чудом остаётся жива... Дети – жертвы всех режимов, которым наплевать на «слезинку ребёнка».

«Мотовилиха – штрафной участок. Вот где насмотрелся ужасов. Это был настоящий ад земной, реальный. Не забыть его до конца дней своих, – пишет в своих воспоминаниях

В. Беляшов. – Кормили здесь отвратительно, за малую провинность били чем попало. Здесь было много больных и просто обессиливших. Некоторые из них лежали на нарах и тяжело дышали. Неработающим не давали никакой пищи. От непосильного труда они умирали прямо на лесосеке. Здесь находились целые семьи с детьми и стариками... они обреченно лежали на нарах и жевали гнилые сучки. Особым зверством отличались один комендант из ОГПУ и служащий участка. Кто днем работал на заготовке леса – тот вечером получал пайку. А кто нет – ничего».

Из воспоминаний В.С. Карпушевой (Копыловой), записанных учителем географии Л.А. Безруких, мы узнаём о разыгравшейся в Мотовилихинском трагедии: «Это случилось летом 1930 года. Копыловых раскулачили и выслали из Курганской области на север. Глава семьи – Сергей Иванович Копылов – под раскулачивание не попал, так как был в это время в отъезде. Вернувшись домой, он разузнал, куда выслана семья и добровольно приехал в село Петропавловское (так назывался г. Североуральск до 1944 года).

Местные власти долго голову не ломали, забрали у него все документы и тем самым приравнивали в правах к ссыльным. Сергей Иванович – порядочный и благородный человек, из рода мастеровых. Он был первоклассным кузнецом. Вот его и решили отправить в Мотовилиху в этом качестве. Вместе с ним на плоту по реке Вагран увезли и всю семью, кроме старшего брата Павла, который пас коров в Петропавловском.

В Мотовилихе семью поселили в бараке. Сергей Иванович работал в кузнице. Его жена Ксения Васильевна была определена на лесопилку. Был голод. Видимо, от этой беспросветной жизни отцу, Сергею Ивановичу, захотелось сделать что-то для души, и он изготовил маленький топорик и принес его домой».

Трагедия разыгралась в тот день, когда родители ушли на работу, а дома остались трехлетний Саша и восьмилетняя Валя. В барак зашёл мужчина и попросил хлеба, которого и так не хватало. Маленькая Валя хлеба не дала. Человек же, видимо, совсем обезумев от голода, схватил топорик и стал им бить детей. Зарубил мальчика на глазах у сестры. Страх загнал Валю под топчан, она забилась в угол и сидела там. Тогда мужчина стал доставать ее топориком и рубил куда попало – по голове, рукам, лицу, шее. На теле у девочки оказалось семь ран, в том числе и шрам на лице. Мужчина нашёл хлеб, съел его и ушел обратно в каталажку, оставив девочку истекающую кровью...

Весть о трагедии разнеслась по поселку быстро. Родители прибежали домой. Валя очнулась, услышала плач матери, смогла лишь прошептать: «Не плачь, я жива!». Девочка истекала кровью, и помочь ей было некому. Комендант выделил по такому случаю подводу и семье разрешили выехать из Мотовилихинского. На подводу поставили гроб с телом мальчика, рядом положили ослабевшую Валю и узел с пожитками. Вся семья шла за подводой. Валю поместили в больницу, там она пролежала долго, но все обошлось: молодой организм и жажда жить победили. Только шрамы на лице на всю жизнь остались. Она выздоровела, выросла, окончила десятилетку, вышла замуж. Вместе с мужем, С.А. Карпушевым, они построили просторный каменный дом в п. Южный (г. Североуральск), воспитали троих сыновей. Всю жизнь проработала Валентина Сергеевна начальником отдела кадров ЖКХ, дожила почти до 80 лет, умерла 12 февраля 2002 года.

Атюс, Даньша, Мараковский, Мотовилихинское... Это далеко не все спецпосёлки, с историей которых мы знакомимся, работая в экспедициях и в домашнем архиве Ю.Н. Сысоева. Но все они (а их в нашем округе было более 30) – лишь малая часть огромной страны, которую «окутала невидимая колючая проволока»...

Прошло без малого 100 лет. От тех посёлков не осталось и следа, но тем дороже воспоминания очевидцев. Сегодня в лесной глуши находятся затерянные, поросшие травой

погосты. Безымянные. Безвестные.

Памяти тех, кто, несмотря на страдания и муки, смог сохранить в себе человечность и передать потомкам то лучшее, что называется солью земли русской, посвящаем мы нашу работу.

Библиография:

1. Базаров А.А. Кулак и агроулаг, Екатеринбург, 2002.
2. Домашний архив Ю.Н. Сысуева, в котором собраны письма и воспоминания бывших жителей спецпоселений Мараковское, Даньша, Мотовилиха.
3. Казанцева А. В загоне. Екатеринбург, 2002.
4. Карпушева Е. Атюс: история, рассказанная очевидцами. – «Богословский Урал», 2007, № 22.
5. Карпушева А., Карпушева Е. Атюс – не только речка. Из дневника отряда «Зеленый дозор» – «Богословский Урал», 2007, № 21.
6. Мартынова М.А. Против собственного народа. Екатеринбург, 2002.
7. Непеин Н.П. Палачи и жертвы. Екатеринбург, 2001.
8. Паэгле Н.М. За колючей проволокой Урала. Книга 2. Памяти жертв политических репрессий 30х-40х годов. – Издательство «Чароид», 2006.
9. Полян П. Принудительные миграции в годы второй мировой войны и после ее окончания (1939–1953). <http://www.memo.ru>
10. Плотников И.Е. Как ликвидировалось кулачество на Урале // Отечественная история. 1993.
11. Сысуй Ю. Наш гость и автор Василий Ищенко: Я родился на Атюсе. – «Вагран» (Приложение к газете «Наше слово»), 2003, № 78.
12. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е-начале 1950-х гг. <http://www.nauka-shop>

Спецпереселенцы в системе спецпоселений Ханты-Мансийского округа в годы войны (1941-1945 гг.)

*Участник: Черкун Владислав Александрович,
студент 1 курса БУ «Урайский политехнический колледж»*

*Руководитель: Гилина Татьяна Викторовна, учитель русского языка и литературы,
Карагаев Владимир Иванович, руководитель студенческого музея,
г. Урай, ХМАО-Югра*

В 1930-1940-е годы на территорию Ханты-Мансийского округа было осуществлено несколько принудительных миграций. Одним из результатов проведения репрессий стало формирование разветвленной системы спецпоселений.

В начале 1930-х годов округ принял более 30 тысяч «раскулаченных» крестьян¹. И к началу Великой Отечественной войны среди различных категорий «спецконтингента» преобладали ссыльные крестьяне. Оформившаяся к тому времени система административного контроля над ними именовалась системой трудпоселений, а сами ссыльные – трудпоселенцами².

Режим, существовавший на трудпоселении к началу войны, определялся «Временным положением о правах и обязанностях спецпереселенцев» от 25 октября 1931 г. Согласно этому положению, спецкомендант осуществлял на территории поселка административные функции органов советской власти, а спецпереселенцы были обязаны заниматься «общественно полезным трудом», не имея права без его ведома покидать спец(труд)поселок³.

Во втором разделе «Временного положения...» отмечалось, что спецпереселенцы и их семьи прикреплены к определенным поселкам и даже домам⁴, что являлось отличительной чертой системы спецпоселений.

«Временное положение...» утратило силу лишь 8 января 1945 г., когда были приняты постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» и «положение о спецкомендатурах НКВД». Этими актами было унифицировано правовое положение и режим спецпоселения различных контингентов спецпереселенцев, прибывших на спецпоселение в последние годы войны⁵. Основные административные функции комендантов и обязанности спецпереселенцев были сохранены, но пункт, в котором говорилось о прикреплении спецпереселенцев к конкретному поселку и дому, отсутствовал, его сменила расплывчатая формулировка о запрещении покидать «район расселения, обслуживаемый данной спецкомендатурой»⁶. Как мы покажем ниже, указанное изменение не было случайным.

На 1 июля 1941 г. система трудпоселений включала 5 районных комендатур (в Ларьякском районе комендатуры не было) и 43 трудпоселка. Под контролем комендатур

¹Предисловие // Политические репрессии 1930–40-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сб. док-тов. – Ханты-Мансийск, 2002. – С. 7.

²До 1934 «трудпоселенцы» именовались «спецпереселенцами».

³Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселков администрации в районах расселения спецпереселенцев // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: В 2 кн. Кн. 2. – М., 2006. – С. 536-541, 1040.

⁴Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев... // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: В 2 кн. Кн. 2. – М., 2006. – С. 537.

⁵Ссылка калмыков: как это было: Сб. док-в и мат-лов. Т. I, кн. 1. – Элиста, 1993. – С. 182-184.

⁶Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. // Ссылка калмыков... – С. 184

Ханты-Мансийского округа проживало 18522 трудпоселенца, что составляло 52 % от общего количества трудпоселенцев на территории всей Омской области¹.

Приведенные данные, однако, не полны, т.к. содержат сведения только о численности контингентов трудпоселков. Но дело в том, что в 1940 г. на территорию области прибывают польские «осадники» и «беженцы». Они в официальных документах именуется спецпереселенцами II и III категории², и для них в районах лесных разработок Наркомлеса организуются спецпоселки³. В спецпоселках Омской области к 1 апреля 1941 г. находилось 6946 «осадников» и 1592 «беженца»⁴.

Точные данные о количестве спецпереселенцев этой категории в границах округа выявить не удалось, однако из найденных нами документов следует, что в пределах исследуемой территории строительство спецпоселков для депортированных действительно велось вплоть до весны 1941 г., а польские граждане использовались на работах в Кондинском и Ханты-Мансийском леспромхозах. В одной из докладных записок руководства областного УНКВД упоминается о существовании спецпоселков Лорба (Самаровский район) и Верхний Барак (Кондинский район), построенных для спецпереселенцев⁵. Судя по свидетельствам очевидцев, существовала также практика подселения «осадников» и «беженцев» в существующие трудпоселки⁶. На основании известных нам данных можно предположить пребывание на территории округа (дополнительно к контингенту трудпоселенцев) нескольких сотен спецпереселенцев – польских «осадников» и «беженцев».

В результате можно говорить о параллельном существовании в первые месяцы войны труд- и спецпоселков. Главной целью подобного разграничения было отделение польских граждан от ссыльных крестьян. Реальные отличия в статусе трудпоселенцев и польских граждан заключались в том, что с последними не заключались индивидуальные договора, им не выдавались кредиты на индивидуальное строительство и приобретение скота⁷.

В сентябре 1941 г. директорам учреждений, использующих труд польских граждан, была направлена информация о том, что в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 12 августа 1941 г. и Омского облисполкома от 29 августа 1941 г. польские граждане имеют право свободного выбора места жительства и работы⁸. Это означало снятие с учета на спецпоселении.

В результате к концу первого года войны на поселениях остались только «бывшие кулаки» и фактически разделение на спец- и трудпоселки перестало существовать.

Необходимо отметить, что каждый поселок имел свою специализацию, так как трудпоселенцы каждого населенного пункты были закреплены за определенным предприятием, с которым отдел спец-трудпоселений областного УНКВД заключал договор на предоставление в его распоряжение рабочей силы (т.е. трудпоселенцев)⁹. По состоянию на 1 декабря 1941 г. в 43 трудпоселках округа трудпоселенцы были распределены следующим образом: в 13 поселках закреплены за Обьгосрыбтрестом; в 6 – часть была передана Обьгосрыбтресту, а часть в колхозы (т.е. занималась сельским хозяйством); в 12 – за Обьлестрестом; в 2 – часть за Обьлестрестом, а часть за колхозами; в 10 – за колхозами¹⁰.

¹Подсчитано по: Из справки отдела труд и спецпоселений ГУЛАГа НКВД о дислокации трудпоселков по краям и областям (на 1 июля 1941 г.) // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945 гг. – Новосибирск, 1996. – С. 284-285.

²Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930-1950-е гг. – Сыктывкар, 2009. – С. 84.

³Проект положения НКВД СССР «О спецпоселках, и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР» (29 декабря 1939 г.) // Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005. – С. 112-114.

⁴Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования – 1990 – № 11. – С. 7.

⁵Государственный архив Ханты-Мансийского округа (ГАХМАО.) Ф. 58. Оп. 4. Д. 25. Л. 15-18.; Там же. Д. 26. Л. 15-18.

⁶Запись беседы с А. М. Соколовой (Личный архив автора)

⁷Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930-1950-е гг. – Сыктывкар, 2009. – С. 84.

⁸ГАХМАО. Ф. 58. Оп. 4. Д. 26. Л. 23.

⁹Государственный архив Тюменской области (ГАТюмо.) Ф. 1785. Оп. 5. Д. 182. Л. 2-5.

¹⁰Центр Документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО.) Ф. 17. Оп. 1. Д. 2709. Л. 74-77.

С начала 1942 г. начинается подготовка к приему новой группы депортированных. Все усилия властей были направлены на изыскание свободной жилплощади для новых переселенцев. Не случайно 17 апреля 1942 г. окружком и окрисполком ходатайствовали о возможности размещения новых «спецконтингентов» в «полностью освободившихся поселках... построенных в 1941 г., для размещения польских граждан..., выехавших из своих поселков»¹. Но и обращения к областному руководству не могли исправить сложившееся положение: к моменту начала завоза (по данным на 13 мая 1942 г.) в районах предполагаемого заселения пригодными для проживания были признаны лишь 9 возведенных силами Омгосрыбтреста срубов из 500 (!) запланированных к возведению в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах². Расчеты производственных начальников не оправдались³. В целом по округу план строительства жилья был выполнен лишь на 34,2 %⁴.

Провал «строительной эпопеи» означал, что в условиях войны округ не в состоянии обеспечить строительство новых поселков для прибывающих спецпереселенцев.

Завоз переселенцев производился с конца мая по октябрь, всего на территорию округа в навигацию 1942 г. прибыло 6994 человека, из них завезены в Березовский район – 702, Кондинский – 805, Ларьякский – 287, Микояновский – 1393, Самаровский – 2198, Сургутский – 1609 переселенцев⁵.

Национальный состав депортированных был пестрым, на Север в навигацию 1942 г. прибыли: немцы, финны, русские, украинцы, молдаване, румыны и др.⁶ Если мы посмотрим на этот вопрос с точки зрения органов НКВД, то получится, что на спецпоселение прибыли два контингента: «спецпереселенцы-немцы» и «ссылнопоселенцы». Но так как округ не смог изыскать нужного количества жилья, депортантов приходилось селить «где придется» и «на уплотнение», что означало не только отход от практики разделения на труд- и спецпоселки, но и в целом от «поселкового принципа». Распространяется практика дисперсного расселения депортированных среди «правового» населения.

Помимо дефицита жилой площади этому способствовал и другой фактор. В соответствии с совместным постановлением СНК и ЦК ВКП (б) от 6. 01. 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем востоке»⁷, спецпереселенцы были переданы предприятиям рыбной промышленности. Поэтому при осуществлении вторичной компенсаторной репрессии⁸, каковой по своей сути являлось переселение 1942 г., представители трестов осуществляли предварительный отбор спецпереселенцев, под их контролем производились все мероприятия по приему, расселению и распределению по объектам работы.

Директора предприятий в отношении прибывших спецпереселенцев руководствовались «указаниями» управляющего Омгосрыбтрестом (в 1943 г. был разделен на Тобольский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий рыбопромышленные тресты) Боганова. Эти «указания» гласили: «...весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове и, во вторую очередь, на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью,

¹Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО.) Ф. 107. Оп. 1. Д. 633. Л. 54.

²ЦДНЮО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3207. Л. 17.

³ГАТюмО. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 1350. Л. 136.

⁴ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 737. Л. 28.

⁵ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 88.

⁶ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 11. Л. 45-54об.

⁷Из постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП (б) о развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-1945 гг. – Новосибирск, 1996. С. 110-112.

⁸См. подробнее: Иванов А.С. Механизмы депортации народов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета – 2008 – Выпуск 3 (77) – С. 94-97.

в основном на обработке рыбы. Учтите, что вся ответственность за завезенных Вам людей ложится полностью на Вас персонально, как директора завода... без Вашего разрешения ни один из работников, прибывших в порядке переселения, не должен переводиться и использоваться в другом месте. Переводы и перемещения указанных работников должны производиться только с Вашего разрешения с одновременной отметкой в личном деле. Перевод из района в район допускается только с моего (управляющего треста – А. И.) разрешения или разрешения моего заместителя... В тех случаях, когда потребности завода в рабсиле полностью обеспечены, допускается временная передача переселенцев в рыболовецкие колхозы и сельхозартели (рыболовецкие бригады), причем если контингент переселяемых по каким бы то ни было причинам не может быть использован в колхозах на лову, следует произвести замену, снимая работников, занятых на подсобных работах и в сельском хозяйстве из основных жителей данного колхоза, переводя их на добычу, и используя переселяемых на вспомогательных и с/х работах»¹.

Об усилении роли руководителей хозяйственных организаций свидетельствуют слова секретаря Сургутского РК ВКП(б) Ужинцева на заседании пленума Ханты-Мансийского окружкома, проходившего 6–7 июля 1942 г. Он говорил о том, что местные органы управления «регулирование рабочей силы передали во власть директора рыбозавода и коменданта»².

Война продолжалась, и округ испытывал острейший дефицит трудовых ресурсов. Потребность в очередном завозе была особенно велика, ведь 11 апреля 1942 г. ГКО было принято постановление о призыве в действующую армию «бывших кулаков», не являвшихся на момент выселения главами семей. К 1 ноября 1942 г. мобилизация трудпоселенцев в армию завершилась. Известно, что за этот период с территории округа было призвано не менее 1200 трудпоселенцев. Приказом НКВД от 22 октября 1942 г. члены семей трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, снимались с учета трудссылки³. Таким образом, освобождению из ссылки на территории округа подлежало несколько тысяч «бывших кулаков».

В середине апреля 1943 г. начальник окружного отдела НКВД Куликов сообщал, что «в связи с освобождением из трудссылки ряда трудпоселенцев... ряд поселковых комендатур рабочую силу согласно договору поставить не могут»⁴.

В этой ситуации предприятия всерьез рассчитывали на переселение. Оно проводилось для нужд рыбной промышленности в мае-октябре 1944 г. Анализ переписки по переселению убеждает в том, что именно приведенными выше «указаниями» управляющего рыбтрестом руководствовались производственные начальники при расселении и трудоустройстве калмыков на территории Югры⁵. На территорию округа были депортированы 5999 калмыков⁶.

Между тем Приказом НКВД СССР от 17 марта 1944 г. на базе ОСП ГУЛАГа НКВД СССР был образован Отдел спецпоселений (ОСП) НКВД СССР. С этого времени трудпоселенцы стали официально именоваться «спецпереселенцами контингента «бывшие кулаки»», калмыки обозначались как «спецпереселенцы-калмыки» и др.

После двух масштабных переселений для нужд рыбной промышленности (1942 и 1944 гг.) именно в рыбопромышленных организациях округа было трудоустроено подавляющее большинство спецпереселенцев. Не практиковавшаяся ранее передача депортантов в «полное

¹ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 110.

²ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 631. Л. 9.

³Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования – 1992 – № 2. – С. 19-20.; Петрушин А.А. Цеплеин над Югрой // Великий подвиг народа: Третьи военно-исторические чтения (Ханты-Мансийск, 5-6 мая 2005 г.) – Екатеринбург, 2005 С. 48.

⁴ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 33.

⁵Серазетдинов Б.У., Иванов А. С. История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1944-1945 гг. Сургут, 2007. – С. 58-85.

⁶Сведения приводятся на ноябрь 1944 г. (ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.) По данным на 22 июня 1944 г. численность составляла 6191 человек. (Государственный архив Омской области (ГАОО.) Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 43–44 об.)

распоряжение» предприятий (договора о предоставлении рабсилы между отделом спецпоселений и промышленными организациями больше не заключались), означала возрастание роли производства в организации быта и труда спецпереселенцев.

В августе 1944 г. округ принял 664 человека, выселенных из Рязанской и Орловской областей. Это были представители одного из течений катакомбной церкви – «истинно-православные христиане». Попав на спецпоселение, они в документах получили наименование «спецпереселенцы-сектанты» или «спецпереселенцы-ИПХ». В соответствии с указанием НКВД СССР расселение было произведено в Березовском, Самаровском и Микояновском районах в существующих спецпоселках, где проживали спецпереселенцы-«бывшие кулаки»¹.

На наш взгляд, приведенные сведения говорят не только о существенном усилении роли хозяйственных органов в отношении с системой спецпоселений НКВД, но и показывают изменения, которые произошли в этой структуре. Не случайно в распоряжении управляющего трестом нет ни слова о спецпоселках. Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, отмечал: «в абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т.е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района»².

Эти слова с полным основанием могут быть отнесены к территории Югорской земли, где количество райспецкомендатур увеличилось с 5 до 17-ти, при увеличении количества опекаемых населенных пунктов с 43 до 133, что создавало большие проблемы в «оперативном обслуживании», т. к. количество спецпереселенцев возросло не так значительно, на учет спецкомендатур (на 1 июля 1945 г.) находился 21471 спецпереселенец, что означало возрастание дисперсности расселения в несколько раз. Не случайно в официальных сводках теперь говорилось не о «дислокации трудпоселков и трудпоселенцев в них», а о «дислокации спецпереселенцев».

Существенно изменился и состав спецпереселенцев. К 1 июля 1945 г. на спецпоселении находилось несколько контингентов спецпереселенцев: калмыки – 5700; ссыльнопоселенцы – 2885; немцы – 953; «бывшие кулаки» – 11304; «сектанты» – 629 человек³.

В результате нескольких волн принудительных миграций количество спецпереселенцев на территории округа изменилось не сильно, но при этом существенно поменялся их состав. Если в начале войны практически весь контингент спецпереселенцев составляли «бывшие кулаки» (высланные по социальному признаку крестьяне), то к концу войны в составе спецпереселенцев значительную часть составляли «наказанные народы».

Изменилась и система спецпоселений. Она расширилась и охватила все районы округа, но, вместе с тем перестала существовать в «классическом» виде, поскольку в годы войны был осуществлен вынужденный отход от «поселкового» принципа, т. е. расселения депортированных в спецпоселки и постройки новых поселений для них. Война заставила расселять новые контингенты спецпереселенцев дисперсно, среди «правового» населения.

¹Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ.) Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 264.; См. подробнее: Иванов А. С. «Истинно православные христиане» на спецпоселении в Ханты-Мансийском национальном округе в годы войны (1944-1945 гг.) // Исторический Ежегодник. 2009. – Новосибирск, 2009. – С. 142-152.

²ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 171.

³Подсчитано по: ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 92-109

***I место в категории «Работы по реконструкции судеб людей,
в том числе на примере семейной истории»***

Страдания памяти...

Участник: *Еловских Любовь Леонидовна,
учитель MAOY COШ №10,
г. Реж Свердловской области*

Есть выражение, принадлежащее писателю В.Семиному: «Страдания памяти». Смысл его в том, что забыть можно только те события, которые получают удовлетворительное объяснение. Но те, что остаются непонятными, память возвращает постоянно. В истории каждой страны есть раны, которые ноющей болью напоминают о себе. Такие раны есть в истории нашей страны, и касаются они каждого.

Политические репрессии 20-50-х гг. XX века. Они отложили серьезный отпечаток на российскую историю. Это были годы произвола, незаконного насилия. Этот период Сталинского главенства историки оценивают по-разному. Одни из них называют это «черным пятном в истории», другие – необходимой мерой для укрепления и возрастания могущества Советского государства. Само понятие репрессия в переводе с латинского означает подавление, карательная мера, наказание. Иными словами, подавление путём наказания.

На сегодняшний момент политические репрессии являются одной из актуальных тем, так как они коснулись почти каждого жителя нашей страны, неразрывно связанного с этой трагедией. В последнее время очень часто всплывают страшные тайны того времени, увеличивая тем самым важность этой проблемы. Много суровых испытаний, жертв и лишений выпало в XX веке на долю нашей страны. Две мировые и Гражданская войны, голод и разруха, политическая нестабильность унесли десятки миллионов жизней, заставляя вновь и вновь восстанавливать разрушенную страну.

Но и на этом фоне страшными страницами нашей истории стали политические репрессии.

Унижены были лучшие из лучших, у которых и в мыслях не было бороться против своего народа, которые на самом деле были преданы Родине. Ныне известны невероятные по своим масштабам цифры расстрелянных, репрессированных, заключенных в тюрьмы, разбросанных по детским домам. Система боролась с совершенно безвинными людьми, выдумывая себе врага, а потом безжалостно уничтожала этих людей.

В нашей школе №10 города Режа Свердловской работали учителя, судьбы которых были связаны с репрессиями их родственников. Эта беда коснулась почти каждой семьи, не обошла она и семью **Нины Константиновны Алевой**.

Её дед, Александр Павлович Целиховский, сын священника Ярославской епархии, получил образование в Ярославской духовной семинарии и окончил курс наук по второму разряду. По отбытии воинской повинности в чине прапорщика запаса, в 1897 году был принят на службу в Омскую епархию. 2 октября 1910 года принят на службу в Ярославскую епархию. За внимательное и успешное отношение к церковному делу 8 марта 1903 года он был награжден набедренником (это принадлежность богослужебного облачения священника Русской православной церкви).

Несмотря на всю преданность его сердца церкви, в нем нашлось место и для любви. Его избранницей стала Александра Федоровна (24.02.1874 г.р.), дочь священника Розова Федора Александровича. У Александра Павловича и Александры Федоровны было шестеро

детей (Анатолий, Нина, Владимир, Аркадий, Капитолина, Юлия). У них была очень дружная семья. Мать нигде не работала, так как занималась хозяйством и детьми.

Пришедшие к власти в 1917 году большевики объявили религию «опиумом для народа». Церковь закрыли, Александр Павлович остался без работы. Но к счастью у него были «золотые руки», долго без дела он не сидел, семью нужно было кормить, стал работать столяром, подрабатывал фотографом, так как еще до репрессий увлеклся фотографией.

В 1932 году умерла его жена, Александра Федоровна – бабушка Нины Константиновны. Похороны были проведены по церковному обряду. Есть даже фотография в архиве семьи, где на похоронах бабушки одним из трех священников был Александр Павлович. Но никто об этом не подозревал. Вся семья это скрывала. Даже когда у Юлии Александровны (тети Нины Константиновны) спрашивали о том, есть ли на фотографии её отец, она отвечала, что его там нет, он сильно переживал смерть жены и не в силах был присутствовать при фотографировании.

Мать Нины Константиновны, Нина Александровна Орлецкая (27.01.1905 г.р.), выросла в Ярославской области. Училась в епархиальном училище (сейчас педагогический институт) в Ярославле, где готовили учителей для сельских школ и учили только девочек из семей духовенства. После того, как её отца, Александра Павловича, репрессировали, она была вынуждена пробиваться в жизни сама, так как была старшей в семье. Было трудно начать все «с нуля», ведь её как дочь священника никуда не принимали, поэтому Нина уезжает в Москву, подальше от дома и устраивается домработницей, где и продолжает свое обучение, затем – в Ленинград, на курсы бухгалтеров. В поисках работы Нина Александровна уезжает на Урал, подальше от места репрессии её семьи, и останавливается в Нижнем Тагиле, работает на Уральском вагоностроительном заводе.

Выходит замуж за Целиховского Константина Яковлевича. В молодой семье рождается сын. Но, говорят, одна «беда не ходит». Сначала умирает малыш. А через 2 года после рождения дочери Нины волна новой репрессии забирает кормильца-отца. В 1937 году Константин Яковлевич был арестован за связь с Г.Л. Пятаковым (хотя эта связь не подтверждена) и сослан в Магадан. В ту роковую ночь отца буквально «выволокли» из постели и увезли. Нина Александровна ездила на «первое и последнее» свидание к мужу в Рыбинск, место пересылки. И больше о нем никогда не получала никаких вестей. А Нина Константиновна помнит облик отца только по старым пожелтевшим фотографиям, которые сохранила мама. Про отца в семье не говорили. Это было опасно. Молчали полвека.

В феврале 1944 года, после отступления фронта у Ярославля, Нина Константиновна с мамой и сводной сестрой, рожденной от второго брака, возвращаются в Ярославскую область, в деревню Сельцо к деду. В 1949 году дед Александр Павлович умирает. Похороны были полностью по церковным порядкам, хотя это было запрещено, ну вот не поднялась рука прижать земле священника, который не предал свою волю, так безбожно.

После 10-ти лет молчания, в 1947 году, мать впервые открыто сказала об отце: «Прошло 10 лет, жив ли твой отец или нет, приедет он или нет...». После этого впервые начала его искать. Ответ на многочисленные просьбы ей пришел впервые только в 1958 году: «Ваше заявление с просьбой сообщить о судьбе мужа направлено для рассмотрения в Управление внутренних дел по Магаданской области, город Магадан». Позднее пришел другой документ из прокуратуры РСФСР: «В ответ на Ваше заявление сообщаю, что по протесту прокурора РСФСР, постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 19 ноября 1958 г. уголовное дело 1937 года по отношению Целиховского Константина Яковлевича производством прекращено».

Её отец умер еще в 1938 году. Но так и неизвестно, погиб он или был расстрелян... Нина Константиновна на протяжении всего времени никогда не забывала о своем прошлом. О своем деду и отце...

Только в 1991 году ей впервые была выдана справка, подтверждающая, что она является пострадавшей от политических репрессий.

Её сын, Николай, был дважды в Магадане. Когда ему впервые сообщили о деде, он был очень потрясен, не спал несколько ночей и потом, как только появилась возможность, поехал в музей репрессий, но родной фамилии, к сожалению, там не нашел.

А Нина Константиновна все еще хранит горестный архив: все справки, ответы на запросы о судьбе Константина Целиховского. Все старые фотографии её родного рода. Маленький иконостас. Наверное, перед ним она просила спасти и сохранить сына, который пятнадцать лет прожил в Магадане в недавние лихие российские времена. И всякое пережил. И во всех испытаниях чувствовал, что кто-то рядом, близко молится за него. Далеко на Урале – мама. Рядом, близко – дед, умерший где-то здесь. И хотя в музее не нашёл Николай родной фамилии, но чувствовал: дед помогает... Семейная память. Семейная связь. Зов крови, который старше нас и знает, и помнит наших прадедов, дедов, отцов... И помнит – своим подсознанием – их боль. И всю жизнь живёт со своей болью потери.

Нина Константиновна – великая оптимистка. Благодарна жизни за всё. За возможность путешествий: объездила всё святое Подмосковье, была в Марфо-Мариинской обители, основанной великой княгиней Елизаветой Фёдоровной. Была и в Алапаевске, где преподобному-ченица была убита 18 июля 1918 года. Она каждый год ездит на 12-й километр поклониться памяти репрессированного отца Константина Яковлевича Целиховского.

Нина Константиновна не ставила в вину своему двадцатому веку, в котором прошла основная часть её жизни, пережитых лишений. Вместе со страной прожила и пережила. И переживает. Потому что время не лечит. Но оно зовёт вперёд...

Тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии, народа. Начатое с середины 20-х годов надругательство над честью и самой жизнью соотечественников продолжалось с жесточайшей последовательностью несколько десятилетий. Тысячи людей были подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие из них истреблены. Жизнь их семей и близких была превращена в беспросветную полосу унижений и страданий.

Восстановление справедливости, начатое XX съездом КПСС, велось непоследовательно и, по существу, прекратилось во второй половине 60-х годов. Сегодня еще не подняты тысячи судебных дел. Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, высланных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы. И нам, наверное, никогда не понять того, для чего же все-таки это делалось? В каких целях?! Приходится лишь догадываться, смотреть в будущее и думать, что такого ужаса наши дети никогда не испытают. Но мы должны помнить... Ради светлого будущего мы не должны забывать...

Кузьмина Ядвига Леонидовна родилась 15 марта 1934 года на территории Свердловской области в совхозе НКВД, где сейчас находится станция «Исток». Ее родителями были отец – Булойчик Леонид Парфирьевич и мать – Вичугова Мария Карповна. Леонид Парфирьевич родился в 1907 году в селе Лоптыши на территории Польши, но т.к. в те годы Белоруссия входила в часть Польского государства, то отец считался поляком по национальности. Когда ему было 3 года, его мать, (известна только ее девичья фамилия – Каменда), чешка по национальности, скорострительно скончалась, оставив воспитание ребенка отцу – Парфирию Васильевичу. В 1915 году его забирают в армию, и маленького Леню отвозят в город Двинекс, к родному дяде, брату матери – Каменда Борису, связь с которым теряется навсегда с 1917 года, когда тот переехал жить в Ярославль, в Россию. Границу после войны закрыли, а семья Булойчиков

осталась в Польше.

В 1918 году Порфирий возвращается из армии и забирает сына домой. Они живут в городе Клетцке. Чтобы прокормить сына, Парфирий идет работать культслужителем-псаломщиком.

А Леонид в этом же году начинает учиться в четырехклассной русской гимназии, но в 1922 году поляки гимназию закрывают, и он переходит в другую, уже польскую гимназию, в городе Новогрудск, где и учится до 1927 года. В ходе обучения выучил пять языков (белорусский, польский, русский, французский, немецкий), правда, не в совершенстве: на одних он мог писать, на других – только разговаривал.

В 1928 Леонид Парфирьевич был мобилизован в польскую армию. После возвращения из армии в 1930 году ему было очень трудно найти работу, но возвращаться к отцу, в Клецк, где тот работал псаломщиком в костеле, не хотелось. К тому времени до Леонида все чаще стали доходить слухи, что людям в России живется куда легче, чем здесь, в Польше. После долгих дум он с двумя товарищами 24 апреля 1931 года нелегально переходит советско-польскую границу. Но неудачно, их поймали, друзей вернули на родину, а Леонида отправили в Минск, где он пробыл почти 3 месяца в СИЗО. Затем отправили на Урал, в Магнитогорск, поставили на учет и направили работать счетоводом. Так семьи в первый раз коснулись репрессии.

Почему отца не отправили обратно, как его друзей? Почему не расстреляли уже тогда как перебежчика? Почему предоставили по тем временам такую хорошую работу вместо того, чтобы отправить в концлагерь или тюрьму? Почему? К сожалению, сегодня на данные вопросы уже никто дать ответа не может...

В октябре 1932 года Леонида перебросили в город Свердловск в совхоз НКВД, где жили и работали поляки и белорусы. На следующий год за хорошую работу его вообще сняли с особого учета. Он женился на простой женщине – Вичуговой Марии Карповне. После рождения дочки Ядвиги семья переехала в Челябинскую область, Багарягский район, на Вольфрамковский рудник, где Леонид работал снова счетоводом. Но, к сожалению, недолго.

Начинался страшный 1937 год. В тот год и начались многочисленные аресты людей. Еще ничего об этом не зная, Мария с дочерью летом поехала в село Глубокое к своей сестре, швее Варваре, чтобы заниматься шитьем одежды для детей. Но прожила недолго, т.к. сестра уже знала о начавшихся арестах. Арестовывали всех «нерусских» без ведомой на то причины. Это были месяцы страшного напряжения. Ждали каждую ночь и каждый день. Вот придут... Вот постучат... и дождались ... 25 октября 1937 года, около 4 или 5 часов утра раздался стук в дверь. Ничего не объясняя, представители закона начали обыск по всей квартире. С отца сняли ремень, выдернули шнурки из ботинок. Дома все переворошили. Искали любые предметы, записки, подтверждающие, что Леонид является шпионом, предателем страны. Затем его увезли из дома в тюрьму. Ядвиге было тогда всего 3,5 годика. Но детская память сохранила эти страшные минуты, когда незнакомые мужчины выбрасывали все из сундуков, в том числе ее любимый детский матросский костюмчик.

Мария очень переживала за судьбу мужа, и каждый день ходила на свидания с Леонидом, оставляя свою дочь у соседней или родственников. На 6-ой день свиданий она не смогла прийти на встречу, очень плохо себя чувствовала, и не знала, что больше никогда уже не увидится со своим любимым. Когда пришла на следующий день, Леонида уже не было, Марии передали вещи мужа (чайник и кружку) и оставленную им записку для нее: «Маруся, мне не нужны эти вещи, а вам они пригодятся. Жди меня, я скоро приду. Все образумится, и я вернусь».

На Вольфрамковском руднике, когда почти всех мужчин забрали, стали арестовывать женщин, а их детей отдавали в детдом. Боясь за судьбу своей сестры, Варвара забирает Марию и маленькую Ядвигу к себе. Так семья Булойчиков и стала жить на станции Глубокая. С этого момента на семье было «клеймо». Все знали о Ядвиге как дочери врага народа, хотя Мария никому не говорила о страшной судьбе своего мужа. Правда, не все на это обращали вни-

мание! Ведь приняли же работать на железную дорогу, да еще кем, стрелочницей! А вдруг бы она поезд в сторону врагов СССР направила! Но многие и в минуту лихолетья оставались людьми и не верили в обвинения других, т.к. могли также оказаться на их месте.

Через несколько лет, незадолго до войны, Михаила, мужа Варвары, пересылают на новое место работы, и вся их большая семья переезжает на станцию Исток.

Ядвига стала подрастать, и все больше задавать вопросов об отце. Ничего толком не зная, как и все говорили, Мария объясняла ребенку, что через 10 лет все будет хорошо (такой минимум давали почти всем), и папа вернется. Надежда в сердцах женщин не угасала ни на минуту.

Однако наступил 1941 год. Это был страшный период в истории всей страны. Началась Великая Отечественная война. Мария снова устроилась на работу, но Ядвиге было страшно за нее. Люди, не имевшие успехов на работе, самые ленивые и невезучие, писали из-за зависти на мать различные жалобы. Ведь на самом деле Марию нельзя было упрекнуть ни в чем, ее всегда хвалило начальство и нередко награждало премиями или грамотами за отличную работу. Из-за этих завистников почти каждую ночь приходила железнодорожная милиция на проверку. Не разобравшись ни в чем, они заходили в дом, включали свет, невзирая на спящих детей, все тщательно проверяли, куда-то заглядывали, что-то искали из-за поступившей новой жалобы. И так все военные годы...

К концу войны на станцию стали приходиться подарки от американцев – гуманитарная помощь. Было много различных фирменных вещей, продуктов, путевок на елку. Их раздавали рабочим, но Мария, как бы она хорошо ни работала, никогда их не получала, так как считалась женой врага народа. Ядвига никогда не видела в детстве новогодних подарков, поэтому, наверное, сегодня и любит их делать сама своим внучатам. И мечтала, что подарком будет возвращение отца домой... А его все не было!..

Как и все дети, девочка ходила в школу. К великой ее радости там не было разделения на «детей врагов народа» и советских детей, все были одинаковыми. Ей посчастливилось быть и октябренок, и пионером. Училась, правда, не очень хорошо, потому что помогать с учебой было некому. Дядя Михаил был на фронте, а мама Мария очень много работала на железной дороге, следила только за тем, чтобы ребенок был чист и накормлен. Многие вещи, оставшиеся от отца, были проданы или обменены на продукты питания.

Закончилась война. Выросла и Ядвига. Все ее одноклассники были уже комсомольцами, а девушка не решалась, думая, что ее воспримут не так. Однако, когда услышала знаменитые сталинские слова «...дети за отцов не отвечают...», все же решилась и написала заявление. Вопреки всем ожиданиям, Ядвигу приняли и в комсомол. В 1949 году она окончила 8 классов и поступила в техникум советской торговли на бухгалтера, где училась 3 года. И по-прежнему ждала отца. В 1953 году, окончив учебу, Ядвига получила направление в город Реж, где работала бухгалтером в торге, затем на швейной фабрике.

После смерти Сталина, в 1957 году, мать Ядвиги Мария познакомилась у себя в поселке с молодым человеком, студентом юридического института, который предложил помощь в поисках ее мужа. Они начали сотрудничать, писали письма под диктовку, так как Мария была безграмотна. Первый раз, 20 ноября 1958 года, они написали заявление в управление НКВД по Челябинской области, второй раз – 9 февраля 1959 года. Долгое время ответов не было.

Но, видимо, «маховик уже был запущен», дело было пересмотрено, и 17 марта 1959 года по решению военного трибунала уральского военного округа за подписью полковника юстиции Мозгового, оно было прекращено за отсутствием состава преступления. Марию вызвали в военную прокуратуру и зачитали документы, подтверждающие, что Леонид был реабилитирован. Ей сказали даже, что он дважды писал И.В. Сталину о пересмотре его дела. Но, к сожалению, копии тех писем в деле не сохранились. Марии выдали похоронный лист, в

котором говорилось, что ее муж умер в 1943 году от рака желудка. Как выяснилось позже, это было ложью. Еще Марии выплатили деньги за 3 последние месяца работы Леонида. Это был «большой удар», но все же семья была рада, что узнала правду. Ведь никогда Леонид не был ни в чем виноват! А ведь его называли агентом иностранной разведки, который будто бы, как «поляк», проводил шпионско-диверсионную деятельность на территории СССР в интересах Германского государства. Видимо, пытали или издевались, т.к. Леонид во «всем сознался» и был привлечен в качестве обвиняемого по ст.58-Б-9 и 11. Так семья узнала правду о муже и отце! Казалось бы, на этом все и закончилось!

В 1995 году Ядвига случайно знакомится с женщиной, тоже бывшей «дочерью врага народа», которая рассказывает ей о возможных способах помощи детям, чьи родители были репрессированы. Недолго думая, Ядвига обратилась в центр социальной защиты, к людям, которые выслушали и поняли ее. Уже летом из Челябинска пришел долгожданный ответ. Он был подобен «атомному взрыву». Вся семья Ядвиги была в шоке от прочитанного. Оказалось, что ее отец и дед ее детей – Булойчик Леонид Порфирьевич, арестованный 25 октября 1937 года, был расстрелян уже 28 ноября 1937 года. В документе было даже указано, что приговор приведен в исполнение Управлением НКВД по Челябинской области в 22-00 час. В 30 лет молодому человеку приписали связь с иностранной разведкой! Узнав жестокую правду, родным не стало легче. Возникали все новые вопросы об аресте Леонида: за что, почему, зачем?

Младшая дочь Ядвиги Наташа решила довести начатое еще бабушкой Марией дело до конца. Ведь всем известно: «Под лежачий камень вода не течет». Она обратилась за помощью в поиске могилы деда. Долгое время в Челябинской области не были известны ни места тех страшных преступлений 30-х гг., ни места захоронения расстрелянных людей. И справедливость восторжествовала! Недаром говорят, что как не скрывай правду, все равно она вылезет наружу! Конечно, бывает поздно! Многие уходят в вечность, так и не дождавшись ее! Вот тогда нам, потомкам, и надо сохранить память о них и доказать, что мы – не Ивановы, не помнящие родства, а их достойные потомки. И сегодняшним, и будущим родственникам есть куда съездить и поклониться до земли в память об отце, бабушке, прадедушке... На том и стоит семья...

Сегодня о Булойчике Леониде Парфирьевиче собраны все документы. Известны все его последние дни жизни: после ареста его били, пытали, допрашивали каждый день. Он подписывал все документы, уже не читая. Последний документ за №111/66. Леонид признавался в шпионаже и диверсионной деятельности против СССР.

20 ноября 1937 года был подписан протокол о его расстреле.

28 ноября этого же года приговор был приведен в исполнение.

Документы пришли осенью 2013 года. Теперь «белых пятен» в биографии отца нет! Осталось только съездить на могилы к отцу и деду. И сказать «Спасибо!» дочке, которая не остановилась на полпути, людям, которые помогали в поиске информации, новым технологиям, которые позволяют найти эту информацию в 21 веке. Ведь совсем еще недавно это было сделать почти невозможно!

Ядвига Леонидовна живет тоже без обиды на государство, которое лишило жизни ее родного отца без всякого на то основания, ее мать – мужа, Ядвиги – счастливого детства. Почти всю жизнь они прожили со страшным клеймом родственников врага народа. Она не живет прошлым. Она живет сегодняшним и будущим!

У Ядвиги Леонидовны Кузьминой пятеро детей – Анатолий, Евгений, Сергей, Ольга и Наталья! Они безгранично любят свою мать! У нее 7 внуков и 6 правнуков! Счастливая бабушка не чаёт в них души! Именно они добавляют ей здоровья, оптимизма и радости! И вся эта огромная семья сейчас мечтает только об одном – поклониться месту памяти их отца и деда – Мемориалу жертвам беззакония сталинских репрессий, куда 9 октября 1989 года

были перезахоронены останки из братской могилы, найденной в Челябинской области недалеко от г. Миасс, а 2003 году сооружен обелиск в виде стилизованной часовни.

*Помянем всех невинно убиенных,
Познавших ужас тюрем, лагерей,
Миллионы жертв гражданских и военных,
Высоких рангом и простых людей.*

*Лежат в могилах дипломат и плотник,
Крестьянин, врач, поэт и генерал,
Священник, пилотрав и партработник,
Ученый, кучер, режиссер, маляр.*

*Навечно их земля соединила,
Погибших от злодеев без войны,
Приют последний – братская могила,
Там нет чинов – пред Богом все равны.*

Василий Докукин

Номинация Увековечивание памяти жертв политических репрессий на Урале

*I место в категории «Исследовательские работы с большим
объемом использованных источников»*

Российские немцы в Краснотурьинске: история появления и развития этнической группы

*Участник: Пацер Кристина Андреевна,
студентка Государственного бюджетного профессионального образовательного
учреждения Свердловской области «Краснотурьинский политехникум»*

*Руководитель: Беккель Евгения Николаевна,
г. Краснотурьинск Свердловской области*

1.1 Депортация и трудовая мобилизация советских немцев как фактор увеличения их численности в Свердловской области и Краснотурьинске.

Немцы появились в России к концу X века. Значительное их число попало в нашу страну в годы царствования Ивана III и Василия III. Во время правления Ивана Грозного в Москве появляется поселение под названием Немецкая слобода. При Петре I переселение осуществлялось на основе манифеста 1702 г. В 1762 г. Екатерина II подписала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться в которых губерниях

они пожелают, и о дарованных им правах»¹. Льготные условия вызвали интенсивную колонизацию южных земель России.

Со временем немцы переняли многие особенности российского народа, состоялись браки с представителями русской национальности. Получился особенный по своему языку, традициям и духовной культуре народ, который можно назвать «российские немцы». В XX веке их постигли разрушающие явления под названием депортация, трудовая и спецпоселение.

До начала войны выселения людей с постоянных мест жительства шли полным ходом, однако период с 1942 по 1945 года отличается широким применением тотальных и жестоких мер для массового переселения целых народов, в том числе – имевших административно-территориальную автономию. Немецкий народ не составил здесь исключения.

Вопрос о депортации немецкого населения решался стремительно и оперативно, часто не продумываясь целиком и полностью, об этом свидетельствует тот факт, что сразу же после принятия определенного документа всплывала потребность в дополнительной проработке вопроса. Поэтому вдогонку к принятым решениям издавался целый пакет новых постановлений, инструкций и положений уточняющего характера.

Первым серьезным ударом по российским немцам можно считать Секретное постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 г. № 2056-933сс «О переселении всех немцев Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»². Данный указ предписывал переселить из указанных территорий 479 841 человека. На следующий день приказом НКВД СССР от 27 августа 1941 года № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»³ утверждаются разного рода положения по проведению переселения. В этот же день Л. Берия утверждает документ под названием «Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»⁴. И лишь 28 августа Указом Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» официально объявляется о предстоящей депортации.

Поводом к этнической репрессии, сообщавшемся в последнем документе и в телеграмме от 3 августа И. В. Сталину⁵, стало обвинение в «измене Родине»: шпионаже, массовом предательстве, сокрытии врагов народа и участии в германских вооруженных формированиях.

Для подавляющего числа немцев Россия стала исторической родиной, поэтому известие о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз вызвало резкое неприятие и осуждение. Десятки тысяч немцев героически сражались в рядах Красной Армии, немецкая молодежь осаждала военкоматы, требуя отправки на фронт, среди населения Немецкой республики шел сбор добровольных пожертвований в фонд обороны⁶. И. И. Кроневальд с досадой вспоминает: «Несколько раз успешно проходя медкомиссию, оставался непризванным»⁷, Иван Иванович утверждал, что российские немцы «воспринимали мобилизацию на трудовой фронт как приказ выступить на защиту своей родины от посягательств германских фашистов»⁸.

¹Ауман. В. А. Две жизни – одна судьба. М., 2004. С. 7-8.

²Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://wolgadeutsche.net/history/verordnung_26_08_1941.htm. – Загл. с экрана.

³Приказ НКВД СССР от 27 августа 1941 г. // Бердинский В. А. Спецпереселенцы: политическая ссылка народов советской России. М., 2005. С. 312.

⁴Инструкция по проведению переселения немцев проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях // Бердинский В. А. Спецпереселенцы: политическая ссылка народов советской России. М., 2005. С. 313.

⁵Телеграмма И. В. Сталину и С. М. Буденному от 3 августа 1941 г. // Бердинский В. А. Спецпереселенцы: политическая ссылка народов советской России. М., 2005. С. 316.

⁶Шульга. И. И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 109.

⁷Кроневальд И. И. Незаживающая рана // Книга памяти. Екатеринбург., 1994. С. 250.

⁸Кроневальд И. И. Тезисы к выступлению «Об участии трудовладельцев в строительстве Богословского алюминиевого завода Свердловской области в 1941-1942 гг.» // НТГИА. Ф. 608. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Абсурдность и нелепость обвинения в пособничестве врагу подтверждают воспоминания военнослужащего И. П. Отменникова, который принимал участие в совершенно секретной разведывательной операции с целью проверки намерений поволжских немцев. Для этого была создана механизированная группа (только бронетехника без солдат), замаскированная под фашистскую колонну. Реакция мирных жителей АССР НП на германские машины была следующей: «Жители с опаской шарахались на обочину от внезапного появления на улице танков и бронемашин, провожая колонну со страхом в глазах»¹. Несмотря на такую реакцию населения, русским войскам сообщили, что на территории немецкой республики появился вражеский десант, который был встречен немцами Поволжья с неудержимым ликованием.

Вскоре в деревни, села и города пришли вооруженные солдаты и объявили Указ о выселении, тогда же он был напечатан в местных газетах. 29 августа началось спешное составление учетных карточек на выселявшиеся немецкие семьи. Люди не понимали, в чем их вина, но безукоризненно подчинялись властям.

И. Отменников описывает этот момент как атмосферу разрушения нормальной жизни целого народа: «Плач детей, стоны старушек, укоризненные взгляды мужчин, слезы и эмоциональные срывы женщин, испуганный лай собак»². Е.Е. Мельхер позже написала в своих воспоминаниях: «люди с волнением собирали еду, готовили одежду. Некоторые жильцы, оставляя свои дома, вымыли полы, постелили половики, закрыли двери на ключ в надежде, что скоро сюда вернуться, что это какое-то недоразумение»³. По словам других очевидцев, это была страшная картина: недоенные коровы ревели, собаки выли по своим хозяевам, зерно осыпалось, дома стояли пустые как после холеры.

Личный скот у колхозников принимали по квитанциям, обещали его вернуть в местах нового поселения, но все это было обманом, все животные были попросту конфискованы. Все нажитое поколениями – жилища, скот, личные вещи, обстановка в домах – все было утеряно.

Этапирование выселяемых осуществлялось в неимоверно тяжелых условиях: в вагонах для перевозки скота (называемых «телятники»), при нехватке продовольствия, воды, при отсутствии элементарной заботы о людях. С минимумом вещей и продуктов люди были погружены в грязные вагоны. Все это неминуемо оборачивалось самыми печальными последствиями: массовыми заболеваниями и высокой смертностью.

«В вагоне было так тесно, что я всю дорогу простоял у дверей. А ведь многие в пути умерли»⁴ – вспоминает Браун. А.Ф. Антон дополняет эту картину так: «В вагонах были двойные нары, а посередине – круглая печка, туалетов не было, поэтому поезд останавливался в лесу, и все выходили на opravку, а потом снова в вагоны. Садил строго по счету»⁵.

Э.П. Дистергефт описывает переселение как настоящее зверство, которому подверглись невинные люди: «Женщин много, лежат на нарах плотно друг к другу только на боку. Поворачиваться на другой бок можно только всем вместе. Ночью холод, днем буржуйка, расклеванная докрасна. Духота от дыма махорки, которую беспрестанно курят мужчины. Ноги и спины как во льду»⁶.

Операция по выселению немцев Поволжья продолжалась с 3 по 20 сентября 1941 г. Всего в Сибирь и Казахстан были вывезены 376 717 человек. К зиме того же года в местах ссылки оказались 1 220 000 человек – 80% от численности немецкой диаспоры СССР 1939 г.⁷

¹Мозговой А. В. Строго секретно // Tagil Zeitung. – 2000. – № 9. – С. 3.

²Там же. С. 3.

³Мельхер Е. Е. Жаркое лето 1941 г. // Tagil Zeitung. – 1998. – № 1. – С. 7.

⁴Браун И. И. Из воспоминаний // Книга памяти. – Екатеринбург, 1994. С. 255.

⁵Интервью Антона А. Ф. 20.03.14. Архив Николаевой А.В.

⁶Дистергефт Э. П. Вспоминая пережитое // Тагильский Краевед. – 1990. – № 7. – С. 55.

⁷Бердинских В. А. Спецпереселенцы: политическая ссылка народов советской России. М., 2005. С. 308.

Однако август 1941 г. был только началом тяжелых испытаний. В сентябре и октябре того же года последовала целая серия однотипных постановлений Государственного комитета обороны СССР: о переселении немцев из Ленинграда и Москвы, из Ростовской области и Краснодарского края, Северного Кавказа и Закавказья, Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей.

В Краснотурьинск первый эшелон прибыл 21 сентября 1942 г., в Бастрой – Богословлаг НКВД привезли трудмобилизованных немцев¹. Расселение немцев производилось хаотично, их права на имущество, трудоустройство и поселение, изложенные в инструкции по переселению, не соблюдались.

6 сентября 1941 г. ЦК ВКП (б) издал постановление, а 7 сентября Президиум Верховного Совета СССР – аналогичный указ «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья». В соответствии с этим документом территория республики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями.

1.2 Социальный портрет трудармейцев Богословлага, условия жизни и труда

Переселение немецкого народа планировалось советским руководством с целью расселения их на пустующих территориях, которые нуждались в промышленном и сельскохозяйственном освоении².

Судьба многих советских немцев неразрывно связана с Краснотурьинском, поскольку на его территории было одно из крупнейших лагерных образований на Урале в военное и послевоенное время – Бастрой – Богословлаг НКВД, который был организован по приказу НКВД от 15 ноября 1940 года, формировался в 1941 году (штат лагеря объявлен ГУЛАГом 16 июня 1941 года) в связи со строительством Богословского алюминиевого завода на базе крупного месторождения бокситов «Красная шапочка», открытого еще в 1931 году³.

Прибытие мобилизованных советских немцев в Краснотурьинск происходило поэтапно. Первыми 21 сентября 1941 года в «Базстрой-Богословлаг НКВД» привезли трудмобилизованных немцев из южных районов Украины, Северного Кавказа и других районов страны. Второе поступление трудармейцев произошло в ноябре того года. Эти этапы трудмобилизованных были связаны с секретным решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 августа 1941 года «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». Согласно нему все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет в Днепрпетровской, Ворошиловградской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской и Черниговской областях подлежали мобилизации в строительные части.⁴

На момент прибытия этапов 1941 г. на территории Богословлага не было предусмотрено ни достаточного количества бараков, ни суховоздушной камеры, ни бани с кухней, в Богословлаге часть мобилизованных немцев проживала зимой в землянках и палатках⁵.

А.Ф. Антон описывает жилое помещение, в котором ему пришлось жить следующим образом: «Привезли в большущий барак на времянке, там большие секции, между ними печка длинная стоит, нары сбиты. Вот нашей семье уголок здесь отбили. 4 на 5 метров. У нас стояло четыре кровати, печка выложена, ведро и все. И вот мы там ютились.

¹Кирилов В.М. Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки / Отв. ред. Е.Г. Неклюдов. Н.Тагил: НТГСПА, 2007. С. 106-113.

²История немцев России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=1&hmenu0=9> – Загл. с экрана.

³Кирилов В. М. Богословский ИТЛ и строительство алюминиевого завода. Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941-1946. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [RusDeutsch](http://www.rusdeutsch.ru) – Загл. с экрана.

⁴Кригер В. Судебный процесс над членами последнего правительства АССР Немцев Поволжья [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.wolgadeutschen.narod.ru/krieger/rukowod.htm> – Загл. с экрана.

⁵НТМАСПД. Ф Тагиллага. Оп.Приказы по основной деятельности. Д. Секретные приказы. 1942. Т. 2, Л. 16, 22; Там же Ф. Богословлага Оп. Приказы по основной деятельности. Д. 3. Л. 80.

Семь человек». Екатерина Мельхер позже написала: «Прибыв, мы неделю жили в сарае, у которого не было даже крыши»¹. А.А. Шмидт вспоминал: «Селили в наскоро сколоченный из сырых нестроганных досок сарай. В сарае холод, как на улице, зимний ветер заносит в щели снег. Нары трехэтажные, сплошные, из тех же досок, что и стены, без постельных принадлежностей. Спали одетыми, не умывались»².

Жилищно-бытовые условия, созданные в 1942 г. для трудармейцев Богословлага, можно определить как ужасающие: например, на одного человека приходилось 1,3 м² площади барака (при гулаговской норме 2,2 м²). Даже в конце 1943 г. одеялами были снабжены только 51 % мобилизованных немцев, тюфячными наволочками — 46 %, нательным бельем — 62 %.

В фонде Богословлага, по сведениям ГАРФ, хранится 19353 личных дела заключенных и 10196 личных дел трудармейцев³. По материалам электронной базы данных, созданной в 2000 г. на основе учетных карточек трудармейцев, можно определить общее количество немцев-трудармейцев Богословлага с 1941 по 1946 годы: оно составило 20711 человек⁴.

Начало созданию Богословлага было положено в 1940 году. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1994-836 от 11 октября 1940 года предписывалось: «Обязать НКВД СССР: организовать на Северо-Уральских бокситовых рудниках к 1 января 1941 года трудовой лагерь на 500 человек, с последующим увеличением лагеря к 1 января 1942 года до 1000 человек»⁵.

27 ноября 1940 года Главалюминием утверждена площадка для строительства БАЗА. Первые строители прибыли в декабре 1940 г., в апреле 1941 на стройплощадку завода начала поступать строительная техника, и началась постоянная работа. Из-за острого дефицита строительной техники 63 % земляных работ выполнялось с помощью лопат и тачек.⁶

После выхода 28 августа 1941 года Указа о депортации немцев-трудармейцев, на Богословлаг начинают поступать трудмобилизованные.

На основе воспоминаний участников событий, «Трудмобилизованные немцы, проживавшие в южных районах Украины, на Северном Кавказе и других районах страны, в одном эшелоне (около 3600) были доставлены на Бастрой НКВД» уже 21 сентября 1941 года, еще 3 группы – 2 и 13 февраля 1942 года, 5 апреля – еще 3 группы, которые ранее со своими семьями были переселены в Тюменскую и Омскую область, в Красноярский край». Они «полностью поредешившие ряды 15 отряда – строителей плотины и других объектов»⁷.

Второй массовой мобилизацией в соответствии с постановлением ГКО № 1281сс от 19 февраля 1942 года были охвачены «местные немцы» – мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, постоянно проживающие в областях, краях, автономных и союзных республиках и не подвергшиеся депортации в 1941⁸, в Богословлаге – только советские немцы, проживавшие в Омской области.

Третья, самая массовая мобилизация советских немцев осенью 1942 года, по которой в рабочие колонны наряду с мужчинами 15-55 лет направлялись и женщины, имевшие детей старше 3-х лет, которых они должны были передать на воспитание ближайшим родственникам или органам советской власти, не затронула объекты Богословлага.

¹ Мельхер Е. Е. Жаркое лето 1941 г. // Tagil Zeitung. – 1998. – № 1. – С. 7.

² Шмидт А. А. Страшный февраль 1924 г. // Тагильский рабочий. – 1992. – № 5. – С. 4.

³ Кириллов В. М. Советские немцы в Тагиллаге // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 148.

⁴ Разенков С. Л. Формирование и использование в строительстве рабочих колонн мобилизованных советских немцев. Книга памяти немцев- трудармейцев Богословлага 1941-1946 гг. - Нижний Тагил: НТГСПА, 2008.

⁵ Кириллов В.М. Богословский ИТЛ и строительство алюминиевого завода // Книга памяти немцев- трудармейцев Богословлага 1941-1946 гг. - Нижний Тагил: НТГСПА, 2008.

⁶ Там же 215с.

⁷ Фицджер А.Ф. За колючей проволокой // Мы заводчане. К 60-летию выпуска первого алюминия. - Екатеринбург, 2003. - С. 37

⁸ Герман А.А., Курочкин А.Н. История российских немцев...Т.1. - С.170.

Заключенные Богословлага были заняты на самых разных работах: строительстве БАЗа, обслуживании Северо-Уральских бокситовых рудников, проектировании мехмастерских в городе Лобва, строительстве ТЭЦ, лесокомбината, плотины и водохранилища, жилья, сангородка, реконструкции Турьинского кирпичного завода, разработке Ивдельского песчаного карьера, лесозаготовках, изготовлении деталей газогенераторов, строительстве установок для производства карбида кальция, строительстве Лобвинского гидролизного завода с цехом пищевых дрожжей, завода № 577, работе на богословшахтстрое Наркомата угольной промышленности, изготовлении боеприпасов, строительстве Волчанских угольных разрезов, работали в каменном карьере, в паровозном депо, на погрузочно-разгрузочных работах, строительстве театра. Занимались изготовлении мебели и деревообработкой, трудились в сельском хозяйстве и животноводстве (в 1943-1949 гг. даже в Называевском районе Омской области)¹.

Следует отметить, что образовательный уровень немцев-трудармейцев Богословлага находился на достаточно высоком уровне, так, из 20711 человек высшее образование имели 374 человека, среднее законченное – 3295 человек, среднее незаконченное – 2002 человека, начальное – 9626 человек, малограмотными были 3447 человек, неграмотными – 1237 человек, нет данных на 732 человека.²

Некоторые из них до депортации принадлежали к верхушке партийного и административно-хозяйственного аппарата республиканского или районного звена АССР НП. Так, трудармейцами Богословлага являлись: бывший председатель СНК АССР НП, депутат Верховного Совета СССР и РСФСР, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР А.И. Гекман; третий секретарь обкома ВКП (б) АССР НП Г.Г. Корбмахер; нарком земледелия РНП Ф.Ф. Флиджер; нарком по финансам АССР НП И.И. Майер, председатель Президиума Верховного Совета АССР НП К.Г. Гофман, второй заместитель председателя СНК АССР НП Я.И. Вейлерт; секретарь Маркштадского канткома В.А. Идт; председатель Добринского кантисполкома Д.Р. Беккер; зав отделом народного образования Добринского кантона, кавалер медали «За трудовую доблесть» К.Г. Гофман³.

Распорядок дня трудармейца Богословлага (впрочем, как и заключенного) выглядел следующим образом:

Подъем	5:00
Уборка	5:00 – 5:30
Завтрак	5:30 – 6:00
Развод	6:00 – 6:30
Передвижение к месту работы	6:30 – 7:00
Начало работ	7:00
Перерыв на обед	13:00 – 14:00
Возвращение в лагерь	19:00 – 19:30
Ужин	19:30 – 20:30
Проверка, отбой	22:30
Отход ко сну	23:00

Время от 20.30 до 22.30 использовалось для посещения бани, ларька, производственных совещаний и читки газет.

¹Разенков С.Л. Формирование и использование в строительстве рабочих колонн мобилизованных советских немцев. Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941-1946.

²Разенков С.Л., Пермяков А.А. Социальный портрет трудмобилизованных. Книга памяти немцев- трудармейцев Богословлага 1941-1946 гг.

³Там же 378 с.

Общественное отношение к российским немцам было крайне негативным. Хотя они не являлись правонарушителями, их поместили в зону лагеря как заключенных, сняли отпечатки пальцев. Жить приходилось за колючей проволокой, по углам стояли вышки с часовыми, на работу и с работы «ходили только строем в сопровождении конвоя с собаками»¹, лагерное начальство не уставало вдалбливать, что они враги народа и должны честным трудом искупить свою вину»². Некоторые заключенные называли их «фашистами», «хотя многие вольнонаемные относились к ним доброжелательно, часто делясь хлебом и картошкой»³. Но всех, кто хоть раз заступился за российских немцев, замолвил за них слово или помог в чем-либо, вызывали в парткомы, органы НКВД и там обвиняли в том, что они не патриоты своей родины, т.к. связываются с врагами.

Из воспоминаний Карла Пфенинга, отбывавшего трудармию в Богословлаге, оставленных в трех тетрадах на русском и немецком языках: «... В феврале 1943 к морозу прибавился ветер. Одежда вся рваная, нас продувало насквозь. И вот в таких условиях, под открытым небом, когда не было никакой механизации, мы тачкой возили бетон и вручную его поднимали. Я был плотником, но заставляли делать и другую работу. Вскоре я совсем ослаб, стал падать с тачкой. И решил один день не выходить на работу, чинить свою рваную одежду. Это был большой риск. Утром пошел на развод, а когда выходил за ворота, свернул в барак. Вернулся начальник колонны и стал приказывать идти на работу. Я показываю ему свою рваную одежду и говорю: «Посмотрите на меня, какой я худой – кожа да кости, одежда – лохмотья одни. И подошвы ботинок оторваны. Как мне идти на мороз и ветер?» Он посмотрел на меня, приказал, чтоб мне дали нитку и иголку. Фамилия начальника была Каневский, и внутри у него осталось что-то человеческое. Он мог наказать меня карцером, мог поднять большой шум, но он ушел»⁴.

За нарушение правил внутреннего распорядка производственной дисциплины, невыполнение поручений или распоряжений администрации, невыполнение производственных норм по вине рабочего, нарушение правил безопасности, порчу инвентаря и имущества на трудармейцев налагали дисциплинарные взыскания. За незначительные проступки объявлялся строгий выговор перед строем и в приказе, следовало назначение на более тяжелую работу до одного месяца.

Арест подразделялся на простой (до 20 суток) и строгий (до 10 суток). Строгий отличался от простого тем, что арестованного содержали в одиночке без вывода на работу, горячую пищу выдавали через день, выводили на прогулку один раз в день на 30 минут под надзором вооруженной охраны. Камера была небольшой, с окнами размером 60 на 60 см, оборудованными железными решетками, входная дверь имела отверстие, которое называли «волчок». Арестованные выводились на более тяжелые черновые работы внутри зоны, продолжительностью не менее, чем 12 часов в день. Работать они должны были без отдыха, кроме перерыва на обед, и получать питание в половину нормы. Им запрещалось иметь при себе продовольственные карточки, деньги, ремни, веревки, нитки, спички, сигареты, медикаменты, вилки, ложки, кружки⁵. Все это сдавалось начальнику лагеря.

Смертность была на том же уровне, что и в других лагерях. Согласно подсчетам, производившимся по электронной базе данных, от общего количества немцев в Богословлаге умерло в 1941 – 1,6 %; в 42 – 11,9 %; в 43 – 8,7 %; в 44 – 1,8 %; в 45 – 0,8 %⁶, однако

¹Броцман Б.Д. Из воспоминаний // Книга памяти. С. 274.

²Кроневальд И. . Незаживающая рана // Книга памяти. С. 251.

³Там же. С. 252

⁴Паэгле Н., Осипов В. На том берегу: российские немцы - из прошлого в будущее. - Екатеринбург: ИП Лисицына, 2012. - С. 48.

⁵Кузьмина П. Территория воли [текст] / П. Кузьмина // Tagil Zeitung. – 2000. – № 3. – С. 3.

⁶Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. В 2-х ч. Ч. 2. Нижний Тагил: Урал. гос. пед. ун-т, 1996

к ним можно прибавить некоторое число тех, кто был демобилизован по инвалидности. Смертность в Богословлаге была крайне высокой, для снижения показателей смертности совершенно изможденные люди отправлялись в другие районы.

Из интервью с дочерью А. Райтера: «Мама вспоминала, как впервые увидела отца. Вечером вели колонну заключенных, прибывших с Богословлага, люди шли медленно, держа некоторых под руки, когда останавливались, отец не мог сам стоять, держался за изгородь»¹. Очевидцы описывают это время так: «Моральные муки, тяжелые условия труда, нехватка продовольствия и одежды в первые два года свели в могилу почти каждого третьего»², «Самыми страшными были февраль и март 1942-го г., они казались вечностью. С каждым днем на нарах становилось все больше свободных мест. Каждое утро подбирали мертвых, вывозили за город и хоронили в общей яме»³.

По свидетельству оставшихся в живых похоронная команда укладывала умерших в деревянные ящики по пять человек, если тела не вмещались, конечности отрубали топором и складывали с телами. Хоронили ночью, на контрольно-пропускном пункте вахтер бил каждое тело большой кувалдой по лбу, чтобы убедиться, что в ящике нет живых. Самая страшная ситуация была в Богословлаге, умерших зарывали просто в снег на склоне балки. Весной же, когда снег растаял, предстала картина ужасного пространства, усеянная полуразложившимися человеческими останками. В течении ряда дней тела собирали и сбрасывали в спецямму⁴.

Многие погибли от истощения, непосильного труда и болезней. Работа была тяжелейшей, питание крайне скудным, количество которого постоянно сокращалось. Даже в 1943 г., когда обстановка на фронте и в тылу несколько стабилизировалась, норма выдачи хлеба была уменьшена на 100 г. И.И. Браун вспоминал: «По прибытии с собой у меня не было и куска хлеба, поэтому меня посадили на пайку, и я быстро оголодал. К 1944 г. я настолько ослабел, что не мог принести даже полведра угля»⁵.

А.Ф. Антон рассказал о том, как ему довелось сопровождать этап заключенных, т.к. ему доверили гнать лошадей. Идти приходилось ночью, чтобы никто не увидел, как ведут полуживых людей: «Когда начали выводить из лагеря людей, то кого-то вели под руки, а кое-кого еле доволокли до саней». Этап сопровождали два врача, которые время от времени командовали об остановке и складывали немощных на сани. «По прибытию в лагерь мы начали поднимать с саней людей, а они уже все окоченели»⁶. Из интервью с дочерью А. Райтера: «Когда решили переехать в Краснотурьинск, отец сказал, что не нужно туда ехать, это не город – это кладбище, он стоит на немецких костях»⁷.

Удивляет, что в такое тяжелое время и в столь суровых условиях люди не пали духом. Как это ни парадоксально, но танковую колонну изготовили трудармейцы Турьинских Рудников (вернее, она была изготовлена на их деньги). Оказывается, на этом объекте выпускалась газета «Сталинская стройка». В этой газете (№ 16 за 3 марта 1943 года) опубликован приказ товарища Сталина.

Дословно: «Начальнику Базстроя т. Кронову. Прошу передать строителям Базстроя, собравшим 1 547 900 рублей на постройку танковой колонны «Строитель Базстроя», мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин». В этой же газете написано, что трудармейцы на приказ Сталина ответили ударным трудом (7 норм за смену). Встали на

¹Из архива Беккель Е.Н.

²Кроневаля И.И. Незаживающая рана // Книга памяти. С. 252.

³Шмидт А.А. Страшный февраль 1942 г. // Tagil Zeitung. – 2000. – № 3. – С. 3.

⁴А.А. Герман, А.Н. Курочкин, «Немцы СССР в трудовой армии» (1941-1945). - 2-е изд. - М.: Готика, 2000. -208 с.

⁵Браун И.И. Из воспоминаний // Книга памяти. С. 255.

⁶Интервью Антона А.Ф. 20.03.14. Архив Николаевой А.В.

⁷Из архива Беккель Е.Н.

сталинскую вахту. Звено т. Эзау, работая на прокладке высоковольтной линии, за 6 часов выполнило сменную норму на 712 %¹.

Так несчастные, вырванные с родных мест, оставившие навсегда дома и хозяйство, пытались в невероятно трудных условиях оставаться людьми.

Положение женщин в трудармии заслуживает отдельного внимания.

Согласно Книге памяти Богословлага женщины составляли здесь 0,5 % от общего числа трудармейцев, но их условия существования и каторжный труд ничем не отличались от труда женщин Тагиллага, Ивдельлага и других лагерей.

Когда в 1943 г. отряд женщин прибыл в Тагиллаг на станцию Гора Высокая, то их сутки продержали в холодных вагонах поезда. Позже начали распределять на работу, кого-то на ВМЗ, а кого-то – на лесоповал, где они заготавливали дрова: пилили дерево на метровые чурки, вручную вытаскивали их из леса и тащили до железной дороги, где опять же вручную грузили в вагоны. Мария Яковлевна Фаренбрух вспоминает о том, как, идя с работы, могли захватить с собой бревно, за которое давали одну или две картошки, которую терли и варили похлебку². Из интервью с дочерью русских немцев Эммы и Карла Пфенинга: «Маму этапировали в Тагиллаг, отца отправили дальше – в Богословлаг на строительство завода. Мама до конца войны на ВМЗ снаряды делала»³.

Жили по 12-16 человек в комнате, из свободного места оставался лишь узкий проход между двухъярусными нарами. «В бараках перед заселением пришлось делать капитальную уборку, так как нары кишели клопами»⁴, матрацы набивали соломой. А.А. Браун говорила о том, что клопы постоянно мешали спать⁵. Приходилось самим пилить и колоть дрова, чтобы растопить печку, «но дрова были сырые, печка не топилась, многие женщины, не дождавшись тепла, ложились, не раздеваясь и не умываясь, на нары и засыпали»⁶. Ватные брюки и фуфайки, в которых ходили на работу, не успевали просохнуть за ночь, поэтому чаще всего ходили во влажной одежде. На лесоповал в обязательном порядке давали валенки, но их на всех не хватало, поэтому некоторые женщины надевали чуни и лапти.

Кормили девушек в столовой, на обед давали кашу и килограмм хлеба по карточкам. М.А. Церр говорила, что «кормили плохо: 500 грамм гороховой баланды и 700 грамм хлеба на человека». Э. Керн позже написала строки:

*На каторге, в далекой стороне,
С двумя детьми вслед за невинным мужем,
Оторванная ветвь, покорная судьбе,
И брошенная сразу в грязь и стужу⁷.*

Несмотря на все лишения, Ф.Ф. Штейнмарк вспоминала, как дружно жили: «Иногда вечерами собирались в красном уголке, одна из девушек брала веник вместо балалайки и задавала тон, а мы подпевали и танцевали»⁸. Ф.Ф. Вибс с радостью отмечала, что к ним тайком удавалось пробраться ребятам из Зайгоры, «они приносили с собой инструменты, и мы устраивали танцы»⁹.

Таким образом, судьба трудармейцев – это самая трагическая страница истории немцев России. Гибель значительной их части – от изнурительного труда, голода, холода, жестокого режима и болезней – была предreshена.

¹Эзау Я., Цена Победы. Богословлаг: как это было: судьба совет. немцев Богословлага и строительство Богословского алюминиевого завода в Краснотурьинске // Заря Урала. – 2005. - №7 - С. 3.

²Фаренбрух Мария Яковлевна // Tagil Zeitung. – 2001. – № 4. – С. 3.

³Из архива Пацер К.

⁴Штейнмарк Фрида Филипповна // Tagil Zeitung. – 2001. – № 4. – С. 3.

⁵Браун Амалия Андреевна // Tagil Zeitung. – 2001. – № 4. – С. 3.

⁶Штейнмарк Фрида Филипповна // Tagil Zeitung. – 2001. – № 4. – С. 3.

⁷Керн Э. Маме // Tagil Zeitung. – 1999. – № 9. – С. 5.

⁸Штейнмарк Фрида Филипповна // Tagil Zeitung. – 2001. – № 4. – С. 3.

⁹Там же. С. 3.

1.3 Спецпоселение российских немцев в городе и районе

Спецпоселение – это особый феномен в истории СССР. Так назывался установленный государством порядок существования групп населения и даже целых народов. В его основе лежало насильственное переселение с исконных мест проживания и размещение в специально отведенных для этого местностях, запрет покидать установленный населенный пункт и ограничение целого ряда гражданских прав.

Свое начало спецпоселение ведёт с 1929–1930 гг., когда происходила сплошная коллективизация и раскулачивание. В 1931 г. в недрах НКВД создаётся специальное ведомство – отдел по спецпереселенцам ГУЛАГа НКВД, которое стало осуществлять надзор за переселёнными лицами, организовало их «трудовое перевоспитание».

28 августа 1941 г. в рамках подготовки к массовым переселениям советских немцев приказом наркома внутренних дел Л. Берии в НКВД был создан новый Отдел спецпереселенцев, подчинявшийся теперь уже не руководству ГУЛАГа, а непосредственно наркому. Его руководителем был назначен майор госбезопасности И. Иванов. Отдел создали «для разработки вопросов специального переселения, обеспечения мероприятий по перевозкам переселяемых и наблюдению за устройством их в местах расселения». Данный отдел организовывал и проводил все депортации советских немцев начиная с сентября 1941 г.

Режим спецпоселения для немцев СССР формировался постепенно в течение всех военных лет. 8 января 1945 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял два закрытых постановления: № 34-14с «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД»¹ и «О правовом положении спецпереселенцев»².

В положение о спецкомендатурах НКВД пунктом 1.1. сообщалось, что в целях обеспечения государственной безопасности, охраны общественного порядка и предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством, НКВД СССР создаются спецкомендатуры. В обязанности спецкомендантов входило организация учета и надзора за спецпереселенцами, поиск беглецов, предотвращение и пресечение беспорядков в местах проживания спецпереселенцев. Коменданты должны были осуществлять контроль за хозяйственным и трудовым устройством, прием жалоб и заявлений, а так же принятие по ним соответствующих мер. Комендантам предоставлялось право налагать на провинившихся спецпереселенцев административные взыскания в виде штрафа до 100 рублей и ареста до пяти суток.

Второе постановление обязывало всех спецпереселенцев заниматься общественно-полезным трудом, строго выполнять установленный для них режим и порядок, подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур. Запрещалось без разрешения коменданта отлучаться за пределы территории, а главы семей должны были в трехдневный срок сообщать все изменения, происходящие в семье.

Победа в Великой Отечественной войне привела к возникновению у трудармейцев ожиданий скорой демобилизации и возвращения в места прежнего проживания, перевода на работу по специальности или поступления в учебные заведения, которым, однако, не суждено было воплотиться в жизнь.

В марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам, где функционировали трудармейские подразделения, расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, что означало конец трудовой армии. Бывшие трудармейцы начали получать статус спецпереселенцев и прикрепляться к предприятиям, строительствам, лагерям. Им разрешили и помогли перевести к себе свои семьи, они получили возможность

¹Постановление СНК СССР № 34-14с от 8 января 1945 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022605> – Загл. с экрана.

²Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/450108.htm> – Загл. с экрана.

проживать в общежитиях и на частных квартирах, строить или покупать себе жилье. Лишь небольшому числу трудармейцев разрешили покинуть свои предприятия и возвратиться в места, откуда их мобилизовали. В это число попали инвалиды, женщины старше 45 лет и матери, у которых остались беспризорные дети, а также мужчины старше 55 лет.

В Краснотурьинске становление системы спецпоселения советских немцев началось несколько позже, чем в других регионах СССР. Только в марте 1946 г. из Богословлага выделили строительно-монтажный трест «Базстрой», в состав которого был передан практически весь контингент трудармейцев.

Трудармейцев расселяли компактно, так, в 1-м поселке Базстроля проживало 2000 человек, в 3-м – около 600 человек.

В городах и промышленных центрах спецпоселки располагались на удалении 1-3 км от спецкомендатуры, в сельской местности – на расстоянии 7-10 км, на лесозаготовках – до 150 км. В 1950-1954 гг. географическое распределение спецпоселков не изменилось, за исключением мест на лесозаготовках, постоянно меняющих свою дислокацию.¹

Все население спецпоселков было ознакомлено с содержанием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., в 1946–1948 гг. каждый десятый работник треста «Базстрой» дезертировал с производства, чаще всего не возвратившись из предоставленного ему отпуска².

26 ноября 1948 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»³. В указе устанавливалось, что немцы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Указ повторил пункт постановления Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. о том, что за самовольный выезд из мест обязательного поселения виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Однако если постановление СНК СССР предусматривало наказание в соответствии с действующим советским уголовным законодательством, то указ от 26 ноября определял для спецпоселенцев, нарушавших режим, особую меру наказания – 20 лет каторжных работ. Более того, дела в отношении побегов спецпоселенцев теперь должны были рассматриваться не обычными судами, а внесудебным органом – Особым Совещанием при Министерстве внутренних дел СССР, славившимся своей необычайной жестокостью. Лицам, оказывавшим помощь беглецам в побеге, также предусматривалось наказание – 5 лет лишения свободы.

Трудовые книжки на немцев начали вести только с 1947 г.. До 1955 г. они жили без паспортов, что фактически делало их изгоями общества, они должны были все время отмечаться в спецкомендатурах. Р.Е. Мелинг позже вспоминал: «Отмечаться в комендатуре было унижительно. Особенно унижительно тем, кто уже был признан специалистом»⁴.

Совершенно бесчеловечным было преследование в обществе российских немцев. Женщин и мужчин любой национальности, если они вступали в брак с немцем или немкой, ждало осуждение, запрет продвижения по служебной и общественной лестнице. Отношение к детям немецких или смешанных семей со стороны партии и государственных чиновни-

¹Разенков С.Л. Формирование и использование в строительстве рабочих колонн мобилизованных советских немцев. Книга памяти немцев- трудармейцев Богословлага 1941-1946.

²Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/450108.htm> – Загл. с экрана.

³Указ Президиума Верховного совета СССР от 26 ноября 1948 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=8&hmenu01=80&hmenu02=261> – Загл. с экрана.

⁴Пазгле Н.М. За колючей проволокой Урала. Памяти жертв политических репрессий 30-40-х годов. Т. 2. -Красноурьинск, 2006. - С. 109-114.

ков было негативным. Детей автоматически ставили на учет в комендатуре НКВД, а по достижению 16 лет они сами были обязаны ходить на отметку как ссыльные поселенцы. Перспективы поступить после окончания школы в техникум или институт были минимальны. Стала обычной практика запрета на профессии, дальше исполнителей низшего ранга представителей немецкой национальностей старались не пускать, исключения делались очень редко. И.И. Кроневальд лишь через 24 года после окончания университета получил возможность работать по специальности. Э.П. Дистергефт долго не могла найти работу, ей отказывали везде, как только узнавали, что она – спецпоселенка¹.

Ужасно то, что немецкое население было полностью лишено каких-либо возможностей поддерживать и сохранять свою национальную идентичность. Была создана такая морально-психологическая атмосфера, что на работе, в общественных местах немцы вынуждены были говорить на русском языке и только дома, в тесном семейном кругу они могли позволить себе объясняться по-немецки. Не было возможности ни читать, ни писать на родном языке². Тем более немцы не имели возможность сохранять свои традиции и обычаи, народную культуру. Особенно отрицательно всё это сказывалось на молодом поколении – детях, родившихся перед войной, в годы войны и в послевоенные годы. Они были лишены возможности не только обучаться на родном языке, но даже изучать его.

В июле 1951 года немцы-спецпоселенцы были трудоустроены на предприятиях Красноурьинска, работая на которых многие из них стали квалифицированными рабочими, специалистами-техниками, металлургами, инженерами и прорабами строек.

5 июля 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Постановление предусматривало поэтапное сокращение числа и категорий спецпоселенцев, а также некоторую либерализацию самого режима спецпоселения.

В соответствии с этим постановлением спецпереселенцы получили право свободного передвижения в пределах республики, края или области, в которых они проживали, они могли беспрепятственно выезжать в командировку, на лечение, в гости к родственникам и по другим уважительным надобностям в любую местность СССР на общих со всеми советскими гражданами основаниях. Личная явка на перерегистрацию теперь необходима была лишь один раз в год.

Этим же постановлением с режима спецпоселения были сняты все дети спецпоселенцев в возрасте до 16 лет, а также дети старше, обучавшиеся в высших и средних специальных учебных заведениях³.

13 декабря 1955 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»⁴. В связи с тем, что ограничение в правовом положении спецпереселенцев-немцев больше не вызывало необходимости, их можно было снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД. При этом в пункте № 2 четко прописывалось, что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены. В указе были полностью проигнорированы права немцев как национального меньшинства.

Тем не менее, снятие режима спецпоселения стало исходной точкой государственной реабилитации российских немцев, продолжавшейся все последующие годы.

¹НТГИА. Ф. 608. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

²Дистергефт Э.П. Вспомяная пережитое // Тагильский краевед. – 1990. – № 7. – С. 55.

Немцы СССР на «вечном» спецпоселении. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<http://www.rusdeutsch.ch/?hist=1&hmenu01=80&hmenu0=8> – Загл. с экрана.

³Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954-1960гг.) // Социс. – 1991. – № 1. – С. 10.

⁴Указ Президиума Верховного совета СССР от 13 декабря 1955 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<http://www.rusdeutsch.ch/?hist=1&hmenu0=8&hmenu01=80&hmenu02=263> – Загл. с экрана

III место в категории «Работы в жанре эссе, представляющие литературный интерес»

Увековечивание памяти жертв политических репрессий на Алтае

*Участник: Киселев Илья Викторович,
ученик 6А класса МКОУ Тальменская средняя
общеобразовательная школа №5,*

*Руководитель: Шишмакова Алена Юрьевна,
учитель математики, р.п. Тальменка Алтайского края*

В этом году исполняется 100 лет со дня Октябрьской революции в России. К чему привела эта революция? Была индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, освоение целины и космоса. СССР превратился в великую державу. Но были и репрессии 1937 года, когда тысячи безвинных людей стали «врагами народа» и были или расстреляны, или на многие годы брошены в лагеря.

Целые народы были насильственно переселены с мест своего постоянного проживания. Сегодня в каждой семье бывшего Советского Союза почитают героев, павших на полях Великой Отечественной войны. В каждом селе, поселке, городе нашей Родины стоят памятники героям, не вернувшимся с ратных сражений, их имена навечно выбиты в граните или мраморе. Но разве виноваты те, кто еще до начала войны по злому навету был арестован и расстрелян, или вместо того, чтобы защищать Родину в бою, умирал от холода и голода в шахтах и на лесозаготовках?

Зачастую мы даже не знаем не только, где они похоронены, но и их имен. Репрессиям подвергались не только «враги народа», но и их семьи, близкие и дальние родственники, друзья. Вместе со взрослыми репрессиям подлежали и их дети. Им труднее приходилось привыкать к новым условиям жизни, они в большей мере страдали от болезней, холода и голода. Но ещё больше от того, что их считали детьми «врагов народа». Это клеймо позора многие из них ощущали всю свою жизнь. Поэтому, по моему мнению, в нашем государстве необходимы памятники жертвам политических репрессий. Мы не должны забывать о сотнях тысяч людей, прошедших через это событие. Ведь если мы попытаемся идеализировать нашу историю, сделать её чуть менее жёсткой и кровавой, этот процесс может повториться вновь, что совершенно недопустимо.

По данным краевого архива, в Алтайском крае только по политическим статьям были репрессированы 45 722 человека, из них осуждены 42 464 человека, расстреляны 15 727 человек, 12 348 получили по 10 и более лет лагерей, еще 9 921 человек получил от 5 до 9 лет лагерей. По национальному признаку, а также по другим основаниям были репрессированы еще 107 344 человека, проживавших на территории края. Сильнее всего от террора государства пострадали крестьяне – 10 691 человек. Таким образом, только на Алтае репрессии прошли по более чем 150 тысячам человек.

На Алтае располагалось множество лагерей одного из крупнейших островов «архипелага ГУЛАГ» – Сиблага (одно время даже существовал свой отдельный «остров» – Алтайлаг, строивший железную дорогу Кулунда – Малиновое Озеро). Закономерно, что в 1989 году возникла мысль, что надо будет поставить в краевом центре памятник жертвам репрессий в Алтайском крае. В 1996 году установили закладной памятный камень на площади Свободы – в довоенное время это была центральная городская площадь.

В День народного единства в 2010 году на бывшей Соборной площади в Барнауле был открыт памятник «Прощание. Жертвам политических репрессий посвящается». В довоенное время это была центральная площадь города, до 1935 года здесь стоял кафедральный собор. Модель скульптуры «Прощание» – на фигуре отца со связанными руками повисает сын – создал алтайский скульптор Прокопий Щетинин. Подобно многим семьям раскулаченных, семья его родителей отправилась в Сибирь из Подмоскovie не по своей воле. Спустя два десятка лет художник Анатолий Щетинин с помощью меценатов сумел воплотить отцовский замысел.

Бронзовый монумент высотой 4,5 метра выплавлен на заводе «ЗиЛ» в Москве, красный гранит для постамента доставлен из Финляндии и отшлифован в Санкт-Петербурге. Проект памятника подготовлен архитекторами Еленой и Алексеем Крыловыми. Благоустройство территории мемориала провела городская администрация. К торжественной церемонии открытия на площади собралось более тысячи человек, значительная часть которых имела отношение к семьям репрессированных в сталинскую эпоху.

Ко времени установки в Барнауле монумента большого памятника жертвам политических репрессий не было ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге, да и в других городах большинство памятных знаков жертвам террора в основном представляли собой кресты и закладные камни.

Книга об истории политических репрессий в Алтайском крае вышла в 2005 году. Мы должны помнить то, что когда-то пережили наши деды, ведь без прошлого нет будущего, и как говорил Д.С. Лихачёв, без памяти нет совести.

Один из моих прадедов погиб, защищая Родину в 1941 году, погиб недалеко от деревни, где жила его семья – жена и пятеро детей. Имя Захара Киселева выбито на обелиске павшим в одном из сел Брянской области. Могила второго моего прадеда, Григория Ляшенко, неизвестна. В 1937 году он был обвинен в антисоветской пропаганде, арестован, его семья сослана из Беларуси в Сибирь, а его судьба с тех пор неизвестна. Моя бабушка никогда не видела своего отца. Раз в год, бывая в городе Барнауле, мы всей семьей – папа, мама и я – приходим на площадь Свободы, стоим у памятника «Прощание», вспоминаем моих прадедов и возлагаем к подножью памятника букет цветов. Наверное, памятник для этого и создан, чтобы напоминать о невинных людях, расстрелянных и замученных в страшные годы первой половины двадцатого века.

III место в категории «Исследовательские работы с большим объемом использованных источников»

Историко-культурное обоснование создания «Музея истории спецпоселения» в посёлке Ягодный Кондинского района

*Участник: Агафонов Артём Андреевич,
студент 1 курса БУ «Урайский политехнический колледж»*

*Руководитель: Бикушев Евгений Витальевич, учитель истории,
Карагаев Владимир Иванович, руководитель студенческого музея,
г. Урай, ХМАО-Югра*

В настоящее время в Кондинском районе, да и в Ханты-Мансийском округе отсутствует музей спецпереселенцев Сибири. Между тем территория современного Кондинского района

насчитывает многовековую историю, богатую событиями и интересными личностями. Одна из трагических страниц в истории не только России, но и нашего района – это 30-50-е годы прошлого столетия – годы политических репрессий в нашей стране. Отголоски этих событий докати- лась и до нас, до глухого уголка Сибири – Кондинского района Сатыгинского сельского совета.

В советское время нас убеждали, что тайга в тридцатые годы ожила, потому что сюда при- были ссыльные. Нет, не ожила тайга, а вздрогнула от ужаса, потому что пригнали сюда людей не по своей воле, полуголодных, полураздетых, с детьми и стариками, собранных по всей России, людей, вина которых была в том, что они умели работать, умели жить. Их высадили на берегу озера Туман. Берега были крутые, поросшие тёмным лесом. Первую ночь люди ночевали на берегу, на песке, укрывшись, кто чем мог, боясь зайти в лес, откуда доносились непонятные и страшные звуки. Это была первая волна ссыльных. Это были «кулаки». Вот они- то и начали корчевать лес, строить временки-землянки, чтобы хоть как-то пережить холодную сибирскую зиму. От их убогих лачуг стала отступать тайга, от их шалашей и землянок начался наш посёлок Ягодный. И таких мест по берегам Тумана было шесть.

27 ноября 1929 года Сталин объявил о переходе «к полной ликвидации кулачества как класса». Специальная комиссия определила три категории кулаков. Наши предки, основав- шие посёлки Мало-Новый, Ягодный, Сумпанинский, Совлинский, Дальний и Лиственничный, вошли во вторую категорию. Это кулаки, «не проявившие себя как контрреволюционеры, но всё-таки являющиеся сверхэксплуататорами, склонными помогать контрреволюции». Они должны быть арестованы и сосланы вместе со своими семьями в отдалённые регионы стра- ны, имущество конфисковано.

На Север Западной Сибири ссыльных гнали через Тюмень. По состоянию на 5 марта 1930 г. через город пропущено 8000 санных подвод, на них – 22107 человек, в том числе 9438 детей – чуть меньше половины от общего числа. Тракт Тюмень – Тобольск был забит подводами со спецпереселенцами. Тобольск стал столицей социалистической ссылки.

Сотни голодных, обмороженных людей. Нары в три яруса в Софийском соборе и в аудито- риях духовной семинарии.

За 3 года (1931-33) в спецпоселениях умерло 300 тысяч депортированных. На 1940-ой год в шести посёлках спецпереселенцев Кондинского района: Мало-Новый, Ягодный, Сумпанинский, Совлинский, Дальний и Лиственничный проживало 4160 человек.

Детей «врагов народа» в местные школы не принимали, и одним из первых строений в нашем посёлке была школа для детей спецпереселенцев. В школьном музее есть копия доку- мента Наркпропа РСФСР, что в Уральской области Остяко-вогульского округа Кондинского района Сатыгинского сельского совета участок № 3 есть двухкомплектная Ягодная шко- ла 1 ст. – спецпереселенческая. Существует при спецпосёлке. Находится в ведении РОНО и комендатуры ОГПУ.

Спецпоселенцы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы поселения. Главы семей в 3-хдневный срок должны были сообщать обо всех изменениях в составе семьи (смерть, рождение, брак и т.п.). Каждый взрослый давал расписку об уголов- ной ответственности за побег. У каждого спецпоселенца отбирался паспорт, если он был, и выдавалась «справка спецпоселенца». Ежемесячная явка на отметку к коменданту была обя- зательной. Даже после отмены комендатуры в 1956 году паспорта колхозникам не давали, поэтому дети, которые хотели учиться дальше, уезжали от родителей, не достигнув совершен- нолетия, чтобы получить паспорт в городе.

Массовый террор в 1937-1938 г. коснулся жителей и нашего района. Только по Сатыгинскому сельскому совету из числа раскулаченных было арестовано, а затем расстре- ляно 62 «врага народа»: из второго спецпоселения (Мало-Новый) – 20 человек, из третьего спецпоселения (Ягодный) – 16, из шестого спецпоселения (Дальний) – 17 и т.д.

Сейчас мы можем только догадываться, сколько гениальных учёных, врачей, учителей, музыкантов, конструкторов потеряла Россия, сколько талантливых детей не было рождено, а сколько осталось сиротами с клеймом «детей врагов народа» на всю жизнь.

От тех времён сохранилось мало документов и свидетельств, ещё меньше сохранилось фотоматериалов, и тем ценней то, что собрано и сохранено сегодня в нашем музее.

С началом Великой Отечественной войны спецпереселенцев не брали на фронт как неблагонадёжных, и только тяжёлое положение под Сталинградом в 1942 году заставило руководство страны обратить внимание и на эту категорию населения. 23 октября выходит приказ о мобилизации трудпоселенцев и членов их семей призывного возраста в Красную Армию. Мужчины из числа спецпереселенцев были отправлены на фронт, где героически сражались за Родину. Мало кто из них вернулся живым, подавляющее большинство погибло под Сталинградом. Многие из бывших «врагов народа» были удостоены высоких боевых наград. Все знают о подвиге героя Сталинградца комсомольца Матвея Мефодьевича Путилова, который ценой жизни дал связь командиру генералу Дятленко с передовыми сражающимися частями в районе завода «Баррикады». Но многие ли знают, что родители Матвея Путилова погибли от холода и полного истощения по дороге в северную ссылку, куда эпатировали семьи раскулаченных сибирских крестьян. Воспитывался Матвей Путилов в Шайтанском детском доме для детей спецпереселенцев Берёзовского района. И таких примеров героизма «врагов народа» на фронтах Великой Отечественной войны много.

Но и в тылу было не легче, вся тяжесть сельского труда пала на женские плечи. Женщины заменили мужчин за тракторами, за плугом, на лесозаготовках. Отрабатывали они среди таких же девок, баб, пацанов да слабосильных стариков часов 12, а то и побольше, нормы выполняли как положено, а следил за этим комендант, и не дай Бог не выполнишь норму – попадёшь в «холодную». Это деревенская тюрьма – полусруб, полуземлянка без печки. С ссылными не церемонились. А домой придут – детей кормить надо, картошку в мундире варить, чтобы побольше получилось, лишь к весне её чистили, чтобы кожуру с ростками в землю посадить, из неё новая вырастет. Сколько же вынесли на своих плечах наши женщины! И не только вынесли, выстояли, не согнулись под ударами судьбы, победили. Медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», было награждено более 20 женщин Сатыгинского сельского совета.

В 1942 году в посёлок Ягодный прибывает 150 детей блокадного Ленинграда. В посёлке организуется детский дом № 75. (В школьном музее хранится список детей детдома за 1944 год). Первое время детей и воспитателей из Ленинграда разместили в здании школы. Несмотря на трудное положение самих жителей посёлка, люди всё же старались помочь детям, подкармливали, старались согреть и поддержать добрым словом. Были желающие взять детей в свои семьи, но спецпоселенцам не разрешали брать детей из детдома.

В 1943–1944 гг. за Урал стали прибывать эшелоны с депортированными чеченцами, балкарцами, ингушами, кабардинцами, крымскими татарами. Многие из них оказались на Тюменской земле, в том числе и Кондинском районе. Они в полной мере испытали горькую участь спецпереселенцев. В 1944 году в Тюменскую область было вывезено 14 тыс. 147 калмыков. Основная их часть была размещена в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. В спецпосёлках Кондинского района Лиственничный, Мало-Новый, Ягодный, Сумпанинский, Совлинский и Дальний проживали представители 12 национальностей. Документы свидетельствуют о том, что спецпереселенцы в основной массе представляли собой настоящих тружеников, поединно деловых людей, которые работали в любых условиях и своим, иногда непосильным, трудом показали, что наш район тоже может быть сельскохозяйственным. Сегодня нам известно, что среди бывших ссыльных калмыков в 1944 году был и 10-летний мальчик Сергей Мучеряев, а ныне – народный артист Калмыкии, почётный гражданин Монголии

Сергей Гучинович Мучеряев.

Создавая студенческий музей г. Урай, мы не предполагали его превращать в музей истории спецпоселения, хотя понимали, что всё, что мы собираем, так или иначе относится к этой трагической странице нашей истории. И только приезд из г. Москвы в 2005 году члена правления Международного правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» Александра Юльевича Даниэля и директора ИНЦ «Мемориал» Ирины Анатольевны Флиге из г. Санкт-Петербурга показал нам, насколько актуальна эта тема. Они-то и подсказали нам эту идею – создать музей истории спецпоселения. И действительно, то, что мы собрали, имеет непосредственное отношение к периоду ссылки 30-40 г. на Север. И с 2005 года наш музей стал активно собирать материал по спецпереселенцам.

За эти годы много пройдено этапов от становления музея до его побед на районных, окружных и российских конкурсах. Много наработок, материала и экспонатов хранится сегодня в музее. За время работы школьного музея было собрано более 500 экспонатов, записано более 19 часов аудиозаписей, расшифровано и записано на бумажный носитель более 100 страниц воспоминаний, сделано 325 фотографий, оцифровано более 300 документов. Музей участвует в реализации совместных проектов по увековечиванию памяти жертв политических репрессий с Международным обществом «Мемориал», Центром им. А.Д. Сахарова и другими государственными и общественными учреждениями и организациями. 2 ноября 2010 года мы получили благодарственное письмо из научно-информационного центра «Мемориал» Санкт-Петербурга за участие в международном проекте «Виртуальный музей ГУЛАГ». Вот строки из письма: «Музей «Кладезь» в посёлке Ягодный стал известен далеко за пределами района, для многих учителей разных школ России он оказался образцом краеведческо-исторической работы со школьниками». На сайте Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» есть страничка нашего музея «Кладезь» (www.gulagmuseum.org).

3 декабря 2010 года музей получил диплом победителя в номинации «За вклад в исследование истории края» на Российском форуме музеев в г. Ханты-Мансийске на 4-ой Югорской полевой музейной биенале, где была представлена экспозиция «И живы памятью столетия» о судьбах ссыльных в наших посёлках. На сайте туристического портала ugra.travel есть страничка ягодинского музея: <http://ugra.travel/ru/news/7303.html>, создана страничка и на сайте «Культурное наследие Югры»: object/1805053771?c=ru.

Сегодня в Кондинском районе работу по сбору и хранению объектов, имеющих историческую ценность, ведут два районных музея: Учинский этнографический музей им. Хомякова А.Н. (основной фонд состоит из истории этнографии коренных народов Севера) и Кондинский районный краеведческий музей. Много материала собрано и в школьных музеях, имеющихся в большинстве общеобразовательных учреждений Кондинского района.

Существует необходимость создания районного историко-краеведческого музея истории спецпоселения в п. Ягодный, который будет заниматься централизованным и систематическим сбором, анализом и хранением информации об истории политических репрессий в Кондинском районе. С каждым годом все меньше остается участников и свидетелей тех трагических лет, и наша обязанность – успеть собрать, сохранить и донести до будущих поколений то немногое, что осталось. Посёлок Ягодный – единственный посёлок в Кондинском районе, где в 2000 году был установлен памятный знак жертвам политических репрессий, который занесён в международный реестр «Памятников и памятных знаков жертвам политических репрессий».

Каждый год традиционно в этот осенний день 30 октября проводится митинг, акции и различные мероприятия в школе, призванные напомнить об этой национальной трагедии, почтить память многочисленных жертв репрессий, а также привлечь внимание молодёжи к проблеме нетерпимости и проявлениям насилия к людям с другими политическими взгляда-

ми и убеждениями. Музей истории спецпоселения в п. Ягодный и сквер Памяти станут представлять собой единый историко-мемориальный комплекс, который будет одной из визитных карточек Кондинского района. Он займёт заметное место в музейном и историческом пространстве не только Кондинского района, но и Ханты-Мансийского округа.

Историко-краеведческий музей истории спецпоселения в п. Ягодный внесет весомый вклад в формирование положительного имиджа и может стать туристическим брендом Кондинского района в целом.

Создание Музея истории спецпоселения в п. Ягодный – достойная память бесчисленным жертвам тоталитарного режима, одна из ступенек на долгом пути к познанию исторической правды, преодолению наследия идеологической зашоренности, невежества и равнодушия.

Номинация Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й...» в истории семьи, региона, страны

*1 место в категории «Работы по реконструкции судеб людей,
в том числе на примере семейной истории»*

Фамилия как город

*Участник: Солвейга Смилтене, магистр юридических наук,
лейтенант-полковник внутренней службы Латвийской Республики
в отставке, г. Юрмала, Латвия*

Иногда по делам заходишь в какое-то учреждение и слышишь: «Назовите фамилию!» И я отвечаю: «Моя фамилия Смилтене». И добавляю: «Как город!»

Да, в Латвии есть такой город Смилтене (Smiltene, Smiltene) – недалеко от Эстонии и рукой подать до окрестностей города Руиена (Rujien, Rūjiena), откуда пошел род моего отца.

Мне посчастливилось родиться в семье, где под одной крышей одновременно жили четыре поколения, поэтому историю своей страны я изучала не по правильным и откорректированным учебникам, а по рассказам своих близких.

Отличными рассказчицами были моя бабушка Ольга, мамина мама, и сестра отца Зелма. Мы жили в центре Риги, большой дом состоял из двух строений – 5-этажного, старого дома, постройки 1911 года, и 3-этажного дома во дворе, в котором жили мы. У нас был закрытый двор с липой в центре, деревянными сарайчиками, библиотекой в большом доме и столойной мастерской в нашем.

Моя мама была занята на двух работах и по дому, рано научила меня читать, за мной присматривала прабабушка. Поэтому двор, собака, кошка, бедная клумба с редкими цветочками после нашей игры в мяч и книги – это был мой мир с раннего детства. И дети нашего двора. Их отцы были офицерами армии и КГБ и в наш дом были заселены после войны. Им были представлены отдельные 5-6-комнатные квартиры со всем имуществом за смешные копейки. А предыдущие жильцы-немцы уехали в 1939, а в 1941 и 1949 были отправлены в

Сибирь латыши. Оставшихся старых жильцов уплотнили в коммуналки...

Прабабушка Анна тихим голосом пела народные песни, и я уже в 5-6 лет записывала их в синюю тетрадь. Песни были грустными и чаще всего о юноше, который ушел на войну и не вернулся. Так я узнала про судьбу прадеда, который погиб летом 1917 года, будучи латышским стрелком. И о брате и сестре Анны, которые во время Первой мировой войны стали беженцами. И о том, что зимой 1917-го Анна с мужем во время его увольнительной на неделю поехали в Москву, их искать, но увы – в городе началась Февральская революция и хаос. Последним поездом семья вернулась на родину, оставив в бабушкиной памяти болезненное впечатление о прижатом пальчике в дверях поезда... Анна повторно замуж так и не вышла, отказав даже самым настойчивым женихам.

А на лето меня отправляли в село к папиным родным, недалеко от маленького и приветливого города Руиена. Зимой мы с мамой выстаивали длинные очереди за каждой пачкой сахара, чтобы затем в Руиену привезти несколько килограммов накопленного, и женщины занимались приготовлением соков и варений.

Дед держал пчел. Мы, дети, бегали босыми ножками, удаляли пчелиные колочки из стоп. Дом был весь в цветах. Через дорогу стояла церковь – тоже в цветах. С тех пор моими любимыми цветами стали пионы и разноцветные люпины. Они растут и сейчас в моем саду.

Самым большим событием 1958 года стала золотая свадьба папиных родителей. Сприцис Смилтенс (1883-1961) и Мария, урожденная Янсонс, (1888-1977) венчались в 1908 году. Сохранилась фотография этой свадьбы, где в первом ряду – вторая слева в курточке – сию я. В белом платочке бабушка, а с бородой – дед. Справа от него мой папа Феликс и мама Расма.

Вот на этой свадьбе я впервые поняла, что наша семья намного больше, чем я знала в повседневной жизни. В начале 90-х годов – после восстановления независимости Латвии – стали доступны архивные фонды. Домашние фотоальбомы и документы, а также рассказы бабушки и тети стали основой моих поисков семейных достояний. В кропотливых поисках в архиве и интернете, на кладбищах и в старых телефонных книгах, в переписке с друзьями-единомышленниками за 25 с лишним лет мне удалось найти сведения с 1760 года о примерно 2000 родных лиц, то есть о восьми – девяти, а то и десяти поколениях.

Жизнь моих предков не была медовым хлебом. Тяжелый труд – основа последующего благополучия. Так, в церковных анналах 1860 года я нахожу своего прадеда Адама Смилтена, 1837 года рождения. Его родители – Екаб (1801–1860) и Мариета (1800 – 1865). В одном хуторе жили еще шесть семьей Смилтенс.

В августе этого года представители нашей родни встретились на том же месте – хуторе Кална Залтес Ерской волости и сфотографировались под 200-летней липой. Старое дерево пережило сильные бури и грозы, но выжило и продолжает цвести и заманивать пчел для сбора меда. И это очень символично.

По законам прежних времен дом и землю наследовал старший сын, остальные должны были подавать в мир. Кто куда – овладевать ремеслом или профессией, идти служить другим землевладельцам, копить капитал и выкупить свой дом или хозяйство. Если оглядеться во времени, то все нашли свое место в жизни, несмотря на то, куда их занесла судьба. Начиная с Руиены до России и Китая, Германии, Канады и Америки – среди них известные врачи Эдуард и Ивар Смилтенс, архитектор Зайга Гайле (урожденная Смилтенс); режиссер Индулис Смилтенс, голливудский художник Карлис Смилтенс, инженер NASA Юрис Смилтенс, мастер греко-римской борьбы Ансис Смилтенс; капитаны дальнего плавания Эмиль и Эдуард Смилтенс, Эрнест Зиемелис; художник-витражист Валдис Смилтенс (его работы в Петербургском метро); директор Витебской гимназии Константин Смилтенс; мастер кожевенных дел и владелец фабрики Янис Смилтенс. И другие – солдат, инженер, учитель, земледелец, рабочий или просто

хорошая мама. Они написали историю нашего рода и своего государства. И эта история могла стать богаче, разнообразней и престижней, если бы не...

Если бы не было 1914, 1917, 1937, 1940, 1941, 1949 годов. И даже позже, после смерти Сталина, когда вновь были проведены репрессии против честных людей с твердым характером. «Каждый год из этих лет забрал людей из моего племени», – сказал бы Чингачгук. И сколько еще людей в страхе от сталинских палачей сбежали на Запад – это живые потери для маленького народа – латышей – неисправимы...

Конечно, много жизней разных поколений моих предков унесли войны и болезни. Несколько детей остались сиротами сразу после рождения, высока была смертность рожениц. В 1917-1919 годах прошла эпидемия холеры, а в середине XIX века не было страшнее болезни, чем чума. В нашей семье всего за пару недель женщина похоронила мужа и троих детей, оставшись с двумя детьми на руках.

После больших потерь панацеей казался призыв податься в Россию. Мною упомянутый прапрадед Екаб имел младшего брата Тениса (1807-1845). Его внук Карлис с женой Карлиной в 1895 году поехал на восток. Вместе следовали и дети: Карл (1891), Эмма Мария (1893), Янис (1895), Петр (1898). Уже на новом месте родился Константин (1908) и Лидия (1912). Удивительным образом мне удалось найти в России носителей нашего генофонда. Почти все они прошли череду репрессий. Посчастливилось найти прошение от 1911 года Яна Смильтена (1886 г.р), который подался до Харбина в Манчжурии, подтверждающее, что по-русски фамилию начали писать с мягким знаком.

Смильтен Ян Карлович (24.10.1895). Псковская обл.; крестьянин. Проживал: Ярославская обл., Борисоглебский р-н, хут. Трудовик. Арестован 11 апреля 1931 г. Приговорен: тройка ОГПУ 3 июля 1931 г., обв.: 58-10, 58-11. Приговор: 3 г. л/с. Реабилитирован 27 апреля 1989 г. Указ от 16.01.1989. Источник: Книга памяти Ярославской обл.

И какова же его дальнейшая судьба?

И вот который раз мои поиски в yandex.ru увенчались успехом. Вдруг выбросило интервью с московским журналистом Маратом Кашиным: «Я в детстве очень часто бывал в Латвии. У меня дедушка – латыш Ян Карлович Смильтен был репрессирован». Через VK я нашла Марата и получила первое письмо: «Солвейга, здравствуйте. Да, Ян Карлович – мой дед. После трех лет заключения, в 1934 году, он вернулся и женился на подруге своей юности Елене Николаевне Соловьевой (14.02.1903 г.р.). У них родились две дочери – Людмила Смильтен (18.09.1938) и Вера (27.05.1945)». Дальше поиск шел как по ниточке, приводя к веточкам нашего родословного дерева.

Внучка брата Яна Карловича, Карла – Елена Быкова, по профессии геолог из Санкт-Петербурга, уже на пенсии, рассказала вот что: «Мои бабушка Петрова Мария Андреевна и дедушка Смильтен Карл Карлович познакомились в 1920 году в Петрограде на Витебском (Царскосельском) вокзале. Дедушка к этому времени окончил Петроградское училище и работал телеграфистом на железной дороге в Волховстрое, бабушка имела прекрасное гуманитарное образование и работала машинисткой в банке. Дедушка жил в Волховстрое, а бабушка вместе со своей мамой – в районе Летнего сада. После свадьбы все переехали в Волховстрой. В 1924 году родилась дочь Лилия–Вероника, в 1925 году сын Владимир. Оба, в особенности Владимир, хорошо рисовали, Владимир прекрасно играл на мандолине и рояле, Лилия – неплохо на рояле.

Карл Смильтен был арестован 23 июля 1937 г.. Приговорен комиссией НКВД и прокуратуры СССР 14 декабря 1937 г., обвинен: 58-7-8-9-10-11 УК РСФСР. Расстрелян 20 декабря 1937 г.. В 1941 году при подходе фашистов к Волховстрою, Мария Андреевна со своей мамой и детьми эвакуировались в город Сява Нижегородской губернии. В Сяве бабушка работала машинисткой в банке, Лилия работала в госпитале санитаркой, Владимир учился в школе, и

по достижению 18 лет собирался идти в армию, но зимой 1942 года во время учений, организованных военкоматом, погиб под колесами автомобиля. Лилия окончила Ленинградский государственный университет по специальности «астрономия», была руководителем геологических экспедиций.

До середины 1960-х годов общались с Петром Карловичем (братом Карла Карловича) и его женой Александрой. Они жили в Ленинграде, сначала в Свечном переулке, затем переехали на Охту. Петр Карлович работал в одном из Ленинградских оркестров, играл на баяне. Они были прекрасными, радушными людьми».

Следующий представитель этой семьи Смильтен Лидия Карловна, родилась в 1912 г., х. Трудовик, Тарасовского с/с, Борисоглебского р-на, Ярославской обл.; латышка; образование н/высшее; учитель (студентка) Витебского пединститута. Проживала: Витебская обл., Витебский р-н, Витебск, Толстого 10, кв. 6. Арестована 11 января 1938 г. Приговорена: ОСО 20 марта 1938 г., обв.: 64, 72, 76 УК БССР – член к/р организации. Приговор: 10 лет ИТЛ, отбыв.: с.Долинка Карагандинской обл., освоб. 1949. Реабилитирована 28 августа 1956 г. Военный трибунал БВО.

Ее детей мне помогли найти друзья, нашедшие ее могилу в ...Латвии. Дальше уже справки за справкой, телефонные звонки по всей Латвии и успех!

Еще один представитель этой семьи, сведения о котором я смогла найти и в открытых источниках базы данных «Жертвы политического террора в СССР» Белорусского «Мемориала».

Справка: Смильтен Константин Карлович (1908 г.р.),

Место рождения: х. Дрожалово, Большесельского района, Ярославской области.

Образование: высшее.

Профессия, место работы: директор, 30 латышская школа.

Место проживания: Витебск.

Дата ареста: 4 декабря 1937 года.

Обвинение: 64, 68, 70, 76 УК БССР – член к/р организации.

Осуждение: 21 января 1938 г.

Осудивший орган: Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР.

Дата расстрела: 19 февраля 1938 г.

Место гибели: Минск.

Реабилитация: 14 ноября 1957 г.

Реабилитирующий орган: Военный трибунал БВО.

Архивное дело: УКГБ по Витебской обл. – 6954-П.

И тут помог белорусский журналист Леонид Мараков со своей книгой «Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі». «Я узнала, что у них осталась годовалая дочка. От родных Лидии уточнила возможную (контакты были потеряны) ее фамилию по замужеству: Мурниекс. И нашла врача Айну Мурниекс, урожденную Смильтенс! И свела вместе с другой Айной Смильтенс – тоже врачом, живущей на той же улице в Риге!

Дальнейшая история моих предков доказывает, что репрессии были не единичным, а массовым явлением, ведь только в одном роду было уничтожено столько ни в чем не повинных людей!

Из другой ветки нашего рода.

Смильтен Густав Янович (27.05.1888), уроженец имения Виркен Вольмарского у. Лифляндской губ, латыш, беспартийный, охранник Коммунального банка, проживал: г. Ленинград, Демидов пер., д. 3, кв. 28. Арестован 4 июня 1938 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 7 октября 1938 г. приговорен по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 10 октября 1938 г.

Сохранилось фото Густава, гражданина СССР, из прошения 1927 года посетить Латвию и погостить у брата.

Сведения о его сестре, Берте Ивановне Смильтен – 19.03.189 г.р., уроженке имения Виркен (г. Руен) Вольмарского у., Лифляндской губ., латышке, беспартийной, кустаре-трикотажнице, вязальщице в различных мастерских, проживающей в Ленинграде, Загородный пр., д.64, кв.1, мне удалось найти в базе данных Книг памяти, в 12 томе «Ленинградского мартиролога». Арестовывалась, сидела вместе с женой Екаба Алксниса, советского военачальника, беззаветно преданного идеям большевизма, участвующего в проведении репрессий в РККА в 1937 году, и подвергшемуся аресту, а впоследствии и расстрелу в 1938-м. Первый раз Берта Ивановна арестовывалась в 1932 г. Вновь – 11 декабря 1937 г.. Отказалась от подписи в постановлении об избрании меры пресечения. Особой тройкой УНКВД ЛО 19 октября 1938 г. приговорена по ст.ст. 58-6-10-11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор не исполнен. При возобновлении следствия 7 декабря 1938 г. вырвала из дела и порвала подложный протокол допроса от 22 декабря 1937 г.. Военным трибуналом ЛВО 14 марта 1939 г. осуждена по ст.ст. 58-6, 58-10 ч.1 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Военной коллегией Верховного суда СССР 23 сентября 1939 г. приговор изменен на 5 лет ИТЛ по ст. 58-10 ч.1. Отбывала срок в Вятлаге. Освобождена 22 февраля 1943 г.. Вернулась в 1950 г. на родину в г. Руен. Добилась реабилитации в 1958 г..

(Ее брат Густав Янович Смильтен расстрелян 10 октября 1938 г.; племянник – сын сестры Кристины, старший лейтенант Красной армии Александр Феоктистович Резников, расстрелян 22 января 1938 г.)

Тут уместно рассказать романтическую сцену. Во время переезда по России на группу людей, в которой была старшая сестра Берты и Густава Кристина (8.07.1886), напали разбойники. Этот случай увидел молодой Феокист Резников и отбил группу у разбойников. Призом для спасителя стала любовь с первого взгляда.

Увы, сын Кристины и Феокиста – Александр – стал жертвой репрессий.

Справка: Резников Александр Феоктистович (1905 г., д. Внезапная, Кореневского р-на, Курской обл.), русский; член ВКП(б) в 1927-1937 гг.; командир батареи 19-й механизированной бригады. Проживал: г. Пушкин, Лен. обл.. Арестован 9 июля 1937 г.. Приговорен: Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 17 января 1938 г., обв.: ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г.. Место захоронения – г. Ленинград.

Судьба его семьи достойна дальнейших поисков.

Русская земля стала могилой еще десятку членов семьи Смильтенс – зажиточных крестьян, моряков, офицеров латвийской армии, которых сослали в Сибирь в 1941 и 1949 годах, уничтожив их родные дома, разрушив семьи, лишив возможностей продолжить образование, службу родине, а в конечном счете – род.

Капитан Эдуард Смильтенс, кавалер высших государственных орденов Латвии; капитан дальнего плавания Эмиль Смильтенс, тонул в 1940 вместе с торпедированным кораблем, остался жив, чтобы сгнить от тифа осенью 1942 на Балхаше; Фридрих Смильтенс – ссыльный, место ссылки – Карангада.

Ансис Смильтенс (сохранилось фото 1937 года с командой армейского клуба ASK греко-римской борьбы, в тот год он стал вице-чемпионом Латвии) расстрелян в Центральной тюрьме г. Риги в 1946. Там же погиб его брат Янис.

В начале своего рассказа я упомянула поиски прабабушкой Анной ее сестры в Москве в 1917 году. После сестра Юлия нашлась уже в г. Батуми, будучи замужем за немецким бизнесменом. Правда, тогда такого слова не знали. В 1924 году у них родился мальчик. Но вскоре закончилась политика НЕПА, и мужа Юлии Ю. Битнера арестовали. Попытки вернуться в Латвию преградила оккупация свободной страны в 1940 и война в 1941-ом.

Мои обращения в Батуми остались без ответа, и только в этом году появилась надежда на источник информации – Gedenkbuch: книга памяти немцев-трудармейцев Бакаллага, 1941-1946. Это труд отважных людей – исследователей истории и правды – низкий поклон им.

Битнер Юрий Юрьевич, год рождения 1924, место рождения: г. Батуми Аджарской АССР, национальность: немец, подданство: СССР, социальное происхождение: рабочий, образование: 7 кл., партийность: ВЛКСМ. Сведения о репрессиях: вид репрессии: мобилизован, место жительства: Южно-Казахстанская обл., Пахта-Аральский, Прогресс, профессия: тракторист, слесарь, дата мобилизации: 17.02.1942, дата прекращения: 05.10.1946, кем мобилизован: Пахта-Аральский РВК, причина: Стр-во 859.

Хочу высказать благодарность и обществу «Мемориал», которое помогает нам найти родных – мучеников тоталитарного режима, сохранить память о них и сделать выводы о будущем.

Узнав правду о своих родных, я осознаю: если они это выдержали и ушли из жизни достойно, то я тоже смогу преодолеть свои трудности. Мои предки делают меня более сильной и стойкой.

Моя задача – спасти историю своего рода, чтобы мы не забыли, что с нами случилось, и через что мы прошли. Когда через десяток лет у наших внушек попросят назвать фамилию, они с гордостью смогут ответить: «Смилтене!» И добавить: «Пишется как город».

III место в категории «Работы по реконструкции судеб людей, в том числе на примере семейной истории»

История моей семьи в истории моей страны

*Участник: Бангерт Владимир Владимирович,
ученик 8Б класса МАОУ СОШ №2*

*Руководитель: Ермакова Лариса Викторовна,
учитель МАОУ СОШ №2, г. Алапаевск Свердловской области*

*Посвящается памяти моих родных –
Бангерт Якова Фридриховича и Катарини Андриасовны*

Политические репрессии – это часть нашей истории. Многие тысячи людей необоснованно были лишены прав без решения суда, как уголовные преступники, совершившие тяжкие преступления! Многие, не выдержав страданий, умерли от нечеловеческих мук. И наша задача, чтобы эти чудовищные злодеяния против граждан никогда не повторилось в истории нашей страны снова. Поэтому сегодня я хочу рассказать историю жизни моих репрессированных родственников – прадедушки Якова Фридриховича Бангерт и Катарини Андриасовны.

1907 год. Еще не утихли события Первой русской революции, а 5 апреля в семье поволжских немцев родился мой прадед – Яков Фридрихович Бангерт. Он появился на свет в селе Диттель Медвецкого района Сталинградской области (так было записано в документах у прадедушки). И никто не мог представить, какая тяжелая судьба ждет не только моего прадеда, но и всех немцев, проживавших в России...

1910 год. В Российской империи все относительно спокойно, жизнь идет своим чередом. А 10 августа родилась в США моя прабабушка – Катарина Андриасовна Рахель, предки ее еще в 80-х годах 19 века выехали в Америку. А потом вернулись в Россию, определив трагическую судьбу своих детей, в том числе и моей прабабушки.

1932 год. По всей стране полным ходом идет коллективизация. На Украине, в Поволжье, в Казахстане начался массовый голод, спровоцированный советским правительством. 4 декабря 1932 года Яков и Катарина решили обвенчаться. Семья у них получилась крепкая, трудолюбивая. До войны родилось 5 детей. Несмотря на это, до 1941 года прабабушка еще работала уборщицей, а прадедушка – разнорабочим в местном колхозе. У них было и свое личное хозяйство: большой двор, много скотины. Внуки – мой папа и дядя Сергей – вспоминают рассказы своего деда, что скотины были столько, что снег во дворе не убирали, а всегда выгоняли животных во двор, и они его утаптывали.

1941 год... Это было страшное время... Начало Великой Отечественной войны... Но для кого-то это было еще и страшное время усиливающихся репрессий: сотни тысяч немцев были репрессированы только за принадлежность к своей нации, их насильно выселили с места постоянного проживания в места спецпоселений для мобилизации в трудармию. Вместе с депортацией произошло упразднение Автономной Республики немцев Поволжья. На территорию АССР были введены части НКВД. Жители получили приказ в течение 24 часов собрать немногочисленные разрешенные вещи и подготовиться к переселению. Всего было выслано около 440 тысяч человек.

В сентябре 1941 года семья Бангерт была депортирована с Поволжья в первое место их переселения – в Омскую область, в деревню Бунькова, где и прадедушка, и прабабушка добросовестно работали в местном колхозе.

1942 год. Идет Великая Отечественная война. Советский народ борется с фашистскими захватчиками. А НКВД решает «важные» вопросы по усилению репрессий и полноценному использованию дешевой рабочей силы репрессированных людей. И семью Бангерт вместе с детьми еще раз насильно переселяют в город Краснотурьинск без права на смену территории проживания, где они и прожили до конца своей жизни. Прадедушка состоял в трудармии с 1942 по 1946 годы.

1947 год. Массовый голод в СССР, начавшийся по окончании Великой Отечественной войны. Послевоенный кризис советской экономики (связанный с конверсией и началом холодной войны) привел к снижению и без того невысокого уровня жизни людей и поставил их на грань голода.

1948 год. По приказу 1948 года немцы были выселены навечно в места спецпоселений, без права возврата на прежнее место жительства, а за побег с места выселения они наказывались 20 годами тюрьмы.

Как в это время жили мои родные? Мой прадедушка с 1947 года работал молотобойцем, по-современному – кузнецом, в тресте «Бастрой». Прабабушка работала уборщицей в заводском управлении. Прадедушка и прабабушка любили друг друга. У Якова Фридриховича был серьезный немецкий характер, у Катарини Андриясовны – более мягкий. Она старалась побаловать детей чем-нибудь вкусеньким, к каждому празднику готовила подарочки. В целом весь быт соответствовал немецкому укладу, детей воспитывали в строгих немецких традициях, дома говорили только на немецком языке, так что все могли свободно общаться. Семья верила в Бога, по вероисповеданию они были лютеране, прабабушка каждый день читала Евангелие.

1950 год. Восстановили смертную казнь «по просьбам трудящихся». Указом Президиума ВС СССР «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», придав закону обратную силу для казни «ленинградских» партийцев. Моя прабабушка уволилась для ухода за детьми. Детей было 8 человек, пятеро из них родились еще до переселения: Яков, самый старший, мой дедушка, потом Виктор, Эмма, Генрих, имя пятого ребенка я не смог узнать, он умер. Владимир, Артур и Александр родились уже на спецпоселении в Краснотурьинске.

Краснотурьинск.. Город, который находится на одной параллели с Санкт-Петербургом, ма-

ленькое зеркало Санкт-Петербурга: улицы разбегаются от центральной площади лучами, красивые дома сталинской эпохи. Но кажется, что время застыло в городе, по крайней мере, для меня: все здесь напоминает те страшные годы, когда город был огромной тюрьмой для репрессированных. По словам жителей города, плотина построена на костях замученных немцев. Да и не только плотина...

1953 год. Смерть Сталина. И только через три года после смерти советского вождя всех времен и народов были сняты ограничения в местах проживания. До 1956 года подавляющее большинство немцев были обязаны ежемесячно отмечаться в комендатуре.

1956 год. Открытие XX съезда КПСС, на котором утвердят 6-й пятилетний план, и на закрытом заседании съезда с докладом о культе личности И.В. Сталина и его последствиях выступит Н.С. Хрущев.

До 1956 года члены семьи Бангерт вместе с другими репрессированными немцами города отмечались в комендатуре как преступники. В 1956 году с них была снята это страшная обязанность. И даже в спецпоселении, благодаря своему огромному трудолюбию, семья Бангерт опять обзавелась домашним хозяйством, чтобы прокормить свою большую и дружную семью. Внуки помнят вкусную домашнюю колбаску, которой было вдоволь для всей семьи. Но главное, что запомнили внуки – это безграничную любовь бабушки Катарини и дедушки Якова.

1961 год. Год ярчайший, полный событий, из которых самым памятным навсегда стал полёт Гагарина. А прадедусшка Яков уволился в связи с выходом на пенсию по горячему стажу. Ему было 54 года. Но он не сидел дома без дела. Из рассказов внуков, дедушка Яков продолжал работать в мясном магазине, рубил мясо.

1989 год. Перестройка в СССР. Опубликовано постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов». Вывод Советских войск из Афганистана. В июле 1989 года умер прадедусшка. Он захоронен на немецком кладбище, которое постепенно зарастает соснами, погружая старые захоронения в полумрак леса.

1991 год. Распад Советского Союза. 18 октября 1991 года утверждён закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Вся семья моих родных – Бангерт Яков Фридрихович, Катарина Андриасовна и их дети – были реабилитированы в 1991 году, как необоснованно репрессированные по политическим мотивам. Они признаны пострадавшими от политических репрессий. Дедушка был реабилитирован посмертно. Он не дожил до этого дня.

1999 год. Б.Н. Ельцин объявил о своей отставке и передал В.В. Путину всю полноту власти. В этом же году умерла от болезни моя прабабушка – Катарина Андриасовна. Ее похоронили рядом с мужем. Всю жизнь они были вместе, не предали друг друга. Да и Родину они тоже не предавали. И вот, через десять лет после смерти прадедусшки они снова соединились, но уже не на земле, а на небе.

2003 год. На посту главы нашего государства президент – Путин Владимир Владимирович. В 2003 году умер мой дедушка – Бангерт Яков Яковлевич. А 1 июля 2003 года родился я – Бангерт Владимир Владимирович, потомок поволжских немцев.

2017 год. В России проведен восьмой по счёту футбольный турнир среди национальных сборных, проводимый под эгидой ФИФА. США усиливают санкции против России. В июле 2017 года я вспоминаю своих родных... Когда я думаю о них, то меня мучают вопросы: как они пережили то время? Как не сдались? О чем думали? Что чувствовали? О чем мечтали? Я никогда не видел их в жизни, они умерли задолго до моего рождения, но мои прадедусшка и прабабушка – Бангерт Яков Фридрихович и Бангерт Катарина Андриасовна навсегда останутся в моем сердце. И для меня они не только прадедусшка и прабабушка, но и герои, которые прожили очень мужественно и стойко свою нелегкую жизнь.

I место в категории «Исследовательские работы с большим объемом использованных источников»

«Эх, хорошо в стране советской жить?» (Страна Советов 1930-1950-х годов: мифы и реальность)

*Участник: Намятов Сергей Юрьевич,
студент Нижнетагильского государственного социально-педагогического
института (филиала Российского государственного
профессионально-педагогического университета),*

*Руководители: Шамгунова Юлия Шамилевна, Кириллов Виктор Михайлович,
доктор исторических наук, профессор НГСПИ,
г. Нижний Тагил Свердловской области*

Страна Советов – «кипячая, могучая, никем непобедимая...». Это было государство, открывшее миру совершенно новую эпоху – советскую, при которой советы как органы диктатуры пролетариата составляли основу государственного строя.

И теперь, спустя многие десятилетия, люди старшего поколения убеждены, что вряд ли мы можем найти какие-то принципиально новые факты и толкования советской эпохи – все разложено по полочкам: по идеологическим и политическим взглядам, по времени, по событиям.

Для многих моих сверстников советская эпоха 1930-1950-х гг. остается абсолютно далеким и, пожалуй, не всегда понятным периодом в истории страны. Поэтому замечательно, что живут еще рядом с нами свидетели событий того загадочного времени – при желании они могут подробно рассказать об интересных исторических фактах в полной их достоверности, могут привести любопытные и порой нелицеприятно объективные реалии. И все это – чтобы помочь нам раскрыть неразгаданные тайны, относящиеся к советскому периоду в биографии государства.

Должен отметить, что исходной точкой для выбора мной именно этой темы исследования стала экскурсия в школу села Курганово, которое интересно уже тем, что находится на самой границе Европы с Азией. В музее сельской школы я увидел подборку учебников советского времени, изданных в 1920-1930-е годы. Их тексты меня немало удивили. Хотя мы и говорили на уроках истории о репрессиях сталинского периода, о культе личности самого вождя, но эти факты, честно говоря, лишь какими-то робкими штрихами отражались в моем сознании.

Глубже заинтересовавшись этой темой, я выяснил, что еще в нескольких школьных музеях нашего города сохранились учебники советского времени, которые стали для меня официальными источниками информации при изучении отдельных, очень важных событий советской эпохи.

Если вспомнить строки популярных советских песен «Эх, хорошо в стране советской жить!» или «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!», звучавших повсюду, то все они кажутся мне прекрасной бльюзой о сказочном государстве, где «человек проходит, как хозяин необъятной Родины своей!»

Я задумался: действительно ли советское время, если рассматривать его с исторической точки зрения, может быть отмечено восторженным восклицательным знаком? И так ли уж замечательна была жизнь в этой лучшей стране мира – СССР, каковой долгое время считали ее многие граждане?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, я собирал сведения о советском периоде истории страны в периодических изданиях, материалах школьных музеев, выявляя их в ходе воспоминаний моих земляков. А также использовал копии из государственных архивов, предоставленные мне Л.С. Панфиловой, руководителем городского музея народного образования г. Полевского.

При этом я нередко сталкивался с различиями в документальном, книжном толковании происходивших исторических фактов и рассказами конкретных людей, живших в СССР.

Что интересно и немаловажно – многие респонденты условно ставили в своих суждениях о «прелестях» советской эпохи то знак восклицательный: «Эх, хорошо в стране советской жить!», то знак вопросительный: «Эх, хорошо в стране советской жить?»

Хотя время того периода всегда считалось непростым, все же подобная двойная трактовка истории государства оказалась для меня загадкой. Потому я решил найти настоящий облик Страны Советов.

Михаил Полторанин пишет: «Если ток будет бить по сознанию нации, то оно станет невозможным для сковывания народной воли. А бодрствующее сознание масс всегда враждебно режиму, нацеленному на свои корыстные интересы»¹.

Комментируя эти размышления известного журналиста и политика, мой руководитель работы сказала: «Нужно вникать в суть происходящего и, называя вещи своими именами, делать честные выводы. Только непредвзятый анализ событий может тому способствовать».

«Оголенными проводами», в контексте сказанного выше, я считаю многие приведенные в данном исследовании факты, услышанные из уст моих респондентов и найденные в архивах школьных историко-краеведческих музеев.

Отдельные события, которые показались мне в ходе работы весьма актуальными и интересными, я постарался тщательно изучить, пропустив каждый эпизод через свое личное восприятие и собственное мироощущение.

Возможно, я не открыл каких-то новых, неожиданных сенсаций, но выявленные факты и события показались мне довольно любопытными, и я решил оформить их в этот творческий труд, и перед началом работы обозначил проблему.

Она заключалась в противоречии между мифической идеей, прежде всего сталинских властей, об улучшении условий существования граждан в стране Советов и жестокими репрессивными способами их достижения, что в результате привело к фактическому ухудшению жизненного уровня всех слоев населения.

Для народа, о котором в те годы так много говорилось в превосходных степенях с высоких трибун партийных съездов, в реальности делалось очень мало. К сожалению, подобная политика последующих руководителей нашей страны продолжалась во все периоды советской власти. Большинство приведенных в моем исследовании фактов отражает суровую, подчас жестокую реальность человеческого бытия: массированная пропаганда сталинской политики коллективизации и связанные с ней репрессии; жестокость и насилие по отношению к инакомыслящим гражданам; грубое подавление любого стремления человека сохранить собственную индивидуальность; дефицит предметов первой необходимости; примитивные условия жизни большинства населения советской страны.

Объект исследования: непростые условия жизни представителей разных поколений граждан советского государства, особенно в период сталинской эпохи. А предметом данной работы стали судьбы героев моего исследования – моих земляков, советских жителей провинциального уральского города Полевского Свердловской области.

Гипотеза: люди Страны Советов в конечном итоге так и не дождались социализма с человеческим лицом, который полагалось строить по приказу властей.

¹Полторанин Михаил. Власть в тротиловом эквиваленте. М., 2012. С. 5.

Цель работы: выяснить истинную ситуацию отношения советской власти к гражданам своей страны и доказать неразрывную связь между историей государства, судьбой отдельной семьи и биографией конкретного человека.

Я поставил перед собой следующие **задачи**:

- найти очевидцев исторических реалий, происходивших в исследуемый период, побеседовать с ними и постараться понять, как респонденты сами оценивали эти события;
- изучить архивные документы, материалы школьных музеев, чтобы получить достоверные и объективные оценки интересующих меня фактов;
- собрать и проанализировать информацию, полученную от респондентов и сравнить биографические материалы отдельных людей с ходом истории страны;
- разобрать и систематизировать имеющиеся школьные учебники и литературу советского периода, любые другие реликвии домашних архивов героев моей работы, относящиеся к теме исследования;
- критически проанализировать и сопоставить различные источники информации, выявить имеющиеся в них противоречия и сделать собственные выводы, которые помогут ответить на проблемные вопросы.

Я исходил из того, что все страницы истории моей страны – счастливые и не очень – должны быть представлены в полной правдивости, какой бы горькой или неудобной она ни была. Это моя принципиальная позиция как автора работы.

Глава 1. «Горькая память, словно сторож у дверей истории...»

*«Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу...».*

Александр Твардовский

Для объективности своего исследования я отобрал из фондов школьных музеев Полевского несколько учебников и книг советского времени и попытался проанализировать их содержание, сравнив взгляды авторов с точкой зрения людей, в чьей памяти еще сохранились реальные ощущения советского периода жизни.

Восстанавливая в ходе работы канву многих событий, я, во-первых, пришел к выводу, что в годы советской власти страна переживала идеологический раскол, связанный с новой исторической эпохой и твердой установкой человеческого сознания на «советские» стереотипы. А потому, я считаю, что и авторы книг и учебников, исполняющие социальный заказ, и мои респонденты, воспитанные под влиянием определенной идеологии, полностью зависели от жесткой политической системы, в которой жили. Отсюда нередко возникала путаница в изложении фактов и субъективизм, а в школьных учебниках – явная нелепость приводимых примеров и даже откровенная, неприкрытая ложь. Во-вторых, я понял, что людям в те годы действительно предоставлялась полная свобода, но только лишь в их попытках критиковать «ужасы» стран капиталистического мира и жизни России при царизме. И они зачастую без стеснения в черных красках изображали дореволюционное прошлое своей страны, где простой россиянин якобы был полностью бесправен и нищ по сравнению с «советским» человеком. Так ли это? Конечно, я не могу с определенной точностью и логикой судить о жизни и обстановке советского времени, как это сделали бы профессиональные историки, но уже первое учебное пособие советского периода, просмотренное мной, свидетельствует о противоречивости социалистического строя и о ярком проявлении в нем культа личности И.В. Сталина. Вот текст одного из учебников за 1932 год¹:

¹Страница из учебника русского языка на агротехнических курсах за 1932 год. Издательство «Коммуна», Москва.

«Договор на соцсоревнование между конюхами совхоза «За социализм»

Мы, конюхи совхоза «За социализм», обещаем по-большевистски бороться за выполнение плана 1932 года, проводить в жизнь шесть условий т. Сталина и берем на себя следующие обязательства:

- 1. Полностью ликвидировать обезличку. Добиться немедленного прикрепления каждого работника к определенной группе лошадей.*
- 2. Осматривать каждый раз лошадь при приеме ее после работы.*
- 3. Немедленно отделять заболевших лошадей от здоровых, чтобы избежать заразы.*
- 4. Следить за своевременной ковкой лошадей.*
- 5. Следить, чтобы сбруя была хорошо подогнана. К каждой лошади прикрепить определенную сбрую.*
- 6. Особое внимание уделять уходу за матками и молодняком.*
- 7. Договор этот проверить к 1 ноября. Подписи. 15 августа 1931 г.»*

Сам факт, что имя вождя упоминается в подобном договоре, кажется мне, по меньшей мере, абсурдным. Но некоторые пункты договора, указывающие на правила обращения конюхов с лошадьми, при всей их нелепости, почему-то невольно хочется сравнить с правилами, в соответствии с которыми сталинская власть обращалась со своим народом – ведь люди тоже были для нее «тягловыми лошадьми» на пути строительства социализма. Граждан страны Советов большевики тоже, словно животных в указанном договоре, прикрепляли, как известно из истории, к определенной группе – «враги народа», шпионы, диверсанты, кулаки и прочие. «Заболевших», то есть тех людей, которые выпадали из общих, строго установленных правил, сталинские власти насильно отделяли от «здоровых» по одной лишь причине – «избежать заразы». Следили, «чтобы сбруя была хорошо подогнана» – к каждому конкретному человеку старательно прикрепляли «определенную сбрую». Четко наблюдали за «своевременной ковкой» – иными словами, навязывали свои правила и нормы поведения, свою идеологию, свои неукоснительные и бесчеловечные законы. Как выяснил я в ходе исследования, не подчиняющихся властям людей подвергали репрессиям, отправляли в тюрьмы или ссылки. А пункт «Особое внимание уделять уходу за молодняком» я бы, с точки зрения политики сталинского государства, рассматривал так: чтобы вновь нарождающееся «молодое советское поколение» жило без христианской веры, без собственных убеждений и превращалось в Иванов, родства не помнящих!

А вот другой учебник, просмотренный мной – «Учебное пособие по Конституции СССР» для 7 класса¹. Все главы этого пособия написаны на хорошо заметном контрасте жизни в СССР и странах капитализма, одной из которых была царская Россия. Свержение власти Николая II и революция 1917 года стали началом трагических страниц эпохи «государства без царя». Кульминацией тех давних событий являлась казнь последнего императора. Большевики не пожалели при этом ни его супругу Александру Федоровну, ни юных дочерей, ни малолетнего наследника Алексея. Чтобы прекратить всяческие мысли вернуть России царя и стереть любое напоминание о прежней дореволюционной жизни!

Одна из моих респондентов, 82-летняя Людмила Ивановна Хенкина, директор школы с многолетним стажем, рассказала мне следующее. Несмотря на то, что царская Россия в 1913 году достигла наибольшего расцвета в своем развитии, в книгах и на плакатах в далекие годы детства Людмилы Ивановны дореволюционная Россия представляла перед школьниками лапотной деревней, населенной забитыми мужиками. А еще – страной, где правили

¹Энтина Г.А. Учебное пособие по Конституции СССР для 7 класса. М., Учпедгиз, 1936.

спесивые дворяне да хамовитые в рубахах в крупный горошек, как их изображали на картинках школьных учебников, кулаки-мироеды. Страной, где в городах и рабочих поселках трудами безграмотного рабочего люда заводов и фабрик, рудников и шахт пользовались лишь толстобрюхие буржуи в цилиндрах.

Читаю в учебнике по Конституции такие фразы: «У них, у капиталистов, ухудшение материального положения трудящихся, снижение заработной платы рабочих и рост безработных. У нас, в СССР, подъем материального положения трудящихся, повышение заработной платы рабочих и сокращение безработицы». И это в 1936 году, когда происходили массовые репрессии среди населения! Причем ни одно утверждение не подкрепляется никакими цифрами – судя по всему, народ обязан был верить, что все написанное в советском учебнике – реальный факт!

Руководитель музея моей школы № 17, 75-летняя Лия Александровна Плюснина, объяснила мне: «Для нас в те годы было свято только то, что завоевано и установлено Октябрем, декретами Советской власти и стояло по эту сторону революции». И я понял, о чем хотели сказать мне пожилые люди: когда-то в глазах нового подрастающего советского поколения рабочие, солдаты и матросы с винтовками в руках на фоне красных знамен и полотнищ, на которых с простертой рукой – Ленин, а чуть позже – Ленин и Сталин, выглядели по-особому. Школьники, как, впрочем, и многие взрослые, фанатично верили своим кумирам. Но, как откровенно призналась мне моя собеседница, позже, когда она повзрослела и начала понимать всю правду о политическом фанатизме и лжи периода сталинизма, народные любимцы казались уже не столь привлекательными, как это выглядело раньше. Такова горькая память, которая, словно сторож, призвана к неукоснительному исполнению своих исторических функций – охранять правду...

Глава 2. Воинствующий атеизм. «Серпом – по Христу, молотом – по Кресту...»

«Церкви нужны не реформаторы, а святые...»

Жорж Бернанос

Очень заинтересовала меня статья учебника Конституции СССР о свободе совести. Она оказалась не просто противоречивой, но и саморазоблачающей. В ней говорится о том, что «советская власть декретом от 5 февраля 1918 года провозгласила свободу совести и отменила всякие ограничения, связанные с религией». И люди тому верили: у широких слоев населения в то время еще не было осознания бесповоротности событий, которые принесла грянувшая социалистическая революция.

История нашего города Полевского свидетельствует, что почти три столетия жизнь многих жителей концентрировалась вокруг его православных святынь. Можно с уверенностью сказать, что основание металлургических заводов формировало плоть нынешнего города, а православные приходы были его душой. Потому именно сюда были направлены «карающие серп и молот» советской власти.

Мне известно, что наш Полевской приход перед Октябрьской революцией насчитывал почти 5 тысяч верующих, службу несли два священника, дьякон и два псаломщика. Однако после революции тем же декретом от 5 февраля 1918 года Советская власть, рассматривая историю государственно-церковных отношений исключительно с антирелигиозных позиций, отделила школу от церкви, беспощадно ударила по верующим, лишив их права свободно воспитывать своих детей в духе православной или иной веры. Хотя в школьном учебнике пишет-

ся, что власть не только не преследует верующих граждан, но и «защищает их от гонений за религиозные воззрения»¹, на самом деле все было по-другому: жизненные реалии вступали в конфликт с подобными декларациями. На повестке дня стоял провозглашенный большевиками воинствующий атеизм.

1917 год стал началом трагических страниц эпохи нового социалистического государства, в котором, по мнению правящей власти, у людей в душе должна быть не вера в Бога, а «вместо сердца – пламенный мотор». Знамя идеологической свободы, которым поначалу размахивали революционеры, оказалось развернутым только в одну сторону – большевиков и их идеологии. Чтобы пресечь любые возможности вернуть прежнюю Россию! Чтобы искоренить память народную, православную! Чтобы жил народ без всякой веры! Картины подобной реальности открылись мне в архивных документах (а их тысячи!), в исследованиях историков и воспоминаниях очевидцев той поры.

Могу подтвердить свое мнение рассказанной мне протоиереем Сергием Рыбчаком историй, произошедшей с находившимся в нашем городе Петро-Павловским храмом.

«К сожалению, революционное лихолетье ворвалось и в наш провинциальный городок разрушениями и беспощадным гонением на православные святыни. Преследование за веру и аресты мирян, закрытие храмов и видимое торжество атеизма – такова обычная хроника событий тех лет», – утверждает отец Сергий.

Из его рассказа я понял, что участь Петро-Павловского храма была такой же печальной, как и многих других храмов России – его полностью разграбили и уничтожили, сняв церковные колокола и разрушив позолоченные купола.

По словам протоиерея Рыбчака, судьба большинства священнослужителей русской Церкви ничем не отличалась от судеб других неугодных новой власти граждан того времени. Аресты, тюрьмы и лагеря – таким был удел пастырей, верных Христу и Его Церкви.

Мне стало ясно: вопреки утверждению, что после Октябрьской революции власть не преследует верующих граждан, автор вышеупомянутого учебника называет их «темной массой» и открыто противопоставляет им «советских людей», обладающих свободой противостоять религиозной пропаганде.

В ходе исследования я познакомился с Фаиной Петровной Кулаковой, которая в 1962-1964 годы работала в школе пионерской вожатой и сохранила четыре довольно объемные тетради записей с ежегодных областных курсов вожатых. Я тщательно изучил эти уникальные материалы, и они еще раз подтвердили мое мнение о том, что советские школьники подвергались тщательной атеистической «обработке». Подробные курсовые записи Фаины Петровны свидетельствуют о целенаправленной и строго спланированной работе педагогов по атеистическому воспитанию детей через деятельность пионерской дружины. Вот взятые мною из ее тетради некоторые темы бесед с учениками тех лет: «Борьба с религиозным прошлым», «Отрицание Бога», «Воспитание воинствующих атеистов» и т.п.. По воспоминаниям Кулаковой, в школах организовывались кружки юных атеистов, шли просмотры антирелигиозных фильмов, размещались плакаты типа «Пионер, смело борись с религией!» и другие.

По рассказам учителей и пионерских вожатых, через заполняемые детьми анкеты они выявляли отношение родителей к религии, регулярно организовывали встречи с людьми, порвавшими с церковью. В музее нашей школы я отыскал книжечку «Спутник атеиста» за 1962 год с опубликованной в ней подборкой статей под рубрикой «Мы порвали с Богом».

По словам все той же пионервожатой Фаины Петровны Кулаковой, в советской школе еженедельно по заданию партии проводились атеистические чтения. В ее тетради записей с курсов я нашел рекомендованный для чтения и обсуждения со школьниками 1-11 клас-

¹Энтина Г.А. Учебное пособие по Конституции СССР для 7 класса. М., Учпедгиз, 1936.

сов большой список литературы. Приведу лишь несколько названий: Жариков Л.М. «Бог и Ленка». М., 1976; Замойский П.И. «Две правды». М., 1932; Тендряков В. «Чудотворная». М., 1961; Трубникова А.Я. «С крестом на шее». М., 1963 и другие.

Судя по текстам уже указанного мною школьного учебника по Конституции СССР, церковь представлялась ученикам реакционным, антинародным институтом, а органы государственной власти и их действия – только в положительном свете. Советская власть не допускала даже мысли, что в жизни людей может быть что-то хорошее, связанное с церковью. С вероисповеданием надо воевать! Как писал в те времена советский поэт Владимир Маяковский: «Бога нельзя обходить молчанием, с Богом пронырливым надо бороться!»¹.

Вот так – в контексте исторической судьбы православной России все встало с ног на голову! Однако, по свидетельствам моих респондентов, многие жители и после революции все же сохраняли веру в Бога, несмотря на страх быть наказанными. Как говорил Иоанн Златоуст: «Разве церковь в стенах? Церковь – во множестве верующих».

Изученные мной в ходе исследования архивы – скупые строки церковной летописи, протоколы допросов и административных актов – свидетельствуют о силе духа людей, благодаря которым сохранилось и выжило православие в моем родном Полевском.

По-своему уникальна и в то же время типична для советского периода история упомянутого Петро-Павловского храма. В период Великой Отечественной войны его здание перестроили, там некоторое время находились инструментальные мастерские механического завода. Позднее, в связи с переездом мастерских в новые корпуса, станки, стоявшие в храме, выворачивали прямо с кусками бетона, в который они были залиты при установке. Церковное здание при подобном варварском отношении пошло трещинами. В 1961 году освободившиеся помещения храма передали под местный автовокзал.

Очевидцы рассказывали, что во время ремонта здания церкви под автовокзал православные фрески рабочие пытались забеливать, но они все время проступали сквозь известку. Тогда строители вырубили их кирками, ободрали стены и покрыли уникальные фрески толстым слоем краски. Храм кое-как отремонтировали, в одном из его приделов оборудовали кочегарку, в другом – диспетчерскую и кассу. А ведь именно с этого храма начиналась церковная жизнь Полевского, и с его официальным закрытием она искусственно была прекращена на 50 лет. Но, по свидетельству старожилов, духовные верования моих земляков, как я уже говорил, не прервались – просто они на многие годы переместились в подполье: немало людей по-прежнему сохраняли в душе православную веру.

Старейшая жительница нашего города Галина Федоровна Шахмина поделилась со мной такими воспоминаниями:

«Рождество и Пасху мы отмечали каждый год, пели церковные славославия Христу. Собирались тайно и потихоньку сами совершали молебны. Незнакомым людям об этом не рассказывали: время было безбожное – за такие дела запросто можно было лишиться работы».

Еще одна полевчанка, Мария Прокопьевна Андреева, рассказала: когда однажды воспитательница детского сада увидела на детях Андреевой нателные крестики, то вызвала Марию Прокопьевну к себе и потребовала немедленно снять крестики. «Мне ничего другого не оставалось, как тут же подчиниться», – с горечью и обидой заключила моя собеседница.

Автовокзал в здании церкви просуществовал до конца 1980-х годов. Промыслом Божиим верные христиане начали возрождение церковной жизни в Полевском и принялись за восстановление православной святыни – Петро-Павловского храма, который, несмотря на тяжелые исторические перипетии, сохранился, был отреставрирован и вновь священнодействует.

Думаю, восстановление здания церкви оказалось делом непростым, но возможным.

¹Журнал «Знание - сила», №11, 1959 год.

Гораздо труднее восстановить сейчас в русском народе утерянную духовность, которая копилась многими поколениями людей.

Убежден, что каждого человека в определенных рамках держат вера или страх. Страх на советский народ власти нагоняли много, даже слишком. Что же касается веры, то с ослаблением православия в Стране Советов нарождалась новая генерация без веры и «без царя в голове».

Страшная встряска в политической жизни государства изменила всех и все, и не так скоро можно было поправиться после того России. Люди, попавшие в катаклизмы советской эпохи, вырванные на десятки лет из их упорядоченного быта, из когда-то привычной социальной среды, «теряли голову», метались в поисках своего места в катастрофически быстро меняющихся обстоятельствах и становились похожими на степное растение «перекати-поле».

Что же касается современного человека (как рядовых граждан, так и чиновников высокого ранга), то его попросту выпустили из духовного вакуума и поместили в атмосферу нравственной сумятицы. Идейная, да и моральная деградация людей достигли непредсказуемого уровня. «Семена» бездуховности, брошенные в почву безнравственности, проросли вместе с «сорняками»: культом беспринципности, насилия, эгоизма, потребительского отношения к жизни. И в первую очередь это коснулось молодежи.

Я считаю, что современная молодежь России должна со всей ответственностью формировать в себе честное отношение к многовековой памяти, в том числе и православной. Теперь, когда многие промахи и заблуждения наших предков в исторической ретроспективе вполне очевидны, объяснимы и понятны, новым поколениям проще проявлять здравую настойчивость, чтобы уберечься от повторения ошибок прошлого.

Глава 3. Советское судопроизводство. «В условиях неочевидности...».

*«Осуждение невиновного есть
осуждение самих судей...»*

Сенека.

В том же учебнике по Конституции СССР в статье под названием «Советский суд и его задачи» говорится, что суд необходим советскому государству для борьбы с врагами.

В ту пору людям внушали: страна кишит шпионами, диверсантами, террористами, враги организуют на производствах, в колхозах, артелях диверсии и террористические акты, готовятся убить дорогого товарища Сталина. Такова была официальная версия. На самом же деле простые граждане страны многого не знали и не понимали – все исходящее от высшего партийного начальства считалось ими безоговорочно законным.

Следует также отметить, что великий вождь, а под его руководством и советский суд, никогда не щадили людей своей страны: вся власть держалась на лагерях и на штыках, на заведомо сфабрикованных обвинениях, которыми силовые структуры привычно обосновывали аресты.

Как известно из истории, повсюду царил использование правоохранительных органов и судов для сведения счетов и мести «врагам» – гражданам, не угодным властям.

Хуже того, в сталинский период суды часто подменялись повсеместно созданными особыми Тройками для внесудебного рассмотрения дел.

Одни жертвы, наскоро осужденные и приговоренные к смерти этими так называемыми Тройками, не вынесшие фантастичности осуждений и издевательств, погибали сразу же после ареста или своеобразных «допросов», а по сути – пыток, другие – пожизненно томились в застенках.

Зачастую правоохранительные органы сами искусственно порождали «волну преступлений» и сами же потом за них карали, работая в органах НКВД, прокуратуре, суде.

Приведу пример о «справедливости» суда в Стране Советов не из учебника, а из реальной жизни – он основан на воспоминаниях Леонида Александровича Голубева, бывшего директора средней школы № 3 города Полевского.

В 30-е годы дед Леонида Голубева был объявлен кулаком, и всю его семью насильно сослали в Сибирь, где взрослые и дети вдосталь хлебнули лиха...

К слову сказать, половина населения советской страны за годы правления Сталина перебивала в тюрьмах и ссылках, отлично усвоив поговорку «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». Вот и 19-летнего Леонида Голубева арестовали якобы за поджог детского дома, в котором он работал.

– Ну-ка, расскажи, сын кулака, как тебя подговаривали директор детдома и твой отец, эти «враги народа», поджечь детский дом, – сказал следователь во время допроса.

– Неправда! – закричал Леонид. – Мой отец – честный человек! Он работает счетоводом в артели!

– Работал, а теперь в КПЗ сидит! – зло сообщил следователь и велел оперативнику, – Приведи-ка сюда старика Голубева!

Через несколько минут часовой завел в комнату Александра Ивановича, который обвинялся по статье 58 Уголовного Кодекса РСФСР.

В те годы обман и волокита в чиновничьих кабинетах доводились до совершенства, и миллионы советских людей оказывались в заключении или ссылке по этой пресловутой статье.

Их родственники также рисковали потерять свободу: государственная политика подняла уровень стресса, связанного с арестом кого-либо из членов семьи, до степени смертельной угрозы. Так, молодого учителя Леонида Александровича Голубева даже после того, как расстреляли его отца, продолжали обвинять в поджоге детдома, обливали ледяной водой, подолгу не давали еды и питья, периодически держали в карцере, избивали.

Как высказывался Цицерон о несовершенстве судопроизводства, «для любого обвинения желательнее всего признание самого обвиняемого».

Но ни шантажом, ни угрозами Леонида не заставили признать несуществующую вину – не было в поступках этого честного педагога ничего предосудительного: единственная его «вина» заключалась в том, что жил он в бездушной атмосфере тоталитарного государства, где речи не было ни о свободе, ни о справедливости.

Только через год Леонид Александрович был оправдан, как было сказано в решении суда, «в условиях неочевидности совершения преступления». Реабилитировали же Голубева и его отца, как и большинство их сограждан, лишь спустя много лет...

Вопреки провозглашенному властями и четко прописанному в школьном учебнике утверждению, что «советский суд – самый справедливый суд в мире», в юридической системе сталинской эпохи культивировалась политика обесценивания человеческой жизни, царило полное смещение всех правовых представлений, заключающееся в чрезвычайной секретности и закрытости судопроизводства, а «обвинительный уклон» оставался преобладающим в судебно-следственной практике.

В том же учебнике Конституции для 7 класса разъясняется, что советский суд был крайне необходим «для обеспечения среди трудящихся новой социалистической дисциплины».

И затем автор приводит примеры, что за неявку на работу без уважительной причины, за самовольный уход с работы, за выпуск недоброкачественной продукции и т.д. и т.п. граждане Страны Советов могли быть приговорены судом к исправительно-трудовым работам или тюремному заключению на различные сроки.

По моему мнению, по этой статье запросто могли осудить большое количество народа.

Например, от бывшего учителя физкультуры средней школы № 17 Геннадия Васильевича Гилева я узнал о подобном случае в судьбе его двоюродной сестры: вместе с другими девочками 18-летняя Зинаида Новикова работала на рубке пихтового лапника для завода, который занимался выгонкой пихтового масла.

Труд с утренней зари до темной ночи, голод, холод, болезни. После смерти отца и матери Зина решила бросить работу и с помощью добрых людей уехать из Богом проклятых мест. Но нашлась «доброжелательница» и донесла властям – девушку схватили, осудили и этапировали в ссылку, где ее ждала непосильная, каторжная работа на лесоповале.

Полагаю, именно таким образом власти заботились об обеспечении среди трудящихся «новой социалистической дисциплины». И такая вакханалия шла по всем регионам.

В учебнике я также прочитал, что советский суд наказывает граждан страны «за хищение государственной собственности».

Мои респонденты привели мне немало примеров вовсе незначительных по нынешним меркам «хищений государственной собственности», за которые люди, тем не менее, жестоко карались судом. Появился даже закон «о трех колосках», в котором говорится, что каждого пойманного с горстью колхозного хлеба ждет суровая кара, так как воровство зерна – это, как написано в учебнике, «антисоветское действие».

По словам моего научного руководителя, нередко измученные матери прятали в подгиг юбки зернышки с уже убранного поля, чтоб ребятишкам принести. И там находили. Вытряхивали и отправляли виновных в тюремное заключение.

«В 1944 году мою маму посадили в тюрьму на три года за то, что она принесла с колхозного поля две горстки зерна, чтобы накормить детей. Я осталась одна с младшей сестрой и братьями, пришлось пойти работать, так как я была самая старшая. Жили в бараке, бедно, кушать было нечего, ходили в поле собирать мерзлую картошку»¹.

Или еще пример: осталась женщина с четырьмя детьми без мужа – он на войне погиб. Четырьмя! В голодный год... И не удержалось сердце материнское: каково же это – видеть близкую голодную смерть своего ребенка? Убирали картофель – это главная для Урала сельскохозяйственная культура была. Женщина и унесла несколько клубней. Ее арестовали. Мать четверых малолетних детей получила семь лет заключения. По году тюрьмы за каждый клубень!² Надо отметить, что это не единичный факт.

В эпоху сталинского правления колесо «самого справедливого в мире судопроизводства» безжалостно проехало и по людям, осужденным указами вождя за опоздание на работу, невыполнение трудового дня или такие мелкие хищения, как, например, кусок мыла на работе. И люди подчинялись этой бесчеловечной политике «великого вождя всех времен и народов»!

Вспоминает Вера Петровна Полищук, бывший учитель истории школы поселка Станционный-Полевской: «Мне было 9 лет, когда умер Иосиф Сталин. Наша семья проживала недалеко от железнодорожного вокзала, и я помню, как в день похорон вождя с раннего утра и потом в течение целого дня до нашего дома доносились не прекращающиеся паровозные гудки. Папа был на работе. Мой пятилетний братишка капризничал и все просил, чтобы его «пекатали на паровозике». Бабушка и мама слушали радио и громко рыдали, причитая: «Как же мы теперь будем жить?!»

Слушая эти воспоминания, я подумал, что тогда, в условиях тоталитарного государства, многие граждане Страны Советов жили, на мой взгляд, вечными несмышленищами при мудром «отце народов», который все за всех решал. Знамя его побед над собственным народом в те времена было окрашено в цвета величия и непогрешимой святости.

¹Из воспоминаний Винайкиной В.В., жительницы нашего города.

²Со слов жительницы Полевского Сяловой С.А.

Вера Петровна продолжала свой рассказ: «Помню, что только дедушка, казалось, никак не реагировал на происходящее: прислонившись к печи, сидел бледный и молчаливый. Но потом тайком быстро перекрестился и прошептал: «Слава Богу, отмучились!..»

Став старше, я узнала, что брат моего деда, рабочий паровозного депо, был арестован как «диверсант и враг народа» вместе с двумя его сослуживцами. Через месяц все трое были подвешены под расстрельную статью...»

Этот и предыдущие факты навели меня на грустные размышления о том, какая же чудовищно беззаконная машина уничтожения безвинных людей была создана в те годы в Стране Советов!

Мои респонденты подтвердили, что нынешним поколениям трудно понять, почему советская тоталитарная система была нацелена исключительно на «служение интересам и политике партии и государства», причем, весьма сомнительным, а не таким ценностям, как справедливость и объективность. Понятие «социалистическая законность» являлось в ту пору таким же абсурдным, как, например, понятие «сухая вода».

Анализируя учебник по Конституции советской эпохи, я сделал для себя вывод, что его автор полностью зависел от политической системы, в которой жил, и попросту выполнял социальный заказ – пел гимн вождям и стране развитого социализма.

Отсюда нелепицы и неразбериха в приведении фактов. Книга была рассчитана на школьников, у которых мнения и взгляды на жизнь еще четко не сформировались. К тому же красочные иллюстрации демонстрировали грандиозность масштабов социалистического строительства и затмевали печальную историческую правду о том, какими человеческими жертвами это строительство свершалось.

Сейчас, в современной российской школе, тема политических ссылок и репрессий практически не рассматривается. Достаточно сказать, что в утвержденных Министерством образования РФ учебных программах этой теме отводится не более двух часов, а в школьных учебниках – одна-две печатные страницы. Но это наша история, а потому изучение ее печальных событий – знак памяти и дань уважения тысячам невинно пострадавших.

Глава 4. Раскрестьянивание. «В жерновах коллективизации...»

*«Хочу, чтобы люди знали
и помнили, как это было...».*

Акмал Икрамов Камил

Учебники 1930-40-х годов... Когда я просмотрел несколько пособий по обучению грамоте и учебников русского языка, у меня сложилось твердое убеждение, что они были не просто учебными пособиями, по которым школьников учили грамотно писать.

Все учебники того периода были насквозь пронизаны плакатной идеологией правящей в стране системы, восхвалением социалистического строя, Коммунистической партии и лично товарища Сталина.

Каждая страница школьных книг и практически все приведенные в них письменные упражнения и правила, предложения и устные задания внушали детям, что они живут в самой могучей, самой свободной и самой справедливой в мире стране!

А чего стоят одни только названия текстов –

«Как было раньше» (рассказ колхозницы Смирновой), «Классовый враг не спит», «Капиталистические страны и Страна Советов», «У нас и у них», «Чему учил нас Ленин»

(рассказ рабочего Иванова), «Введем ответственность», статья Н.К. Крупской «Наш Иосиф Виссарионович Сталин» и другие, которые зачастую вступали в противоречие с реальной действительностью.

Протицирую несколько предложений из текста «Наш колхоз» из учебника 1936 года¹, предназначенных для тренировки правописания, а по сути – агитирующих за колхозы. «Весело и споро работает колхоз. Работу в поле и на жатве выполнили до срока. Хороши удои у колхозных коров. Лошади у колхоза сытые. Бригада с утра дотемна убирала сено. Ни одного кило сена не пропало у колхозников...» И так далее.

В учебнике можно прочитать также сведения о преимуществах колхозного образа жизни: «Одно горе было матерям с детьми раньше. Теперь в редком колхозе нет яслей. Там за детьми хороший уход. Детей в яслях кормят по часам. У каждого ребенка – чистая постелька. Редкая мать не несет детей в колхозные ясли...»

А вот еще один текст: «Осипу уже 50 лет. С семи лет работал он на барина в стужу и в дождь. Немало бед испытал Осип у барина. Теперь Осип работает в колхозе. Он развел рыбу в колхозном пруду. Осип – ударник. Хорошо Осипу в колхозе!»

В книге есть рассказ и о жизни рабочих: «Гудки заводов звали к труду. Сотни рабочих вышли из домов и поспешили к заводам. Задымились трубы, закипела работа. Хороша жизнь в Стране Советов!»

Читаю хвалебные фразы о социалистическом соревновании или другие, например: «Приехал Иван Чуркин из Красной Армии. Скоро вступил Иван в колхоз, стал бригадиром, жил и работал по часам. Ни один день у него не пропадал даром. По его примеру стали и другие бригадиры учитывать работу по часам».

Или такие: «В колхозе не было радио. Яше 15 лет. Прочитал Яша книги о радио, год собирал разные части. Яша добился своего. Теперь в колхозе хорошо: все слушают радио».

А вот еще: «После жаркой летней работы все уснули. Но не спят ударники колхоза! Потому что их колхоз отстал от соседнего. Подумали и порешили: поставим работу по-иному...»

Скажите, наивно? Отнюдь, нет. В те времена такие вещи воспринимались непосредственным и неукоснительным руководством к действию.

Многие страницы учебника обучения грамоте убеждали учеников в правильности и неизбежности мыслей и решений великого вождя Иосифа Сталина о беспощадной борьбе с лентяями, кулаками и другими врагами колхозного движения.

Например, в тексте «Лодырей из колхоза вон!» школьники читали: «Лодыри – колхозу помеха. Вот был у нас Иван Косой. Мы на работу, а он норовит в сарай уйти на сено. Мы пашем, косим, а он курит или спит. Таких колхозников нам не надо. Лодырей, помогающих таким поведением врагам, из колхоза вон!»

А теперь хочу обратиться к фактам из жизни, разоблачающим мифы, напечатанные в учебниках. По воспоминаниям старожилов, в нашем районе – в селе Раскуиха – тоже был колхоз под названием «Красный пахарь», но постепенно он пришел в упадок и распался.

По мнению руководителей района, это случилось потому, что в колхоз якобы «пришло много лентяев и пьяниц». На мой взгляд, подобное обоснование выглядит недостаточным достоверным, потому что на этих людей попросту списывались проблемы, возникающие из-за недальновидной политики властей. Попробую подтвердить мои предположения об истинных причинах, по которым исчез колхоз, документами, найденными в городском архиве².

Большинство жителей деревни тех лет (именно их воспоминания хранятся в архиве) сходились во мнении, что первые годы существования созданного колхоза вспоминаются им как «очень тяжелые».

¹Учебник русского языка 1932 года. Авторы Иванов Р.И., Соколов В.С.

²Материалы Полевского городского архива. Ф.1. Ед.хр.35. Л.11.12.

Пока люди не привыкли работать все вместе, они «трудно притирались друг к другу», производительность труда падала. По сведениям колхозников, зарплата была в то время очень низкой: по сути, люди в коллективном хозяйстве почти ничего не зарабатывали – «одни палочки», означавшие количество трудодней. А выплата по ним – в конце года. «Как прокормить семью с оравой детей?» – вопрошает колхозник Талашманов П.И.¹

Как показывает история, государство этот факт абсолютно не волновал. Крестьян фактически грабили узаконенным способом.

По мнению респондентов, из-за низкой оплаты труда или замены ее формальными трудоднями сталинские власти искусственно превращали нормальных колхозников в «воров» и «лентяев», которые вынужденно скрывались от работы и начальства, живя в атмосфере бесконечного насилия и страха. Люди не хотели работать даром, уклоняясь от бесплатного труда, наверное, как везде и во все времена.

Вместе с нежеланием работать крестьяне, вступившие в коллективное хозяйство, потеряли чувство ответственности за результаты труда и постепенно перестали держаться за свою землю и дорожить ею как семейным достоянием.

А сейчас процитирую несколько текстов учебника 1936 года². Например, этот имеет явную идеологическую окраску борьбы с кулачеством:

«Селькор Жуков написал в «Правду» письмо. В правлении колхоза засели Коньков и Оськин. Коньков – кулак. Оськин раньше держал лавку. В колхозе – только убытки. Борьбу с кулаками никто не ведет. «Правда» проверила письмо селькора. Раскрыла проделки кулаков. Обнаружила кражу. Передали дело в суд. Суд осудил кулаков на 10 лет».

Текстами, подобными приведенному ниже, школьников призывали быть непримиримыми и смелыми в беспощадной борьбе с «врагами советской власти».

Приведу отрывок из текста «Подвиг конюха Астахова»: «Вор нанес Астахову несколько ударов ножом. Астахов поймал лезвие ножа, изрезал всю ладонь. Потом конюх увидел, что другой вор уводит трех коней. Рванулся Астахов, оставил в руках врага полрубahi. Забежал в палатку, взял ружье и бросился в погоню. Он догнал воров и открыл по ним стрельбу. Воры оставили лошадей и бросились бежать. Истекая кровью, Астахов забрал лошадей и на заре вернулся в загон. Правление колхоза премировало Астахова».

Подвиг смелого конюха, который во время ночного вступил в борьбу с врагами, спасая колхозных лошадей, непременно должен был вызвать у школьников желание быть похожими на героя и, если потребуется, так же пожертвовать собой ради общего добра.

Иду в своем исследовании дальше. В нашем школьном музее есть учебник русского языка для 9 класса за 1932 год³, где в пояснении, предназначенном для учителя, написано: «Советская школа готовит активных и сознательных строителей социализма. Работа по русскому языку должна помочь этой цели. Исходя из постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, авторы дают в книге материал для систематической работы по русскому языку, способствующий формированию социалистического самосознания школьников».

В тексте этого учебника под заголовком «Ликвидировать кулачество», представляющем собой отрывок из речи товарища Сталина, я прочитал, что кулак – это враг советской власти, с которым в стране идет беспощадная борьба.

Сталин говорит: «Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса. Мы терпели этих кровопийц, пауков, вампиров, проводя политику ограничения их эксплуататорских тенденций. Политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики...». И так далее.

¹Материалы Полевского городского архива. Ф. 1. Ед. хр. 35. Л. 11, 12.

²Воскресенская В., Павловская Р. Букварь для школ грамоты. М., Госпедиздат, 1936.

³Аванесов Р.И., Соколов В.С. Учебник русского языка. М., Госпедиздат, 1932.

В феврале 1933 г. на I-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников Сталин произнес речь, в которой привёл данные о том, что на каждые 100 дворов в деревне можно было считать 4-5 кулацких, 8-10 дворов зажиточных, 45-50 середняцких, 35 бедняцких.

«Развернув колхозное строительство, – с гордостью сказал великий вождь, – мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и... разбили кулацкую кабалу».

Несложно представить, сколько человек в любой деревне попадало в разряд «ликвидированных как класс», если учесть, что в каждой «кулацкой» семье было в среднем 7-8 человек!

Читаю в том же «Учебнике русского языка» такое стихотворение:

Весь колхоз трудом охвачен,

Жизнь бурлива, как река,

Наша главная задача –

Вырвать с корнем кулака!

Могу себе представить, как повлияли подобные стихи на взгляды учеников!

Благодаря текстам учебников, у подростков формировали определенное, удобное для властей, мировоззрение, и воспитывали из них все новых Павликов Морозовых, готовых все «вырвать с корнем».

Хочу заметить, что в нашем регионе – в бывшей Уральской области – также активизировались меры подобной «социализации» жизни людей, которые особенно усилились с приходом на должность I секретаря Обкома партии Ивана Дмитриевича Кабакова.

Так называемое «Время Кабакова» (20-30-е годы прошлого века) на Урале было сложным и противоречивым: на него пришлись пик сплошной коллективизации и такие же перегибы в колхозном движении, как и в других регионах страны.

Будучи человеком своего времени, верным сторонником линии партии, коммунист Кабаков не просто строил социализм – он активно, по его глубокому убеждению, боролся с врагами этого строительства, чем нанес большой урон коллективизации в деревне, причислив к кулакам многих честных тружеников¹.

Мой респондент Алексей Николаевич Кожевников рассказывал, что в те годы его родители, как и многие другие сельчане, не избежали репрессивных мер, которые применялись в отношении зажиточных крестьян для достижения экономических целей, намеченных партией большевиков.

Это время было сложным и противоречивым для деревни: наша Свердловская область, как и страна в целом, переживала тяжелые потрясения, порожденные форсированным «прыжком в социализм»².

В годы так называемой «добровольной» коллективизации сталинские власти жестоко раскулачивали и насильно распределяли по колхозам миллионы крестьянских тружеников.

Шла политика обобществления крестьянских хозяйств, властям необходимо было запугивать людей, а потому они отыскивали среди простых крестьян «подкулачников», «вредителей», устраивали «показательные» суды. Тех, кто отказывался вступать в коллективные хозяйства, отправляли в бессрочную ссылку в суровую сибирскую глухомань и другие гиблые места Советского Союза, и судьбы этих людей «обрывались, как тонкие нити».

Партийные секретари вместе с чекистами «прочесывали страну широкозахватным методом, арестовывая и уничтожая беззащитных людей собственной страны»³.

Так тысячи тружеников-земледельцев, которые умели и любили трудиться, были силой оторваны от своей земли и своих хозяйств. Причем кулаком мог быть признан любой трудолюбивый крестьянин. Потому что государство требовало от рачительного хозяина отдать в общее

¹Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 227.

²Там же.

³Там же.

пользование лошадей, коров, а если человек не подчинялся, то просто забирали животных насильно. Люди плакали, расставаясь с любимцами, и молили: «Только бы не попали в руки разгильдяев, пьяниц и лодырей!»

Читаю в учебнике¹ текст «Наш колхоз», в котором говорится, что на пути его организации было много трудностей, кулаки всячески мешали беднякам, но жители деревни добились своего, и колхоз был организован. Более того, колхозники «забрали у кулаков 240 мешков зерна» и вовремя закончили начатый сев.

В те времена по указанию товарища Сталина у кулаков безоговорочно отбирали имущество и передавали в фонды колхозов.

Мой респондент А.Н. Кожевников подтвердил, что когда его дед отказался вступить в коммуну, к нему в дом пришла колхозная «гольтьба», и все нажитое отняли – дед простился и с жеребцом, и с коровой.

В ходе работы над исследованием я прочитал в местной газете «Диалог» статью настоятеля Петро-Павловского храма протоиерея Сергия Рыбчака, где он делится своими мыслями об этих исторических событиях:

«Я понял схему уничтожения русского крестьянства. Конечно, и раньше знал, что это такое. Мои дедушка и бабушка были колхозниками, жили на трудодни без всякой зарплаты, не имея права покинуть колхоз. Практически это было крепостное право, хуже, чем при царизме»².

Далее священник пишет: «Для себя я открыл схему раскулачивания нормального делового крестьянства. С точки зрения разгильдя-бедняка, если сосед имел корову и лошадь, все это вызывало злость и зависть, и его приравнивали к «кулаку» или «загоняли в коллективное хозяйство».

Со слов отца Сергия я понял, что именно так создавались и укреплялись колхозы, и постепенно государство отрывало крестьян от земли:

«Крепкий, работоспособный слой крестьянства был полностью выкошен, раздроблен, оторван от земли и репрессирован. А ведь именно у него была настоящая душа русского человека, сохранялась православная вера! Поэтому сюда и было направлено главное острие Советской власти, именно здесь были подорваны корни русского духа.

Зная историю непростой судьбы моих предков, я изучил несколько серьезных трудов о том, как уничтожалось русское крестьянство, и пережил настоящий ужас от того, что происходило»³.

Такая вот шла в Стране Советов борьба с «врагами», к которым причисляли многих честных тружеников, а из-за излишнего администрирования и недальновидной хозяйственной политики партийных лидеров возникало немало проблем.

Нередко можно было слышать из их уст такие рассуждения: «Нашему народу нужна хорошая встряска, тогда он начнет работать». И такие жестокие «встряски», описанные моими респондентами, наносили большой урон развитию деревни.

Люди просто разучились сообща работать на земле. Могут судить по нашему городу. Там, где когда-то, по свидетельствам старших поколений моей семьи, простирались бескрайние совхозные угодья, я вижу, что одни поля по истечении времени полностью заросли травой, а другие застраиваются многочисленными коттеджными поселками – другого применения земле просто не находится.

Теперь, через восемь с лишним десятков лет после коллективизации, стало ясно, что многим истинным труженикам-крестьянам не суждено больше вернуться к матушке-земле. Ничего не осталось ни от колхозов, ни от совхозов, которые когда-то создавались с таким трудом и ценой тысяч и тысяч человеческих жизней. Сейчас в нашем районе действуют

¹Р.И. Соколов В.С. Учебник русского языка. М., 1932.

²Рыбчак С. История Полевского глазами священнослужителя // Диалог, 11.09.2008.

³Там же.

лишь одно-два небольших фермерских хозяйства.

Правда, сейчас государство проводит новую аграрную политику. К счастью, она направлена на поддержку именно отечественного производителя.

Глава 5. «О жизни типичной, трагичной, но все-таки счастливой...»

«Что такое счастье – это каждый понимал по-своему...»

Аркадий Гайдар

Как бывшего школьника, меня в ходе исследования, естественно, интересовало, чем же жили ученики тех лет, что их волновало, какими были их интересы. Общаясь с моими респондентами, читая учебники, я снова и снова приходил к выводу, что вся жизнь в тоталитарной стране была типична – в том числе, и для советской школы, которая тоже все время находилась под мощным контролем партийных органов.

Повторюсь, что уникальные материалы записей с ежегодных областных курсов пионервожатой Фаины Петровны Кулаковой также подтверждают мое мнение о том, что вся работа педагогов шла в соответствии с указаниями КПСС по любым направлениям учебно-воспитательной деятельности советской школы. В одной из курсовых тетрадей читаю, например, выдержки из партийных директив по вопросам пионерского движения, которые включают систему идейно-политического воспитания пионеров-ленинцев, в том числе формирования у них коммунистических убеждений, любви к Родине и ненависти к врагам революции – причем, на примере жизни и деятельности В.И. Ленина.

Интересным мне показался рассказ бывшего директора средней школы №1 Аллы Сергеевны Полежаевой о вступлении школьников в ряды ВЛКСМ. По ее словам, до каждой школы доводился ежемесячный план и график приема. Так было, когда пионерка Алла вступала в комсомол, ничего не изменилось в этой привычной для всех процедуре и тогда, когда Алла Сергеевна стала директором.

Сначала ребята долго готовились, учили Устав ВЛКСМ, затем их первоначально принимали на заседании школьного комитета комсомола, а затем приводили в ГК ВЛКСМ, где проходило заседание бюро. Сопровождал группу вожатый или кто-либо из комсомольцев-учителей. Школьников по одному вызывали в кабинет секретаря горкома комсомола и задавали вопросы – в основном, по Уставу или текущей политике партии.

Нередко спрашивали фамилии партийных и комсомольских деятелей страны и руководителей местных органов власти, а пионеры, они же будущие комсомольцы, зачем-то должны были знать эти имена наизусть. Так из детей под лозунгом «От алых галстуков ребят – до красных книжек партбилета!» уже в школьные годы формировали верных партийцев, убежденных «борцов за коммунизм».

Листая страницы школьных учебников, по которым учились советские дети, детально изучая художественную литературу и тексты периодических изданий тех лет, я все больше убеждался в следующем. Не только учебники, но и все пионерские и комсомольские газеты и журналы были направлены на формирование у ребенка ощущения, что он живет в стране с чудесным будущим, название которой – Союз Советских Социалистических Республик. А значит, каждый советский ребенок, родившийся в большой и дружной Стране Советов – самый счастливый человек на земле!

Во время беседы 75-летняя Людмила Яковлевна Кузнецова, бывшая учительница начальных классов, поделилась со мной, что молодость ее поколения проходила под влиянием

материалов школьных уроков «о титанических свершениях советского народа», и ученикам тех лет это казалось предельно ясным. Она и ее сверстники старались походить на почти мифических «строителей коммунизма», возведенных тогдашней литературой и книгами школьной программы на пьедестал гремящей славы, и не замечали или снисходительно мирились с живущими рядом людьми, которые казались им досадно обычными. К тому же подростки не имели возможности узнать другую правду о настоящем человеческом счастье, об истинной «свободе» в Стране Советов или о «несвободе» в капиталистических странах.

«В наши молодые годы, благодаря усилиям коммунистической пропаганды, к дореволюционному прошлому своей страны и жизни «несчастных» людей во Франции, Англии и других западных странах мы чаще всего относились с жалостью и даже презрением», – поделился со мной Станислав Тимофеевич Тараканов, бывший учитель физики нашей школы № 17.

«Но потом, когда, повзрослев, мы начали делать попытки самостоятельно осмыслить и сопоставить плакатную идеологию и знания из школьных учебников, – продолжал он, – то хорошо усвоили все контрасты и преимущества жизни «здесь у нас» и «там у них».

Слушая его мнение, я подумал: скорее всего, такое сравнение было бы далеко не в пользу Страны Советов.

Чем тщательнее я анализировал документы и архивы школьного музея, записи воспоминаний людей о 40-50-х годах, чем внимательнее слушал рассказы моих респондентов, тем ярче проявлялся контраст между картинками счастливого детства в советской стране, показанными в учебниках и книгах, и теми тяжелыми условиями, которые составляли реальный быт учащихся и их семей.

Сужу об этом, прежде всего, на основании моей встречи с учителем немецкого языка средней школы № 14 Тамарой Афанасьевной Брагиной. Когда она услышала мою просьбу рассказать о повседневной жизни их семьи, когда она была школьницей, то очень удивилась. Потом стала вспоминать свое «счастливое» детство в родном доме. Например, о том, что жили они в бедности в коммунальной квартире: в одной комнате – их семья, во второй – еще три родных сестры папы.

Папа был слесарем на металлургическом заводе, мама работала на этом же заводе маляром. Материальный достаток по тем временам был невысоким, едва хватало на жизнь.

Тамара хорошо помнит свой «праздничный наряд». Мама купила на базаре поношенное, большого размера платье из тонкой шерсти – сиреневое, с мелкими полосками. Из него дочке сшили обновку ко дню рождения. Тамара очень радовалась своему «новому» платью.

А парусиновые белые туфли она тоже никогда не забудет. Девочка постоянно чистила их зубным порошком, чтобы туфли выглядели как только что из магазина. То единственное сиреневое платье с тесёмками и эти белые парусиновые туфли мама носить каждый день не разрешала. Только «на выход». В будние дни Тамара бегала в шароварах на верёвке – старые резинки давно растянулись. На ногах были растоптанные тапки, а чаще и вовсе приходилось бегать босиком.

Во время нашего общения еще один респондент – Валентина Ивановна Завьялова, бывший учитель истории средней школы № 17, поведала мне, как в послевоенные годы приходилось страдать от холода, если ты обут в ботинки на деревянной подошве! Ноги мерзли, промокали. До сих пор помнится ей звук этих подошв по деревянным тротуарам.

«Одевались, кто как мог, чулки из ваты вязали. Кто-то отдал моей маме немецкую шинель, видимо, осталась после войны от пленного, и она сшила мне пальто. Так я и ходила в этой ненавистной мне «фашистской» одежде», – закончила Валентина Ивановна свой рассказ.

Услышав историю Тамары Алексеевны Дороховой (1934 года рождения), бывшего учителя математики средней школы № 17, я с особым интересом смотрю на музейный экспонат – лапти.

«Маме одной пришлось растить восьмерых детей, отец погиб на фронте, – рассказывала Тамара Алексеевна, – Чтобы прокормить такую «ораву», мама целые дни работала, где только можно: копала огороды, стирала людям белье, вечерами с ребятами ходила собирать на поле оставшиеся овощи и колоски. Питание было плохое, но в школе все-таки выдавали по 50 граммов хлеба. Вместо портфелей мы носили самодельные холщевые сумки, а к ним привязаны были чернильницы-непроливашки. Валенки – одни на всех. Остальные дети – либо в ботинках, либо в лаптях. В школе дров не было. Мы каждый день шли на уроки с поленом в руке. Весной сами заготавливали дрова на следующую зиму...».

Тамара Афанасьевна Брагина также вспоминала, что дети советской эпохи вынуждены были сами запасать дрова для школьной котельной. Учебников не хватало, выдавали один учебник на пять человек. Тетради сшивали из обыкновенной газеты: разрезали газету, прихватывали листки иголкой с белой ниткой, получалась тетрадка. Писали на такой тетрадке между строчками пером, привязанным к палочке, учили уроки по ночам при свете коптилки, читали при свете печки-буржуйки.

От нее я узнал, что за хорошую учебу в течение одного месяца школьникам давали бесплатные талоны на обед в городскую столовую, устроенную специально для всех школ города. Вставая в очереди, можно было получить тарелку горячего супа с мороженой капустой и кусочек ржаного хлеба с «маргуселином» – это что-то похожее на заменитель маргарина сегодня. Давали чай со сладкими кристалликами сахарина. «Наешься, а ощущение голода остаётся. Час пройдёт, и под ложечкой снова сосёт – спасу нет! Опять кушать хочется!» – говорила Тамара Афанасьевна.

Бывший сослуживец моего деда Борис Федорович Мамаев вспоминает: «Семья наша долгое время жила в поселке Монетный в 30 километрах от Свердловска. Все мужчины и женщины работали на местном торфяном заводе. Торф служил топливом и заменял уголь и дрова. Даже лозунг такой висел на конторе: «Нужен торф для завода как хлеб для народа!» После уроков нас, школьников, часто отправляли помогать рабочим. Помню, как в 1950 году мы, 14-летние подростки, попарно таскали тяжеленные тележки с сырыми торфяными брикетами сначала в сушилку, а потом отвозили уже высушенные торфяные кирпичики на склад. За эту работу нам выдавали по 100 граммов хлеба и талон на обед. Он состоял из «затирухи» (это такая кашка из разведенной водой и затем поджаренной муки) и кружки сладкого чая. Ради этой награды мы «пластались» по 4-5 часов ежедневно! А теперь ответ: «До учебников ли нам было после такой тяжелой работы?» – вопросом закончил свое воспоминание мой собеседник.

Евгения Семеновна Борисова, ветеран педагогического труда школы № 18, так вспоминала о своем детстве: чтобы купить хлеба, надо было с 7 часов вечера занять очередь, которая писалась на руке. Тетя занимала очередь вечером, мама караулила ночью, чтобы не вычеркнули из списка. Вечером Жене писали номер на руке и утром отправляли на целый день в булочную ждать, когда привезут хлеб. Не дай бог опоздать на переключку – из списка вычеркивали, и хлеба в этот день нельзя было купить. Евгения Семеновна помнит случай, когда она однажды привычно опустила руку в карман, но карточек там не оказалось. Женя быстро убежала из очереди, а дома забралась под кровать и долго плакала. К слову сказать, весной 1947 года мама нашла те злополучные хлебные карточки в подкладке рваного пальто, когда со слезами убирала дочкину ветхую одежду в кладовку. Евгения Семеновна передала те карточки, как драгоценную реликвию, на хранение в школьный музей, и там во время экскурсий их часто показывают удивленным ученикам. Я их тоже видел.

Хочу привести содержание интервью, которое Вера Куминова¹, выпускница 1989 года нашей школы, взяла у своей бабушки: «Летом 1946 года учитель биологии пригласил нас,

¹Запись этого воспоминания хранится в школьном музее.

девчонку, в кружок по сбору лекарственного сырья. Рабочий день мы начинали в шесть утра. Собирались у школы и вместе с учителем шли в лес собирать лекарственные травы. Дома все собранное сырье «обрабатывали», высушивали и сдавали в виде готовой продукции в аптеку».

Я узнал, что во время привалов каждая девочка доставала принесенный из дома кузовок, все припасы выкладывали на общую холстину, и дети устраивали трапезу из вареной картошки, морковки, репы, бобов и гороха. Прочитав эти воспоминания, я удивился, из каких простых продуктов состоял обед школьников. Главной же радостью был для детей итог работы по сбору лекарственных трав: учитывая по весу сданное сырье, им выдавали талончики на хлеб по 100 и 200 граммов. Талончики были малюсенькие, но девчонки радостно мчались домой, зажав в руке эти крохотные бумажки, ставшие доведением к семейному бюджету.

В нашем школьном музее хранятся сочинения учащихся разных лет и выпускников школы, которые могут служить хорошей иллюстрацией к рассказам о жизни советских детей после войны. Я все их прочитал и сделал выборку наиболее интересных фактов той трудной поры.

«В семье моей бабушки было пять детей, а она старшая. Родители целыми днями были на заводе. Бабушка вспоминает, как ей приходилось воспитывать братьев и сестер, стирать на них, штопать. А носить было нечего: валенки – на пятерых, туфли – матерчатые, галоши иногда приходилось обувать прямо «на босу ногу». Еды тоже было мало – одна картошка с солью. Счастье, если мама сварит кашу. В школе ребятишкам на большой перемене кипятка наливали да давали кусочек хлебушка. А вот учительнице доставалась лишь кружка кипятка вместо обеда»².

Живет в нашем городе Диана Александровна Сорокова – удивительно интересный и умный человек, по профессии врач. Она помнит, как ее маме, деревенской женщине, после войны выдали американскую ночную сорочку – была в 1946 году такая помощь от американцев! И она приняла шелковую сорочку за самое модное платье: гордо шагала в ней по пыльной деревенской улице, а сзади топали своими босыми ногами дети, гордые за красавицу-мать.

Оказывается, в «счастливой» советской стране люди понятия не имели о таком «наряде», хотя для граждан раскритикованных большевиками стран капиталистического мира оно было привычной одеждой для сна.

Приведу ещё один факт из воспоминаний Дианы Александровны: «Мы собирали ягоды и грибы, продавали их и меняли на хлеб, ходили с мамой пилить дрова, копать огороды. Помнятся вечера, когда всей семьей садились вокруг печки-буржуйки и прямо на ее каменные бока приклеивали круглые пласты картошки. Ох, и вкусна была эта картошка с золотистой коричневой корочкой!»

Рассказывает Нина Сергеевна Тимофеева, учитель русского языка и литературы школы № 17: «Для меня всегда было необычным, что моя мама, несмотря на непреходящий запас двух-трех пар новых чулок и носков, неизменно штопала старые, натянув их продырявившиеся пятки на лампочку».

«Что это – излишняя экономность?» – размышляю я. «Скорее, это привычка советских людей к аскетизму во всем», – считает Нина Сергеевна и продолжает: «А когда я вышла замуж, то увидела, как моя свекровь «на выход» всегда надевала, чтобы «пофорситься», купленные мужем в 1950-е годы белые фетровые боты...»

По словам Тимофеевой, свекровь удивлялась этой покупке мужа – для него всегда на первом месте была работа и только работа, а семейный быт – на втором или даже на треть-

¹Из сочинения Зыряновой Татьяны, выпускницы 2001 года.

ем. Как я понял, это было свойственно многим людям той эпохи. Однако думаю, что и в те далекие времена, живя по принципу «не в тряпках счастье», почти каждая женщина, тем не менее, мечтала иметь модные ботики, но не имела возможности, а потому обувала ноги в грубые, неуклюжие валенки-самокатки. Кстати, спустя много лет фетровые боты свекрови со сношенными каблуками стали, по словам Нины Сергеевны, «музейным экспонатом» их семьи и хранились с другими, отжившими свой срок вещами, на дальней полке чулана. Потому что выбросить все эти «сокровища» ни у кого не поднималась рука.

Справедливости ради стоит сказать: многие мои собеседницы, а это люди старших поколений, рассматривая жизнь даже через призму бесконечных социальных потрясений, считают свои годы учебы счастливыми.

Людмила Николаевна Шарипова, моя учитель биологии, рассказала, что в советской стране у всех всегда было много общественных поручений, в том числе и у педагогических работников. Так, учителя должны были готовить и проводить политинформации, организовывать торжественные собрания перед советскими праздниками, участвовать вместе с детьми в коммунистических субботниках и воскресниках, перед каждой выборной компанией проводить среди местного населения поквартирную многодневную агитационно-разъяснительную работу.

Как я успел понять в ходе исследования, в XX веке система образования, как и вся жизнь в России, претерпевала большое количество «политических и социальных зигзагов в обществе»¹, и приведенные в данном исследовании факты отражают суровую, подчас жестокую, реальность человеческого бытия. Подобный образ жизни был навязан простым гражданам советской страны и резко расходился с массивированной пропагандой политических и идеологических мифов о всеобщем благе.

Народ же, по сведениям респондентов, не терял оптимизма и с энтузиазмом слушал пламенные речи руководителей советского государства: сколько надежды и веры в новое, светлое будущее было связано с каждым из политиков – простому человеку всегда свойственно надеяться на лучшее!

Рассказывает Олимпиада Степановна Иванова, бывший учитель русского языка школы № 13:

«В школе было холодно, дров не хватало, поэтому все сидели на уроках в пальто, шалях и шапках. Но мы привыкли ко всему этому, считали себя счастливыми и с восторгом пели: «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!»

Несмотря ни на какие невзгоды и беды, многие люди по-прежнему были уверены, что живут в прекрасной стране. Вот на этом обмане и держалась великая империя диктаторов от пролетариата!

«За Родину каждый был готов отдать жизнь, и мы готовились к этому. И работали, и учились, и жили честно, – продолжала Олимпиада Степановна. – Мы, дети, чувствовали, что от нас многое зависит. Трудное было тогда детство, но вычеркнуть его из памяти не могу и не хочу. Память о тех днях дорога и свята...»

Лия Александровна Плюснина вспоминает: «В 1946 году мне было семь лет. Голодно. Тяжело. Ни о каких туфельках, сапожках и речи не шло. Валенки, солдатские ботинки на ногах. Даже лапти. Пальто из шинелей. Чернила из сажи. Никаких обедов в школе не было, и только нам, первоклассникам, изредка приносили маленькие пирожки с морковкой. Но все равно это было самое счастливое время!»

Вот ведь как перевернула простое человеческое мировоззрение людей сталинская система идеологического «промывания мозгов»! Зачастую школьные воспоминания об этих «счастливых» годах были практически одинаковыми: ученики любили петь, танцевать, уча-

¹Боброва Н.Е. Управление добра. - Екатеринбург, 2008. С. 65.

вовать в концертах. Видимо, слишком велика была тяга к этому островку прекрасного среди серой повседневности «счастливой» жизни.

Школьники ответственно относились к пионерским поручениям и комсомольским заданиям, помогали отстающим в учебе, вместе с колхозниками летом и осенью трудились на полях, сами готовили школьные вечера, выпускали стенгазеты.

«Власти везде и всюду твердили, а народ повторял: Великая армия, Великая страна! Но простой советский человек жил как в железном веке, хотя шло уже четвертое десятилетие Советской власти», – говорила мне бывший директор нашей школы Людмила Сергеевна Панфилова.

В 1954 году она пошла в 1 класс сельской школы, где дети даже не знали, что такое канализация, в школьном здании были выгребные ямы. Электричество в селе давали по четкому графику, в остальное же время люди пользовались керосиновыми лампами.

Хотя отец Людмилы был директором совхоза, а мама – учителем, то есть семья была обеспеченной по тем временам, девочка, как и все остальные дети, весной и осенью носила на ногах черные суконные ботинки на шнурках, зимой – валенки. О кожаной обуви речи не шло. В 1965 году секретарю комсомольской организации 11-класснице Людмиле доводилось заходить в кабинет директора школы, и она помнит, что на полу его просторного кабинета была расстелена красная ковровая дорожка. Девушка все время ловила себя на мысли, что боится ступить на эту красивую дорожку, ей постоянно хотелось сойти на пол.

О каком же счастливом детстве может идти речь, если даже ее, девочку из интеллигентной семьи, через два десятилетия после окончания войны пугала нормальная для европейцев обстановка.

В чем заключается феномен «ностальгии» по их жизни в Советском Союзе, которую они называют счастливой, я старался выяснить при каждой встрече с моими респондентами. И понял: просто это было их детство, юность, они были молоды, а поскольку другой жизни, находясь «за железным занавесом», эти люди не знали, то и сравнивать было не с чем.

Завершая рассказ Людмилы Сергеевны, приведу еще одно немаловажное обстоятельство, произошедшее в ее жизни, которое дает представление о жестких идеологических условиях существования граждан Страны Советов.

Ее дядя Василий Панов (родной брат отца) в 18-летнем возрасте ушел воевать с фашистами и оказался в плену. Когда англичане освободили Василия из лагеря для военнопленных, то молодой человек, напуганный возможным тюремным заключением, которым в сталинские времена грозили всем, попавшим в плен, уехал жить в Австралию.

Людмила Сергеевна, будучи школьницей, стала переписываться с дядей. Помнит, что многие ей говорили тогда: «За плен ему вовек не отмываться, он клейменный. И на тебя тень упадет. Ты это знай и не связывайся!». Однако девочка тому не верила, ведь она до этого никогда не оказывалась под прицелом властей.

Но несколькими годами позже наличие родственника за границей сыграло в судьбе Людмилы отрицательную роль. Когда ее рекомендовали как лучшую студентку факультета иностранных языков Свердловского пединститута в качестве стажера для практики во Франции, то, несмотря на всю комсомольскую активность и отличную учебу, власти в выдаче визы девушке отказали. В СССР в те годы партия и ее вожди были беспощадны ко всем, кто имел хоть какое-нибудь отношение к людям, «провинившимся» перед Родиной. Даже к студентке, не имеющей ничего общего с военной судьбой дяди.

И в этом конкретном случае с Людмилой Сергеевной Панфиловой разве не миф – явление, обратное тому, что звучит в песне: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

А вот еще один эпизод о приметах «вольного дыхания» в Стране Советов – привожу его со

слов Аллы Сергеевны Полежаевой, бывшего директора средней школы № 1. В 1958 году она в составе группы журналистов побывала в Англии. В Лондоне делегация советских туристов посетила Хайгейтское кладбище, где похоронен Карл Маркс.

Вернувшись из поездки, Алла Сергеевна, полная впечатлений, написала статью в местную газету «Рабочая правда», и вдруг после публикации ее неожиданно вызвали в городской комитет КПСС.

«Меня жестко отчитали, – вспоминает пожилая учительница, – Можешь себе представить, за что? За то, что я совершенно точно перевела фразу на надгробии могилы Маркса: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!». А нужно было перевести так: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В общем, чиновники-коммунисты обвинили Аллу Сергеевну в «идеологической безграмотности». Казалось бы, пустяк, но в какую политическую степень он был возведен – ее «жестко отчитали!»

Слушая моих респондентов, я вновь убеждался, что, видно, не все складывалось так уж правильно и хорошо в судьбах советских людей, живших, как утверждали государственные власти, по самой справедливой Конституции в мире, коли собеседники привели мне массу примеров «обратной стороны медали».

Заключение

*«Всякая власть исходит от народа,
И никогда уже к нему не возвращается»
Габриэль Лауб*

Во время работы над темой «Эх, хорошо в стране советской жить»? (Страна Советов 1930-1950-х годов: мифы и реальность)», мне удалось проанализировать многие документы и периодику советского времени, просмотреть советские учебники и художественную литературу школьной программы, изучить материалы Государственного архива, фонды и экспозиции музеев нескольких образовательных учреждений нашего города.

Все эти уникальные исторические источники отражают (каждый по-своему) советскую эпоху, особенно тот ее период, когда в стране властвовали сталинская Конституция, сталинская идеология, сталинский режим.

Таким образом, проанализировав все найденные и изученные материалы, я подтвердил выдвинутую мной гипотезу и разрешил обозначенную проблему: она заключалась в противоречии между мифической идеей сталинских властей об улучшении условий существования граждан в Стране Советов и жестокими репрессивными мерами, используемыми для достижения этой цели.

Как показала жизнь, благими декларациями политиков о построении развитого социалистического общества и вместе с тем репрессивными способами, применяемыми властями к гражданам страны для решения намеченных задач, невозможно создать фундамент нового прогрессивного государства и поменять в лучшую сторону сознание и образ жизни человека. Люди Страны Советов в конечном итоге так и не дождались социализма с человеческим лицом, который полагалось строить по приказу властей.

Для народа, о котором в те годы так много говорилось в превосходных степенях с высокими трибун партийных съездов, в реальности делалось очень мало – большинство приведенных в моем исследовании фактов отражает суровую, подчас жестокою реальность человеческого бытия и фактического ухудшения жизненного уровня всех слоев населения. Еще раз напом-

ню: это дефицит предметов первой необходимости; примитивные условия жизни большинства населения советской страны; жестокость и насилие по отношению к инакомыслящим гражданам; массированная пропаганда коллективизации и связанные с ней репрессии; грубое подавление любого стремления человека сохранить собственную индивидуальность.

Ответив в ходе исследования на многие вопросы и решив задачи, поставленные перед началом поисков, я пришел к убеждению: мои встречи с бывшими учащимися и учителями Страны Советов, в которой «хорошо жить», дают богатую пищу для размышлений. Буду в своих выводах предельно искренен:

1. В СССР была очень мощная идеология. Вся жизнь советского государства была охвачена ею: наука и культура, педагогика, промышленность и сельское хозяйство, радио и печать. Народ практически не участвовал в назначениях «великих» партийных деятелей советского периода. Народ на себе испытал, что такое советская власть (коллективизация, раскулачивание, репрессии).

2. У людей в те времена не было альтернативных источников информации. И поэтому радио и печать идеологически воздействовали на народ и молодежь. На официальном уровне шла мощная героизация политических деятелей времен советской эпохи и оправдание их злодеяний великими, но, как оказалось на деле, разрушительными целями Коммунистической партии. Все документы и воспоминания, которые я привожу в своем исследовании, являются тому свидетельством.

3. В своих откровенных рассказах мои собеседники, иногда сами того не ведая, развенчивают оптимизм многих документальных источников советского периода. Они напрямую говорят, что в отличие от партийных деятелей, которым «хорошо в стране советской жить», подавляющая часть населения не ощущала себя гражданами страны, где «человек проходит, как хозяин». Скорее, наоборот – люди жили, находясь за «железным занавесом» в жестко ограниченных рамках сталинской политики ущемления всех прав и свобод.

В то же время должен отметить, что некоторым моим собеседникам кажется, что в людях сейчас стало ослабевать чувство исторической и культурной общности.

Отдельные участники разговора со мной до сих пор сожалеют о распаде мифически прекрасного тоталитарного государства. Не потому ли, что им вновь, как в юные годы, хочется обрести свой идеал, вернуть веру в высокие моральные принципы и в самого себя? Это с одной стороны. А вот с другой стороны, большинство моих респондентов (а их воспоминания можно воспринимать как свидетельские показания – на их глазах происходили все описанные в данной работе события) все-таки склоняются к мнению, что изменения в облике государства после 1917 года произошли в худшую сторону. Они считают, что революционные реформы наспех перекроили традиции, культуру и быт его жителей.

Хотя многие мои собеседники называют годы своей учебы счастливыми, они все-таки отмечают: именно с установлением Советов начался роковой для судеб людей раскол между слоями общества и всеми его гражданами, вызванный кардинальными искажениями в отношении народа и власти и насильственным изменением всего стиля жизни человека, его нравов и взглядов. Политическое бедствие переросло в болезнь народной души.

Однако «вбитая» в умы народа политическая и идеологическая сказка о счастливом завтра в стране всеобщего блага и радужных надежд, которые возникали в результате желания простого человека изменить свою долю, заставляли население забывать о плохой жизни и отодвигать свои ожидания на второй план. Ведь по сравнению с грандиозными предначертаниями партии – приблизить прекрасное коммунистическое завтра – мечты об их личном, сиюминутном человеческом счастье казались людям ничтожными.

На деле же многие из них просто не могли достучаться до правды, которая скрывалась за тяжелыми засовами идеологической демагогии и удобных для власти мифов, сочиняемых по заказу.

«Эх, хорошо в стране советской жить!» – звучало из репродукторов на бескрайней территории советского государства, и слова этой песни с энтузиазмом подхватывались и распевались везде и всюду. В течение десятков лет неимоверным трудом и великими жертвами простого народа создавался тоталитарный общественный строй – социалистический, при котором все было масштабным, особенным, специальным: Спецпереселения; Спецлагеря; Спецслова; Спецмышление; Спецмораль; Спецзаконы.

А поскольку власть, прежде всего сталинская, долгое время сохраняла монополию на жесткую идеологическую обработку собственных граждан, какой бы тяжелой ни была жизнь в этой созданной спецстране – Стране Советов, она казалась народу прекрасной.

Как показывает история, по истечении лет всеобщая радость и оптимизм советских людей, разбившись о неотвратимость происходящих событий, сменились полным недоверием к существующей власти. Даже при очень большом желании ее невозможно было рассматривать иначе, как власть, нанесшую огромный нравственный и физический урон собственному народу.

Я долго размышлял: какой же знак препинания поставить в конце фразы «Эх, хорошо в стране советской жить», обозначенной в качестве заголовка моей исследовательской работы.

Вначале я хотел оставить знак восклицательный, как и было задумано авторами песни: знак этот означал гордость за Страну Советов. Но изучив исторические материалы, решил поставить знак вопросительный, потому что в СССР было создано тоталитарное общество, где никаких прав и свобод у граждан не было.

А это значит, что заголовок моей работы должен быть записан так: «Эх, хорошо в стране советской жить?»

Таким образом, на основе архивных документов, страниц учебников, материалов школьных музеев, записей встреч с моими респондентами мне удалось доказать: счастливая Страна Советов – это был всего лишь миф, подобный Эльдorado.

Список использованной литературы

1. Аванесов Р.И., Соколов В.С. Русский язык. – М., 1932.
2. Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. М., 2008.
3. Боброва Н.Е. Управление добра. – Екатеринбург, 2008.
4. Воскресенская В., Павловская Р. Букварь для школ грамоты. М., 1936.
5. Голубев Л.А. Радость и боль моя. Екатеринбург, 1996.
6. Иванов Р.И., Соколов В.С. Учебник русского языка. М., 1932.
7. Кожевников А.Н. Судьба. Семейная хроника. Екатеринбург, 2006.
8. Лавринов В. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001.
9. Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. М., 2012.
10. Рыбчак С. История Полевского глазами священнослужителя // Диалог, 11.09.2008.
11. Рыбчак С. Полевской исторический синодик. Полевской, 2008.
12. Сборник документальных материалов о горнозаводской промышленности Урала на рубеже XVIII – XIX веков. Свердловск, 1955.
13. Сборник «Малахитовая провинция». Екатеринбург, 2001.
14. Энтина Г.А. Учебное пособие по Конституции СССР для 7 класса. М., 1936.

Источники

1. Архив музея МАОУ «Средняя общеобразовательная школа-лицей №4».
2. Архив музея МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №17».
3. Архивный отдел ГО Полевской. Книга распоряжений Полевского РИК.
4. ГАСО. Переписка Полевского РИК с церковно-приходскими советами в 1925-1926 г.г. Ф. 2136 р. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАСО. Справочная книжка Екатеринбургской епархии. Ф. 2. Ед. хр. 45.

I место в категории «Работы в жанре эссе, представляющие литературный интерес»

«Эти проклятые годы» в истории моей семьи

*Участник: Панфилова Валерия Дмитриевна,
студентка 3 курса ГБОУ ВПО «Уральский государственный
медицинский университет»*

*Руководитель: Широкова Алла Евгеньевна,
учитель истории и обществознания МБОУ Полевского городского округа
«Средняя общеобразовательная школа №17»,
г. Полевской Свердловской области*

*Эти проклятые годы – годы вечных неудач,
А за ними злые ветры и надрывный женский плач...*

Когда в октябре 1917 года большевики совершили революцию, то еще целых два десятка лет оставалось до года 1937-го – наивысшей точки отсчета массовых человеческих трагедий в судьбах миллионов советских граждан. Я считаю, что этот 20-летний период не прошел впустую для нашей страны: 1917 год отметил вступление России в новую, советскую эру, которая затем принесла жесточайшие потрясения в ходе «добровольной» коллективизации, массового «прыжка в социализм», накала всеобщей подозрительности, анонимных доносов, репрессий. И как результат – жестокая ломка тысяч и тысяч человеческих судеб, время горя и слез.

Сразу после октябрьского переворота большевики, по словам моей прабабушки, ввергли народ России, в том числе и в нашем небольшом уральском городке, в такую атмосферу хаоса, что одна часть населения начала уничтожать другую без суда и следствия. Братоубийственная борьба за власть – саблями, беспорядочными выстрелами и подлыми наветами – разделила людей на тех, кто «за Советы», и тех, кто в суматохе нового времени даже не успел выбрать, против кого и ради чего он должен сражаться.

Простой народ в долгожданной надежде на перемены к лучшему легко уверовал в благие идеи советской власти: мир – народам, земля – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим. Солдаты и матросы с винтовками в руках на фоне красных «серпасто-молоткастых» знамен стали кумирами в глазах молодого поколения. Смеею предположить, что и 19-летний уральский пастушок Федька Быков, представитель деревенской бедноты, поверил в декреты Советской власти и по ее призыву вступил в ряды преданных защитников завоеваний Октября. Совсем по-другому отнесся к великим планам большевиков Сергей Малоземов – монах Верхотурского монастыря, немало в своей жизни повидавший. Он интуитивно почувствовал, что революционная перестройка не принесет ничего хорошего в привычную жизнь мирян. И оказался прав. Повсеместное закрытие церквей, преследование граждан за веру, аресты всех несогласных с идеологией новой власти, ссылки, тюрьмы, лагеря стали обычной хроникой событий.

...В одну из осенних ночей 1918 года в здании старого монастыря в маленькой келье, озаренной несколькими свечами, встретились старец-монах и паренек в форме красноармейца. Они вели неторопливую беседу, изредка уходя в свои мысли, словно что-то мучительно обдумывая. «Мы Божию милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога...», – повел старец свою речь без доли нравуочи-

тельности. Он пытался объяснить малограмотному парню, что звучавший до 1917 года гимн «Боже, царя храни!... Русь православную, Боже, храни!..» укреплял православную веру и имел глубокий смысл – монарх веками служил единению силы и духа многих поколений россиян.

Юноша терпеливо выслушивал доводы монаха о том, что лишь под давлением обстоятельств Николай II отрекся от престола, что большевики не пожалели ни супругу, ни детей, чтобы пресечь любые возможности вернуть прежнюю Россию. Что казнь царя явилась главной трагедией раскола страны. Монах вспомнил пророческое предсказание Архиепископа Пермского Андроника, сказанное после отречения Николая II от престола: «Не стало у нас Царя... Разорвали Отечество подлые людишки и ввергли его в погибель...»

Но что уж говорить о новоиспеченном красноармейце Федоре Быкове, занятом мыслями о грядущих боях за власть Советов, если даже самому Малоземову, несмотря на его житейскую мудрость, вовсе не верилось в это пророчество. Если бы не 1917-й... На все доводы монаха Федор пытался возражать, приводя главный аргумент, услышанный во время длинных митингов и собраний: «Кто был никем, тот станет всем!» Но когда Федька «станет всем», ему толком никто не объяснил. Во время беседы со старцем Федор, вспомнив об объявленном большевиками «мракобесии» церкви, незаметно снял с шеи свой нательный крестик и тайком спрятал его в пустой монастырский подсвечник. Наивный пастушок и предположить не мог, до какого же основания разрушат этот старый дореволюционный мир!

Все последующие годы советской власти многие подобные Федору российские «Иваны да Марьи», лишившиеся привычного образа жизни, метались в поисках своего места в чрезвычайных обстоятельствах новой эпохи. Через несколько лет недалекий и жестокий политический курс И.В. Сталина навсегда сделал их отверженными, «врагами народа», ссыльными и заключенными. Хотя в это же самое время по всей стране из репродукторов и с высоких трибун съездов звучало: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!..» Кульминацией Большого террора советской власти против своих граждан стал 1937 год.

...Задолго до этого, в осеннюю ночь 1918-го, дав понять, что для него разговор окончен, красноармеец Федор Быков быстро покинул келью – утром он уходил воевать за советскую власть. Вскоре в отблесках луны отразился силуэт Сергея. Река Тура доносила до Федора звучащие, словно оберег, отрывки молитвы старца: «...не презри нас, Господи, верою и любовью чтущих тя... моли за ны, отче священный...» А с рассветом Сергей навестил родительский дом Федора и передал матери оставленный в келье нательный крестик сына.

Размышляя над событиями вековой давности, я подумала: во время той памятной встречи в монастыре мои герои, конечно же, имели твердое намерение пойти по жизни каждый своим четко избранным путем – ведь 1917 год развел их по разные стороны баррикад. Если бы не 1937-й... В год Большого террора случилось так, что жизненный путь этих разных людей оказался одинаково трагичным. Человеческая судьба непредсказуема. Сначала в западню обвинительного уклона «самого справедливого суда в мире» попал Сергей Малоземов. А с ним – еще сотни священнослужителей, чей скромный незаметный труд веками укреплял душу русского человека, оказывая огромное влияние на формирование нравственных жизненных ориентиров. Однако в 1937 году все изменилось: произошло полное смещение всех правовых представлений, и человеческая жизнь обесценилась. В камере, в которой находился монах Малоземов, набитой поначалу до отказа, где было примерно человек двести, постепенно становилось все свободнее. Людей вызывали ночью с вещами и уводили в неизвестность. Сергей тоже ожидал своей участи, уже не удивляясь целенаправленному и методично осуществляемому уничтожению государством своих собственных граждан. Хочется думать, что у молодого красноармейца Федора Быкова могла бы совсем по-другому сложиться судьба. Если бы разговор, проходивший в монастырских стенах, заставил паренька всерьез задуматься об ином жизненном предназначении. Если бы не революция, возможно, и сумел бы

Федор избежать своего уготованного большевиками долгого и трудного пути, глубоко, словно танковыми гусеницами продавленного репрессиями. Но неведомо было Федьке Быкову, что вопреки всем его планам, голгофа уже в 1917 году была предначертана ему, как и многим другим соотечественникам.

Когда на храброго бойца, преданного офицера Быкова поступил донос как на «врага народа» – так, по причине чьей-то подлой зависти, – во внимание не были приняты почти двадцать лет его безупречной службы в рядах РККА. Целых два месяца Федора периодически держали в карцере без еды и питья, обливали ледяной водой и «пересчитывали ребра». Но ни шантажом, ни угрозами его не заставили признать несуществующую вину – не было в поступках когда-то поверившего большевикам офицера ничего предосудительного: единственная его «вина» заключалась в том, что он жил в бездушной атмосфере государства, где и речи не шло о справедливости.

«Всевидящий», «всемогущий»! А на деле – тиран, любовь к которому силой насаждали людям державно занесенными над их головами серпом и молотом, – таким остался Иосиф Сталин в памяти его безвинных жертв: советского лейтенанта Федора Дмитриевича Быкова и монаха Сергия Малоземова...

Холодной осенью 1937-го, через два десятка лет после встречи в келье Верхотурского монастыря, судьбе угодно было вновь свести этих двоих. Монаха, облаченного в видавшую виды грязную рясу, и боевого офицера в накинутой на плечи окровавленной шинели. Находясь в камере Екатеринбургской тюрьмы, оба со дня на день томительно ожидали приведения в исполнение приговора по 58-й «расстрельной» статье. Лишь через 30 лет они были посмертно реабилитированы. И тысячи таких, как они, достойных граждан, но ошельмованных властью и названных преступниками! Если бы не 1937-й...

...Год 2017-й, наше время. И уже не пастушок Федька, а я с чувством скорби и благоговения хожу по территории Верхотурского монастыря, гляжу, как гордо, что и сотню лет назад, несет Тура свои воды. Течением управляет извечная сила: малая река стремится влиться в более мощный водный поток, чтобы стать шире, сильнее, полноводнее. Так и русский народ, объединяя свои усилия в любые трудные для него времена, умеет выстоять, победить, стать могущественнее.

Захожу внутрь монастырской обители и вглядываюсь в лики святых. Крепко сжимаю в моих руках старинный крестик, реликвию нашей семьи. Этот крестик принадлежал брату моей прапрабабушки Евдокии Дмитриевны Власовой – Федору Дмитриевичу Быкову, тому самому Федьке-пастушку, лейтенанту Красной Армии, расстрелянному в 1937 году по приказу НКВД. Глядя на священные иконы, с трепетом вспоминаю я и монаха Сергия Малоземова, дядю моей прапрабабушки. Уверена, что он тоже, даже спустя столетие, крепостью своего духа и терпением являет нам пример мужества и стойкости.

Снова прикасаюсь к кресту моего предка и думаю над тем, что же еще нужно сделать, помня о жертвах прошлого века, чтобы очистить наше общество от крови и лжи? Чтобы не выросло новое поколение россиян бездушными «Иванами, не помнящими родства» и не извлекающими урок из прошлого своего народа. Время неумолимо отсчитывает года и даже столетия. Вглядываясь в подробности событий 1917-го и 1937-го и подводя итоги, я хочу обратиться к моим сверстникам. А знаете ли вы, что история никогда не прощает ее незнания – кто не помнит трагического прошлого, тот обречен пережить его вновь! Потому, пока жива память о предках, не погибнет Россия. И нам, поколению XXI века, стоит подумать, какое наследие оставим и мы своим детям. Какое духовное богатство, какие моральные ценности передадим следующему поколению, от которого будет зависеть судьба родного края и будущее Российского государства. Попробуйте хотя бы на пару мгновений выйти из своего маленького мирка и задуматься над этим!

II место в категории «Работы по реконструкции судеб людей, в том числе на примере семейной истории»

Моя семья в годы политических репрессий (30-е годы XX века)

*Участник: Фролова Полина Сергеевна,
студентка 3 курса химфака ФГАО УВО «УрФУ
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург*

Моим бабушкам больше 70 лет. Уже трудно восстановить события их жизни, они многое забыли, и если их рассказы не записать сейчас, то подробности уже никто и никогда не узнает.

Все наши родственники – и со стороны мамы, и со стороны папы – в 30-е годы были репрессированы. Как известно, массовая репрессивная кампания против кулачества и середняков развернулась с начала 30-х годов и была связана с процессом коллективизации на селе. Это были два взаимосвязанных насильственных процесса.

Вообще, кулаком считался тот, кто использовал наемный труд, но на практике в кулаки могли зачислить и середняка, имевшего двух коров, двух лошадей или хороший дом. Это происходило потому, что местные власти старались существовавшую норму на раскулачивание перевыполнить, и вместо 5-7% от числа крестьянских дворов разорили 15-20%.

Раскулачивание лишило деревню наиболее предприимчивых, независимых крестьян. Кулаков выселяли с семьями, грудными детьми, стариками. В холодных, неотапливаемых вагонах с минимальным количеством домашнего скарба везли тысячи и тысячи людей в отдаленные районы Урала, Сибири, Казахстана. Тех, кого сочли наиболее активными «антисоветчиками», отправляли в лагеря.

Долгие годы в семьях старались просто не говорить на эту тему из страха за свою жизнь, за будущее своих детей. Я хочу в этой работе подробно описать эти трагические события, восстановить их хотя бы по отрывочным воспоминаниям разных людей. То время, конечно, наложило отпечаток на судьбы и характер моих близких. Какими они вышли из тех испытаний, что думают о том давно уже прошедшем времени?

Таракановы Григорий Осипович и Дарья Васильевна, Вятская губерния, деревня Федорово

Семья Таракановых традиционно занималась торговлей мясом. По селам скупали скот живым весом, сами забивали. Жили очень богато. Дарью отдали за Григория вопреки ее желанию, она любила другого, но ее родне надо было поправить свое материальное положение. В 1929 году в семье прадеда было 6 человек детей. О выселении его накануне предупредил председатель сельсовета. Советовал скрыться, чтобы не арестовали. Григорий Осипович так и сделал, убежал в лес. Когда выселяли, всех просто выгнали из дома, но не увезли в район, оставили в деревне. По решению Совета бедноты договорились впустить в дома, кто сколько сможет. Так семья переходила из одной избы в другую. А их дом отдали женщине, у которой муж погиб в гражданскую войну. Лошадь отобрали еще до выселения. Корову прадед успел заколоть, а мясо раздали по знакомым на хранение, также, как и муку, и припасы. Первый год за счет этих продуктов жили, все припасы люди вернули, только один человек забрал себе.

Потом ушли в другую деревню, в Воргуново, опять жили по родственникам. Там трое детей заболели скарлатиной, в том числе и моя бабушка, Августа Григорьевна. Ей уже шили рубаху, чтобы хоронить, так она была плоха. Но умерли Валя и Манечка, а она осталась жива.

Позднее Григорий Осипович нашел для своей семьи пустой заброшенный дом в марийской деревне. Там они жили около года, потом переехали в другую деревню, Добролюбово. Школы в этой деревне не было, поэтому старшим детям, Зине и Толе, пришлось жить в соседней деревне, чтобы учиться. Прадед тайком навещал семью. Однажды его предупредили об опасности ареста. Он опять скрылся, спрятался на сеновале в соседнем доме. Так он и скрывался благодаря друзьям и знакомым. Конечно, семья голодала, раз глава семьи не мог зарабатывать на жизнь. Жили тем, что насобирали в лесу.

Только в 1935 году отец смог жить открыто, не опасаясь ареста.

Старший брат Толя после окончания семи классов хотел поступать учиться на фельдшера в городе Санчурске. Но его, как сына кулака, не приняли. Тогда он пошел пешком за 60 километров в город Яранск. Там документы все-таки взяли. По дороге домой случилось непоправимое: он выпил воды из ручья и заболел дизентерией. Надо было везти в больницу, но председатель, хоть и был двоюродным братом, не дал лошадь, так как боялся помочь семье кулака. Толя умер, не получив медицинской помощи. По рассказу бабушки, никого так не хоронили, мальчика очень любили, собралась молодежь со всех окрестных деревень. Учителя срезали все цветы, которые были на пришкольном участке. Родители, конечно, были невменяемые, даже за гробом не могли идти. Через семнадцать дней умер, заразившись от старшего брата, маленький Миша.

На глазах у бабушки арестовывали близких людей. У ее первой учительницы муж был председателем колхоза, сначала арестовали и расстреляли его, а в 1937-ом ее сослали в Казахстан, откуда она вернулась в 1939-ом.

В колхоз семью раскулаченного Григория Тараканова не сразу приняли, причина была не политическая, а личная. У него была сестра Люба, в которую был влюблен сын председателя. Тот сватался за Любу, но она ему отказала. Он затаил зло и, по словам бабушки, мстил. Но в 1939-ом году после того, как прадед в очередной раз подал заявление, в колхоз его все-таки приняли. Для колхоза Григорий Осипович делал веревки. Бабушка с сестрой Зиной ему помогали: драли лыко.

А своего дома у семьи не было до самого окончания войны. Все время жили на квартирах у родственников, у знакомых. Уже после войны, в 1950-ом году Григорий Осипович купил в марийской деревне маленький домик и перевез его в деревню Федорово. Только в 21 год моя бабушка, наконец, узнала, что такое свой собственный дом.

Фроловы Моисей Иванович и Дарья Викторовна, Алтайский край, село Дурнево

Долгие годы в семье боялись рассказывать подробности о раскулачивании. Вдруг это как-то скажется на детях, на их карьере, поэтому известно немного. У Моисея Ивановича руки были золотые, работящий был. Сам делал все механизмы: маслобойки, сеялки, веялки. За счет этого они жили очень хорошо. У них было много коров, в хозяйстве работали батраки. Когда начали раскулачивать, сначала забрали отца, увезли, потом всю семью стали выводить из дома. Односельчане растаскивали при них все вещи: чугунки, ухваты, ковер разрезали на несколько частей. Прабабушку с тремя детьми повезли в районный центр, в Рубцовский район. Старшая сестра Мария могла остаться в селе, выйти замуж, но она сказала, что маму не оставит. Несмотря на то, что прадеда выпустили из тюрьмы, с их семьей обошлись очень жестоко: посадили в вагон и отправили в Усолье-Сибирское, потом в Читинскую область. Моисей Иванович и Мария стали работать на обогатительной фабрике в поселке Хапчеранга. После работы строили домик на два хозяина.

Глава семьи потом работал на санном заводе. Когда пошла вторая волна репрессий в 1937 году, не было ни одного дома в Хапчеранге на улице Дзержинского, чтобы кого-то не арестовали. Забрали и Моисея Ивановича. Впоследствии из всех арестованных вернулся

только один человек, но он никогда ничего не рассказывал.

Что случилось с моим прадедом в ссылке, неизвестно, но в 1958-ом году его реабилитировали, даже выдали деньги в качестве компенсации. Дарья Викторовна заплакала, когда получила их. Эти деньги так и лежат в папке вместе с документами о реабилитации...

Артемьевы Василий и Дарья, Тверская губерния, деревня Поддубье Новоторжского уезда

В семье было пять дочерей (Евдокия, Мария, Анна, Полина, Надежда) и сын Федор. Жили зажиточно, было четыре лошади, две коровы, много другой живности. Садил лен, пшеницу. Лен пряли, ткали, шили из него нижнюю одежду. В город Торжок на ярмарку возили мед, другие продукты, а там покупали ситец, у девочек были роскошные по тому времени бархатные юбки.

После раскулачивания Василия и Дарью сослали на Урал, в город Сатка, на строительство. Молодежь успела скрыться, так как они были предупреждены о грозящей опасности. Полина и Мария смогли уехать в Ленинград на судостроительный завод. Бабушка Полина в свое время рассказывала о том, что они жили по поддельным документам.

Муж старшей дочери Евдокии, Константин Жаринов, коммунист, занимавший ответственный пост в Ленинграде, смог выволочь стариков из ссылки. Он сам съездил на Урал, привез их к себе в Ленинград. Жила вся семья на Васильевском острове. Впоследствии прабабушка Дарья погибла от голода в блокадном Ленинграде, а прадед умер раньше.

Трагически закончил жизнь и Константин Жаринов. Когда начались репрессии, он попытался скрыться, уехав в Хабаровск на судостроительный завод. Там он и погиб, подробности его гибели неизвестны, семье сообщили, что он пошел на работу и не вернулся. Можно только догадываться, что он тоже был репрессирован, нрав он имел крутой, был очень прямолинейным и честным. Четверо детей выросли без отца.

Цургаевы Иуда Сергеевич (имя прапрабабушки неизвестно), Смоленская губерния, Хиславичская волость, деревня Упино

Именем Иуда «наградили» прапрадеда при крещении за то, что его отец, Сергей, мало жертвовал церкви. Прапрадед имел пасеку, семья была зажиточной, было пятеро детей (Михаил, Афанасий, Софья, Надежда, Екатерина). Все были очень трудолюбивые, мастеровые, работали сами, никогда не нанимали батраков. Прадед Михаил Цургаев познакомился с прабабушкой Полиной Артемьевой в Ленинграде, где он тоже скрывался от репрессий. Они вместе работали в порту. Прадед был очень красивый, высокий, ему было 18 лет, а прабабушке – 26. Полина Васильевна часто вспоминала, как он за ней ухаживал. Ходил на танцы, но никогда не танцевал, не умел. А она обожала танцевать. Михаил сидел на лавочке, и когда она уставала, и ей хотелось посидеть, всегда вскакивал ей навстречу и усаживал около себя со словами «присаживайтесь, пожалуйста». Он ее безумно полюбил, и, несмотря на протесты отца, женился на ней в 1932 году. Они были очень счастливы, у них родился сын Славик, и они уехали из Ленинграда в деревню Упино, туда, где жили все Цургаевы. Там дедушка быстро построил дом, он вообще был очень работящий, все горело у него в руках. Но вместе они жили очень недолго: прадеду пришлось участвовать в финской войне, а потом началась и Великая Отечественная. Цургаев Михаил Иудович погиб в Польше в 1944 году, у него осталось трое совсем маленьких детей (Вячеслав, Анна, Валентина). Его жена, Полина Васильевна, вырстила их одна.

Вот такие у меня корни. Такой жизненный опыт у моих предков, которого лучше бы не было. Интересно, что семьи жили в разных уголках нашей огромной страны. Цургаевы – на

западе, Артемьевы – в центральной России, Таракановы – на Нечерноземье, Фроловы – на востоке. В каких-то районах относились к репрессированным лояльно, не высылали и даже помогали. А где-то целенаправленно, жестоко уничтожали. Как писал А.И. Солженицын, «долгие годы уничтожался класс крестьянства и его селения, отшибалось умение выращивать хлеб, землю отучали давать урожай». Раскулачивание и коллективизация привели к невиданному голоду даже в самых плодородных районах. Исчезли и кулаки, и середняки, и бедняки. Не стало и тех, кого обобщенно называли крестьянами-единоличниками. Советская деревня смирилась с колхозным строем, но крестьянство оставалось самой бесправной категорией населения. В результате те, кто остался жить в деревне, не уехал в город, в большинстве своем спились, потеряв всякий интерес к жизни.

Я горжусь тем, что мои бабушки и дедушки проявили способность выжить, начать все с нуля в условиях полного отсутствия каких-либо условий. Все они были люди мастеровые, умелые, деловитые, и, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на их долю, все-таки остались честными и порядочными людьми.

Тяжкая участь выпала на долю наших женщин, выполнявших ломовую, непосильную работу. В нашей семье есть даже Герой Социалистического труда. Это Мария Васильевна Артемьева, работавшая трактористом в деревне Матвеевка Курганской области. Она была депутатом Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик, а вот семью свою не создала.

Большинству женщин приходилось растить детей в одиночку. Но они не потеряли способности создавать уют вокруг себя, изо всех сил старались, чтобы дети не чувствовали себя хуже других, даже если растут без отца. Валентина Константиновна Жаринова рассказывала, как ее мама, Евдокия Васильевна, отработав смену в порту на кране, дома обстирывала зажиточных соседей. Окружающие удивлялись, как хорошо одеты, накормлены ее дети, даже лучше, чем те, которые жили с отцами.

Конечно, все мои родственники пострадали от власти несправедливо. И возникает вопрос, почему они терпели, или, выражаясь опять-таки словами А.И. Солженицына, сносили «всю эту бессмыслицу и глумление»? Никогда никто не высказывал свои обиды на власть. Даже наоборот, говорили о том (неужели неискренне, от страха?), что лучше советской власти быть не может. Страх, говорят, передается с генами. Но я думаю, что мы все-таки уже немногие другие, даже хотя бы потому, что пытаемся разобраться в судьбах своих предков, в нашей истории.

Исследование отношения современных старшекласников ко времени «Большого террора» и к личности И.В. Сталина

Участники: Деменцев Егор Иванович, Канонеров Иван Евгеньевич, Кузнецов Максим Сергеевич, Мосин Дмитрий Сергеевич, ученики 10 Б класса МБОУ СОШ № 50, г. Нижний Тагил,
Руководитель: Турчанинова Вероника Никитична, учитель истории МБОУ СОШ № 50, г. Нижний Тагил Свердловской области

В прошедшем учебном году группа учащихся нашей школы посетила ряд площадок проекта «Если бы не 1917... Если бы не 1937...», организованного Уральским государственным педагогическим университетом в год столетия и восьмидесятилетия событий, оказавших существенное влияние как на дальнейшую историю нашей страны, так и на облик, характер и даже, возможно, на менталитет нашего народа. Присутствие на круглом столе и дискуссии поставило перед нами ряд вопросов: неужели при абсолютной доказанности преступности режима И.В. Сталина авторитетными учеными-историками и сохранении в памяти старших поколений ужасов периода «большого террора», у современной молодежи наблюдается тенденция к оправданию и даже возвеличиванию данного вождя? На чем основана эта тенденция: на элементарном незнании или, наоборот, на основании глубокого изучения вопроса; и, наконец, как современные подростки решают для себя вопрос о взаимодействии «власть – человек»?

Для получения ответов на эти вопросы мы решили провести анкетирование среди старшекласников нашей школы. Целью нашего исследования было выяснить отношение современных старшекласников ко времени «Большого террора» и к личности И.В. Сталина.

Разработанная анкета включила 15 вопросов:

- Паспортичка (вопросы о респондентах) состояла из 1 вопроса: № 15.
- Были в анкете и два контрольных вопроса (дают возможность уточнить правильность сообщенных респондентами сведений, а также исключить из дальнейшего рассмотрения недостоверные ответы или даже анкеты): №№ 2 и 6.
- Четыре вопроса в анкете относятся к вопросам-фильтрам: №№ 3, 7, 9, 11.
- Остальные восемь вопросов – содержательные, все они относятся к группе вопросов о фактах сознания, являются закрытыми, в основном – поливариантными.

Исследование проводилось в сентябре 2017 года в МБОУ СОШ № 50 города Нижнего Тагила. В анкетировании приняли участие 9 А, 9 Б, 9 В, 10 А, 10 Б, 10 В, 11 А и 11 Б класы. Респонденты заполняли анкеты непосредственно в присутствии анкетера, в кабинетах школы. Учащимся разъяснялось, что группа исследователей школы проводит анкетирование, направленное на выявление отношения современных старшекласников ко времени «Большого террора» и к личности И.В. Сталина. Ребятам попросили самостоятельно, искренне и вдумчиво ответить на вопросы предлагаемой анкеты. Было дано разъяснение: в каждом вопросе предполагается один вариант ответа, кроме случая, где это особо указано, исследование анонимное.

Количество ребят, принявших участие в анкетировании, представлено в таблице 1.

Табл. 1.

**Количество респондентов анкетирования «Отношение современных старшекласников ко времени «Большого террора» и к личности И.В. Сталина»
(количество человек)**

9-е классы	10-е классы	11-е классы	Всего
70	58	50	178

Итак, какие ответы мы получили от наших респондентов? В нашем рассказе для удобства восприятия мы будем в основном оперировать относительными цифрами (%). Задача нашей статьи – продемонстрировать статистические данные. Вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» предстоит решать ученым и нашим педагогам.

Первым вопросом анкеты был: «Кого Вы считаете главной исторической личностью России XX века?» В качестве вариантов ответа мы предложили всех лидеров государства, бывших таковыми более, чем 3 года. Таким образом, в наш список попали все личности, кроме Ю.В. Андропова и К.У. Черненко: Николай II, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин.

Ответы респондентов-девятиклассников распределились следующим образом:

40 % респондентов назвали В.И. Ленина, 39 % – И. В.Сталина, на третьем «месте» с огромным отрывом – Николай II (9 %) и Ельцин Б.Н. (7 %), и по 1-2 % голосов респондентов получили Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и М.С. Горбачев. В данных ответах мы видим, что учащиеся 9-х классов достаточно внимательно отнеслись к ответу на этот вопрос. При обращении в шапке анкеты было указано, что исследование посвящено эпохе И.В. Сталина, и респонденты могли принять первый вопрос за «контрольный», в котором якобы ждут подтверждения, что именно Сталин был главной личностью XX века.

Посмотрим, как ответили десятиклассники: здесь 45 % респондентов отдали приоритет И.В. Сталину; В.И. Ленин является главной исторической личностью России XX века по мнению 28 %; на третье место у десятиклассников попадает Б.Н. Ельцин (10 %); далее – Николай II и М.С. Горбачев (по 5 %); Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев – по 2 % голосов.

Познакомимся с ответами одиннадцатиклассников. У самых старших учеников средней обще-образовательной школы И.В. Сталин получил большинство – 64 % голосов респондентов, на втором месте по-прежнему В.И. Ленин с 22 %, Николай II вновь (как и у девятиклассников) попадает на 3 место (10 %), по 2 % – у М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, по 1 % – Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев.

Следующий вопрос (№ 2) носил характер контрольного. В нем предлагалось указать, какой статус имел И.В. Сталин в Советской России. Учащиеся должны были выбрать один вариант, который кажется им наиболее близким к истине из следующего списка: лидер государства, полководец, чиновник государственного аппарата, судья, религиозный лидер. Естественно, ученики должны понимать, что И.В. Сталин был лидером государства. Если мы увидим большое количество других ответов, то придется говорить о несостоятельности данных ребят как респондентов.

Итак, что мы увидели у девятиклассников? 80 % ответили, что Сталин был лидером государства, 13 % – что он был полководцем (что тоже не является неправдой), 4 % назвали его религиозным лидером – эти анкеты в дальнейшем мы ставим под сомнение, 1 % причислили И.В. Сталина к чиновникам государственного аппарата, никто (0 %) не назвал его судьей.

Каково же мнение десятиклассников? Мы видим похожую картину: 78 % убеждены, что И.В. Сталин был лидером государства, 18 % помнят, что он был полководцем, 2 %, называя его

религиозным лидером, попадают в число ненадежных респондентов, 2 % считают, что Сталина правильно называть чиновником госаппарата, никто (0 %) не указывает ответ «судья».

Отличается ли представление о Сталине у одиннадцатиклассников? 82 %, снова подавляющее большинство, относит И.В. Сталина к категории лидеров государства, и по 2 % респондентов отвечают, что он был полководцем, религиозным лидером, судьей и чиновником. Не соответствует истине вариант «религиозный лидер», поэтому 2 % из респондентов-одиннадцатиклассников попадают в группу с сомнительной искренностью или осведомленностью.

Таким образом, под сомнение в дальнейшем мы поставим в среднем 2, 7 % ответов респондентов, что является очень хорошим показателем для верификации анкетных данных.

Задавая следующий вопрос, мы испытывали некоторые опасения: вдруг современные подростки займут просталинскую позицию. Вопрос анкеты № 3: «Как Вы считаете, необходимо ли в современных условиях установить памятник И. В. Сталину?», – был дихотомическим и служил вопросом-фильтром. Респондентам, ответившим «Да», предлагалось перейти к вопросу 4 и объяснить причины своей убежденности в необходимости установки памятника советскому вождю. Респонденты, не согласные с данным предложением, могли указать свои мотивы, ответив на вопрос 5.

Изучим полученную картину. На вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли в современных условиях установить памятник И. В. Сталину?», ответили «Да» 71 % девятиклассников, 60 % десятиклассников и 58 % одиннадцатиклассников. Радует, что, во-первых, по мере взросления учащихся их убежденность в необходимости установки памятника Сталину снижается, во-вторых, в качестве причин данной необходимости 48 %, 68 % и 71 % учеников 9, 10 и 11 классов (большинство в каждой группе), ответивших «Да», указали в качестве причины: «Это наша история, и мы должны ее помнить». А вот 30 %, 22 % и 21 % считают, что И.В. Сталин был великим человеком, и поэтому следует увековечить его память каким-либо монументом. Самый непопулярный ответ среди причин необходимости установки памятника во всех группах респондентов – «И.В. Сталин был хорошим руководителем государства», его выбрали 22 %, 8 % и 8 %.

Вспомним, что на вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли в современных условиях установить памятник И.В. Сталину?», меньшинство опрошенных в каждой группе ответили «Нет»: 29 %, 40 % и 42 %. В качестве причин своего неприятия данной идеи 35 %, 66 % и 70 % назвали «И.В. Сталин был убийцей, увековечивать его нельзя»; 13 %, 17 % и 15 % считают главной экономической составляющей вопроса и отмечают вариант «Все памятники были снесены, не нужно тратить деньги на их восстановление». И 35 %, 17 % и 15 % отвечают категорично: «Его (Сталина) нужно забыть».

Следующий вопрос вновь контрольный: «Какое время в истории нашей страны называют периодом «Большого террора»? Напомним, что термин «Большой террор» используется современной историей для характеристики периода наиболее массовых сталинских репрессий и политических преследований в СССР 1937-1938 годов. Для периодов правления других, даже зарекомендовавших себя суровыми, непреклонными руководителями страны, данный термин не используется. Поэтому все ответы, кроме «Время правления И.В. Сталина» поставят под сомнение степень осведомленности респондентов в проблеме.

К сожалению, после данного вопроса нам придется усомниться в компетентности достаточно большого количества наших респондентов. Правильное соответствие: «Большой террор» = «Время правления И. В. Сталина» указали 55 % девятиклассников, 80 % десятиклассников и 67 % одиннадцатиклассников. То есть от 20 % до 45 % респондентов трех исследуемых групп не обладают необходимой степенью компетентности в изучаемой проблеме, то есть их ответы базируются не на хороших знаниях, а как раз наоборот – на низкой осведомленности (высокий процент неосведомленности девятиклассников объясняется, конечно, тем, что они

еще не изучали соответствующей темы на уроках истории).

Следующий вопрос анкеты (№ 7) был: «Коснулись ли Вашей семьи репрессии периода «Большого террора»? Респонденты могли ответить: «да», «нет» или «не знаю». Среди девятиклассников 9 % (6 человек) ответили утвердительно, 31 % уверены, что их семью репрессии не коснулись, 60 % признались, что не знают. Среди десятиклассников лишь 3 % (2 человека) знает о том, что его семья стала жертвой «Большого террора», 48 % ответили отрицательно, и 50 % – не обладают информацией. У одиннадцатиклассников мы также увидели ровно половину респондентов, не знающих ответа на этот вопрос, 40 % убеждены, что репрессии обошли их род стороной, и 8 % (4 человека) заявили, что члены их семей становились жертвами террористической внутренней политики красных властей.

В следующем вопросе ребятам, ответившим на предыдущий вопрос утвердительно, предлагалось указать, каким образом репрессии периода «Большого террора» коснулись их семей (Вопрос № 8). И предлагались варианты: кто-то из родственников был расстрелян, кто-то из родственников отбыл срок наказания в местах лишения свободы по политической статье, семья была выслана, и предлагался вариант «Не знаю».

Из 12 респондентов (из всех трех групп), указавших, что репрессии коснулись их семей, в среднем по 25 % (по 3 человека) указали, что кто-то из родственников был расстрелян, или что кто-то из родственников отбыл срок наказания в местах лишения свободы по политической статье, 33 % (4 человека) знают, что семья была выслана. А от 17 % (человека), оказавшиеся в группе девятиклассников, при положительном ответе на предыдущий вопрос («Коснулись ли Вашей семьи репрессии периода «Большого террора?») в следующем вопросе затруднились указать, каким именно образом это произошло.

Вопрос № 9 был призван выявить отношение подростков к использованию труда людей, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Ребятам было предложено ответить, считают ли они допустимым в стране, испытывающей большие экономические трудности, принуждение заключенных к труду в нечеловеческих условиях.

Мнения девятиклассников разделились практически поровну: 45 % считают, что это оправдано, 55 % – против. У десятиклассников группа также разделилась почти пополам, но перевес произошел в пользу ответа «Допустимо», так ответили 52 %, а 48 % все-таки придерживаются гуманистических принципов, и указывают, что применение труда в нечеловеческих условиях не оправдывается ничем. Одиннадцатиклассники также демонстрируют полярность мнений, представленную в их ученическом коллективе почти равными долями: 40 % ответили, что в стране, испытывающей большие экономические трудности, принуждение заключенных к труду в нечеловеческих условиях оправдано, 60 % – против.

Тем, кто ответил «Да, оправдано», было предложено в следующем вопросе пояснить свою позицию и выбрать из предложенных вариантов близкий к своему мнению. Респондентам предстояло выбрать, к чему ближе их позиция и указать, во-первых, считают ли они привлечение к труду людей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, возможным и целесообразным при любых экономических условиях или только при сложных экономических условиях в стране; во-вторых, таковое привлечение возможно в любых, даже очень суровых, условиях проживания и труда или только в приемлемых условиях проживания и труда. Поэтому можно было выбрать два варианта ответа. Среди респондентов, которые ранее ответили, что принуждение заключенных к труду в нечеловеческих условиях в стране, испытывающей большие экономические трудности, приемлемо, 35 % (11 человек) девятиклассников, 37 % (11 человек) десятиклассников и 55 % (11 человек) одиннадцатиклассников указали, что привлечение к труду людей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, возможно и целесообразно при любых экономических условиях.

Что таковое принуждение возможно лишь при сложных экономических условиях в стра-

не, высказались 26 % (8 человек) девятиклассников, 23 % (7 человек) десятиклассников и 15 % (3 человека) одиннадцатиклассников.

Что касается условий труда: 26 % (8 человек) девятиклассников, 30 % (6 человек) десятиклассников и 5 % (1 человек) одиннадцатиклассников считают, что привлечение к труду людей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, возможно в любых, даже очень суровых условиях проживания и труда.

В среднем немного больше доля тех, кто считает, что такое привлечение возможно только в приемлемых условиях проживания и труда: 35 % (11 чел.) девятиклассников, 10 % (3 чел.) и 20 % (4 чел.) из 10 и 11 классов соответственно.

Следующий вопрос ставил ребят в ситуацию еще более сложного морального выбора. Предлагалось ответить, оправдано ли, на их взгляд, что в государстве проводятся репрессии в отношении граждан за их убеждения, взгляды, идеи, отличающиеся от общепризнанной идеологии? Задавая этот вопрос, мы хотели понять, как современные ребята видят феномен инакомыслия и оценивают ли его как угрозу государственной безопасности, а, соответственно, находят ли они отклонение от общепризнанной идеологии достаточной причиной для преследования человека.

На этот вопрос «Да» ответили 28 % девятиклассников, 14 % десятиклассников и 18 % одиннадцатиклассников. Из них в качестве объяснения своего мнения отметили, что убеждения, взгляды, идеи, отличающиеся от общепризнанной идеологии, угрожают безопасности государства (42, 25 и 33 %); в государстве должна быть одна идеология, и все граждане обязаны ее придерживаться (32, 0 и 33 %); государство правомочно проводить репрессии в отношении любых граждан (11, 13 и 0 %) и «граждане с отличающимися идеями, взглядами могут спровоцировать переворот, революцию» (16, 50 и 11 %). Доля приверженности идеям тоталитаризма, показанного респондентами, представляется нам достаточно весомой. Радует, что по мере взросления она уменьшается. Возможно, девятиклассники (среди которых самый высокий процент ответивших положительно на вопрос о преследовании людей за инакомыслие) не обладают еще достаточными знаниями и сформированными демократическими ценностными ориентациями.

Не секрет, что время «Большого террора» стало периодом унижения и смерти в нечеловеческих условиях мест лишения свободы множества людей и их семей, не имеющих вины перед государством и другими гражданами, но осужденных по ложным основаниям. Возможно, современные школьники найдут оправдание этому факту. Необходимость защищать страну от внешнего врага, экономические трудности в стране, необходимость удержать власть? Или для подобных явлений нет оправданий? Познакомимся с ответами учащихся.

Можно оправдать необходимостью защищать страну от внешнего врага – так считают 21 % девятиклассников, 17 % десятиклассников и 12 % одиннадцатиклассников. Экономическими трудностями в стране – 7 % девятиклассников, 10% и 6 % респондентов из 10 и 11 классов. Необходимость удержать власть как оправдание преследования инакомыслящих, называют 7 % девятиклассников, 12 и 14 % ответивших старшеклассников. Подавляющее большинство ребят указало, что такие действия властей оправдать нельзя: 56 % девятиклассников, 57 % ребят из 10 классов и 64 % респондентов-одиннадцатиклассников.

Последний содержательный вопрос анкеты вновь касался отношений «власть – человек», выяснению того, чьи интересы приоритетнее: государства или гражданина. Мы сформулировали вопрос так: «Считаете ли Вы, что жизнь и достоинство граждан могут быть ущемлены в государственных интересах?» Респондентам предлагалось согласиться или опровергнуть. Девятиклассники разделились пополам на согласных и несогласных (по 41 %), и 18 % затруднились с ответом. Десяти- и одиннадцатиклассники сошлись во мнении, что жизнь и достоинство граждан не могут быть ущемлены в государственных интересах (68 % и 70 %), 23 % и

24 % считают такое ущемление прав возможным, 9 % и 6 % не смогли выразить свою позицию однозначно.

Вот какие результаты мы получили, опросив 178 старшеклассников.

Мы уверены, что воспитание современной молодежи должно строиться на демократических началах, принципах гражданского общества. Наше анкетирование показало, что 10 и 11-классники высказывают более демократические, более компетентные ответы, то есть старшая школа оптимально решает вопрос гражданской подготовки ребят, но ведь многие уходят после 9 класса – как далее будет решаться вопрос с формированием их гражданской позиции и нравственности?

Содержание

О проекте	5
Предисловие	6
Часть I События проекта	7
Раскол вызвал революцию или революция – раскол? Татьяна Мостон.....	8
Стоит ли жалеть о том, что было в феврале 1917? Наталья Паэгле.....	12
История, которую не солгать, Юлия Афанасьева.....	15
Без шаблона! Ирина Шаманаева.....	17
Революция – это, прежде всего, нравственный вопрос, Татьяна Мостон.....	21
Истина где-то посередине, Татьяна Мостон.....	27
Революция без белых перчаток, Наталья Паэгле.....	33
Часть II Публикации	37
Зеркальная теория времени (Размышления после спектакля), Наталья Паэгле.....	38
Школа, учитель, ученики: что с ними происходило после Февральской революции (на материалах Екатеринбурга), Михаил Попов, Ирина Бахтина	40
История сталинизма в школьных учебниках истории, Виктор Кириллов	43
Часть III Конкурс эссе	49
Номинация «1917 год: был ли выбор?»	
Был ли выбор в «государстве без царя»? Виктория Крыгина.....	50
1917 год – был ли выбор? Валентина Родионова	53
Номинация «Трагедия «Большого террора» в СССР в памяти современников»	
Родина – мачеха? Илья Шевалдин.....	54
Трагедия «Большого террора» в СССР в памяти современников, Надежда Баяндина.....	59
Из истории спецпоселений на Северном Урале, Антон Зайцев, Ольга Россыпнова, Анастасия Совкова.....	62
Спецпереселенцы в системе спецпоселений Ханты-Мансийского округа в годы войны (1941-1945 гг.), Владислав Черкун	69
Страдания памяти..., Любовь Еловских	74
Номинация «Увековечивание памяти жертв политических репрессий на Урале»	
Российские немцы в Краснотурьинске: история появления и развития этнической группы, Кристина Пацер.....	80
Увековечивание памяти жертв политических репрессий на Алтае, Илья Киселев	92
Историко-культурное обоснование создания «Музея истории спецпоселения»	93
в посёлке Ягодный Кондинского района, Артём Агафонов	
Номинация «Если бы не 1917-й... Если бы не 1937-й...»	
в истории семьи, региона, страны»	
Фамилия как город, Солвейга Смилтене.....	97
История моей семьи в истории моей страны, Владимир Бангергт	102
«Эх, хорошо в стране советской жить»? (Страна Советов 1930-1950-х годов: мифы и реальность), Сергей Намятов	105
«Эти проклятые годы» в истории моей семьи, Валерия Панфилова	129
Моя семья в годы политических репрессий (30-е годы XX века), Полина Фролова.....	132
Исследование отношения современных старшеклассников ко времени «Большого террора» и к личности И.В. Сталина, Егор Деменцев, Иван Канонеров, Максим Кузнецов, Дмитрий Мосин.....	136

**Публицистический проект
«Если бы не 1917-ый... Если бы не 1937-ой...»:
сборник материалов по итогам проекта**

Ответственный редактор:
Мостон Татьяна Георгиевна,
ведущий редактор газеты «Народный учитель»
управления стратегии и информационной политики УрГПУ

Дизайн и верстка:
Васильев Василий Николаевич,
фотокорреспондент газеты «Народный учитель»
управления стратегии и информационной политики УрГПУ

В оформлении сборника использованы рисунки художника
Михаила Васильевича Дистергефта